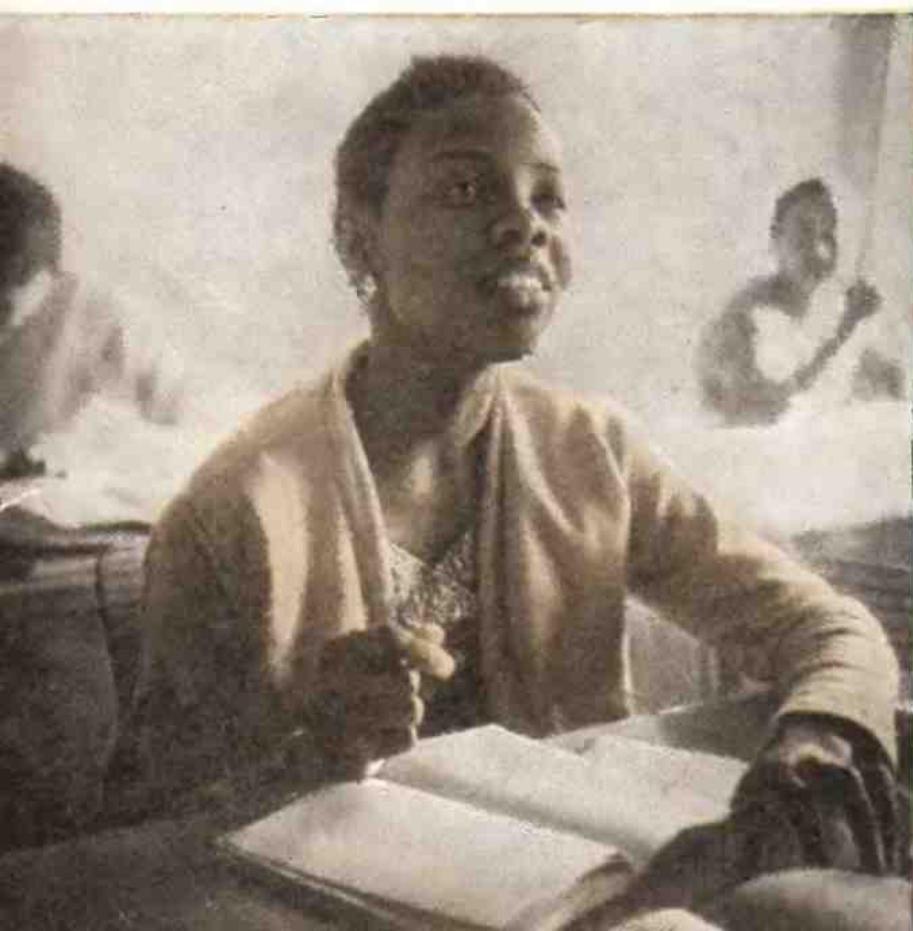
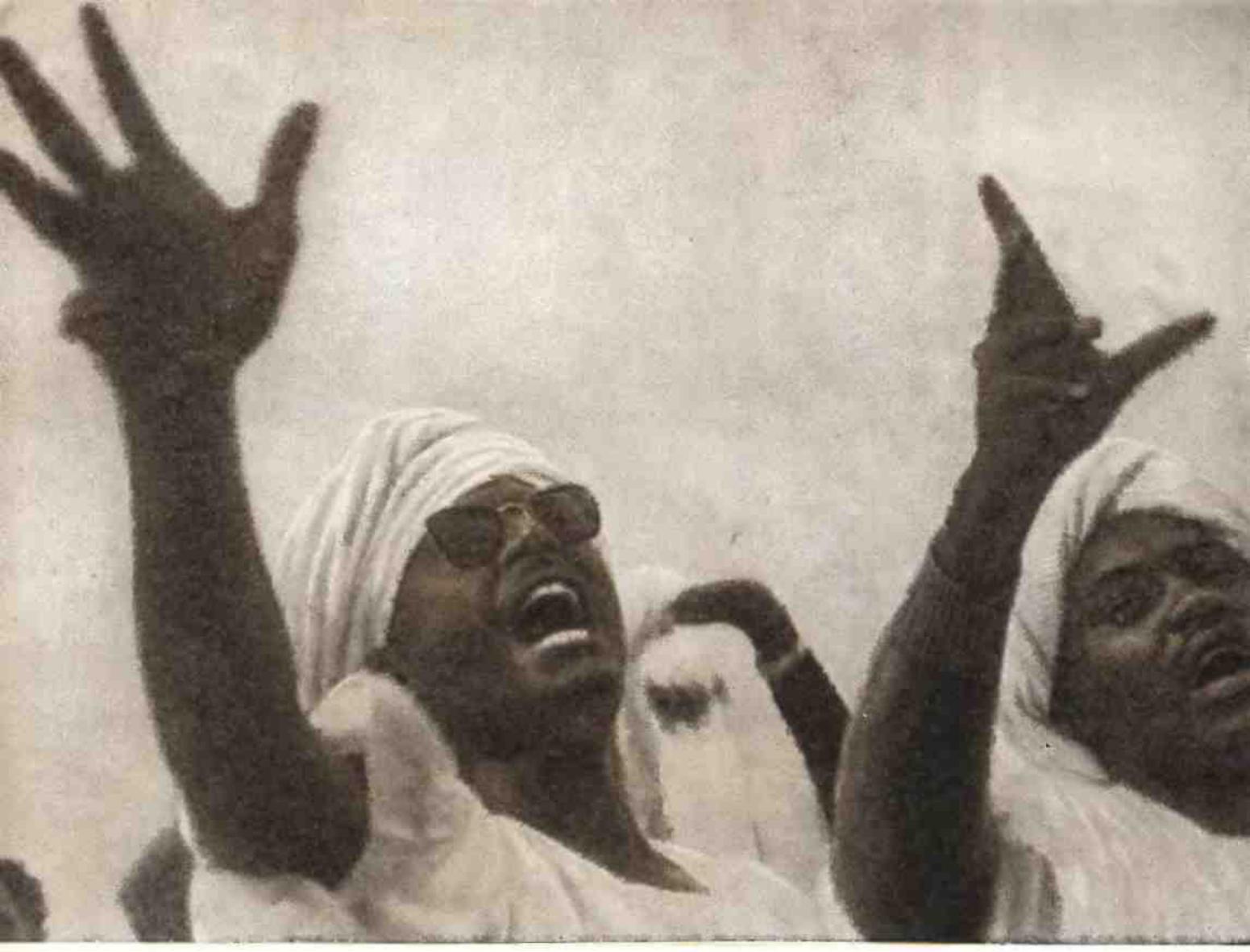
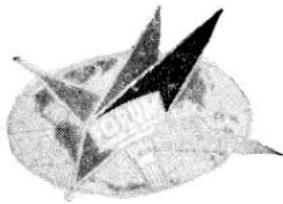

ВОКРУГ СВЕТА

7 1964
июль

В сентябре 1964 года в Москве будет проходить Всемирный форум юности, на который прибудут делегаты от молодежных и студенческих организаций более чем 60 стран мира. На Всемирном форуме солидарности молодежи и студентов в борьбе за национальную независимость и освобождение, за мир будут рассмотрены вопросы об объединении усилий молодежи в борьбе за свое будущее, против колониализма, реакции и войны; о решимости успешно завершить задачи антиимпериалистических и антиколониальных революций, сорвать коварные замыслы империалистов против народов, борющихся за мир и национальную независимость, ликвидировать на земле голод, болезни, нищету и социальную несправедливость.

На Форуме пойдет речь о месте молодежи в борьбе за возрождение национальных культур, за ликвидацию неграмотности, за международное сотрудничество в подготовке национальных кадров развивающихся стран, в борьбе с остатками колониального прошлого в области культуры и образования, против проникновения и навязывания идеологии империализма.

В новеллах «Конец модной песенки» и «Щит у дороги» специальный корреспондент «Вокруг света» А. Виноградов рассказывает о жизни молодежи Индонезии, о строительстве новой жизни в стране тысячи островов.

О жизни коренного населения островов Новые Гебриды, об их борьбе с колонизаторами рассказывает очерк М. Беленьского «Двести тонн поуденного солнца».

В этом номере журнала вы прочтете также рассказ о маленьком африканском острове Фернандо-По, до сих пор остающемся колонией франкистской Испании.

«Во весь голос» — фото В. КИВРИНА и «В Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы» — фото М. ГАНКИНА.

1964

ВОКРУГ СВЕТА

**№ 7
июль**

Журнал основан в 1861 году

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ**

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

ФЛАГ ЛЕТНЕГО ТУРИЗМА ПОДНЯТ.

Голубые километры. Путешествие в города. Сибирские просторы. «Маршрут № 3.

В ТАЙГЕ И В ПУСТЬНЕ. ЛЮДИ И ПОСТУПКИ.

Приключенческая повесть Н. Коротеева и рассказ Ю. Трифонова.

ПОЛЬСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА ПРАЗДНУЕТ ДВАДЦАТУЮ ГОДОВЩИНУ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ.

Очерк Курта Давида о Познани.

«О НОВОЙ НАУКЕ, НАЗВАНИЯ КОТОРОЙ НЕТ И В БОЛЬШОЙ СОВЕТСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ...»

Наша малая космическая энциклопедия.

«ГОР ПОЧТИ НЕ ВИДНО. ОНИ В ТУМАНЕ, В ДОЖДЕ, В СЕРОЙ ПЕЛЕНЕ СНЕГА. ТАМ, В ЭТОЙ ВОЮЩЕЙ МГЛЕ, ПЯТЬ ЧЕЛОВЕК...»

Очерк Г. Метельского о работе геологов в Приполярном Урале.

«Я ОТВЕЧАЛ ЗА ПЛАВАНИЕ, ФРАНЧЕСКО — ЗА ОХОТУ. Я НИ РАЗУ В ЖИЗНИ НЕ ОХОТИЛСЯ, ФРАНЧЕСКО НИКОГДА НЕ ПЛАВАЛ...»

О путешествии по рекам аргентинской пампы рассказывает итальянский журналист А. Арлетти.

НИК. КОРОТЕЕВ

Выстрела

ФЕДОР

Семен вышел на поляну, впереди дрогнули метелки камыша, и оттуда высыпал красно-белый ком.

Семен вскинул ружье — выстрелил не целясь, влет. Птица, кувырнувшись, стала падать. Тогда он понял: «Фазан!»

Тут же из рыжей травы взметнулась черная большая птица. Семен опять выстрелил.

«Еще фазан. А черный, должен быть, потому, что взлетел против солнца».

Почва под сапогами упруго вздрагивала, чавкала сътно и глухо.

Семен был очень доволен собой.

Вернувшись к костру, он небрежно бросил фазанов к ногам Федора.

Федор мельком глянул на добычу.

— Ловкий.

— Меткий, — поправил его Семен.

Если бы Федор согласился с ним, то он охотно рассказал бы, что в городе во время соревнований милицейских команд всегда занимал третье место в личном зачете. Но Федор, не повернув головы на кривой шее, кольнул Семена взглядом.

— Ловкий. Хороший дуплет.

«Чего с ним спорить, — сказал себе Семен, — ловкий так ловкий. Только вот разделывать эту дичь я не умею». И, сломив ствол ружья, он вынул стреляные гильзы, вложил их в патронташ.

Не вставая, Федор снял с костра котелок, деловито ошпарил птиц, ощипал их — словно кожу содрал, выпотрошил, вздел фазанов на прямой прут и повесил над огнем.

Семен облегченно вздохнул.

За время пути ему порядком надоело оказываться неумелым во всех таежных делах.

Так оно и было, если не считать, что Семен немного научился толкать лодку шестом. Впрочем, Семен считал эту работу нетрудной. До сегодняшнего дня Федор гнал бат в четверть силы: больше потел, чем трудился. Он тяжело выходил из глубокого похмелья. Только нынче позутиру Федор взялся за шест как следует, и Семен за час отмотал руки, но так и не сравнялся с охотником.

Вынув пачку сигарет, он протянул ее Федору, хотя уже знал — откажется, достанет из-за пазухи медную нанайскую трубку на длинном мундштуке и набьет ее темно-зеленым самосадом.

Федор так и сделал.

Семен заложил руки за голову и, попыхивая сигаретой, стал глядеть в небо. Редкие облака с аккуратными сизыми донцами замерли в вышине.

В костре потрескивали горящие сучья, шипел капающий в огонь жир.

Стояло безветрие. Душно пахло золотной прелью и прямыми незнакомыми цветами. Противоположный

берег, высокий и скалистый, наискось перечеркивала кварцевая жила. По верху скал стояли деревья, похожие на любопытных горожан, приехавших в воскресный день на прогулку и ради острых ощущений глядящих с обрыва.

Одинокий комар то стремительно приближался, то отлетал от Семёнова лица, то подолгу висел на одном месте и занудливо пищал.

Семен поймал себя на мысли: полчаса, а он ни о чем не подумал, не вспомнил, и ничто не обрадовало и не огорчило его. Эта тишина словно затягивает. Время останавливается — ведь течение времени он должен измерять событиями и делами. А что будет еще сегодня, завтра, через неделю? Какие события?

Такие, как в чайной?

Это была его последняя встреча с бывшим участковым, у которого он принимал дела. Семен знал, что тот уходит в отставку.

...Елистрат Евграфович, пожилой мужчина с темным обветренным лицом, на котором менее всего были заметны глубоко посаженные круглые глазки, зыркнул на Семена осторожно, будто пошел по тонкому льду.

— Вот самое крупное событие в году: нализаться перед началом охоты. Могут и подрасться. Ишь как! Ну ладно, тут, в райцентре, за порядком следить просто, могут и от-

Рисунки И. БРУНИ

В ТАЙГЕ

Повесть

сидеть за безобразия. А в Горном, в моем-то...

Бывший участковый помолчал, подталкивая на середину стола стакан крепчайшего чая. Потом он крепко обнял стакан пальцами и поднес его к губам.

— То есть в вашем, Семен Васильевич, теперь...

Окна были открыты, но дым в чайной плавал сизым непрозрачным слоем как раз на уровне лиц. Посетители кашляли и дымили еще усерднее.

Елистрат Евграфович вздохнул.

— Попробуйте поищите к ним подход. Вон Федька-кривой четвертый день гуляет. А вам завтра с ним идти. Перевернет спьяна лодку — и прости-прощай. Одни синяки километрах в двух на косу выкинет.

И, будто услышав их разговор, перед столиком, за которым сидели бывший и новый участковый, возник Федор со стаканом водки в руке.

— Эх, Елистрат Евграфович, нет красного сукна в магазине! Я вам дорожку... А?

Елистрат Евграфович молчал багровея. И Семен понял, что прежний участковый предоставляет право ему, Семену, защищать честь мундира. Ведь ответственность-то за охрану общественного порядка ложилась теперь на нового участкового — на Семена.

Семен поднялся.

— Я попрошу вас, Федор, изви-

ните, по отчеству не знаю, ошвартироваться на свое место. Пожалуйста, не приставайте к гражданам.

— О! — усмехнулся Федор. — Пристает? Я за здоровье... За отъезд... За пенсионера!

Семен взял Федора под локоть.

— Идемте, я провожу вас.

Федор с ухмылкой поглядел на Семена и, словно только что увидев его, закричал:

— За новое начальство! Оно подручники водят!

На Семена смотрели выжидающие, но и Федора не поддержали.

Когда Семен вернулся к столу, лицо его горело. Он взял стакан с чаем и увидел, что стакан дрожит.

— Вот он, во всей красе! — сказал Елистрат Евграфович. — Лучший соболятник! А ехать с ним завтра... не советую.

— Я поеду. Надо.

— Дело хозяйственное. Только факт — шалит в тайге Федор. Браконьерничает. Это вам и наш охотовед подтвердит, Мария Ивановна. Женщина осторожная, умная, ученная, однако она никак не изловит его, кривошеего-то.

— А вы что же не засекли?

— Видно, стар стал. Поэтому и с места уволили. Бывайте. Но помните про Неуловимку. Прозвище у Федора такое...

Семен закурил новую сигарету от пруттика, который вытащил из кармана, и опять лег на спину, зало-

жив руки за голову. Время снова потекло неощутимо.

— Готово! — послышался голос Федора.

Семен взял протянутый ему обломок палки — вертела с насаженным фазаном. Лоснящаяся жиром кожица была золотисто-розовой и усыпана коричневыми «веснушками». Семен отломил ножку, принял смахивать нежное рассыпчатое мясо с чуть приметной горчинкой.

Тем временем Федор сходил к реке и повесил котелок над огнем.

— Шалеешь от скуки... А?

Семен глянул на Федора. Тот и всегда-то посматривал будто с насмешкой, а теперь его губы кривились в откровенной ухмылке.

— Чего вы хотите? — спросил Семен.

— А ты, участковый, всегда можешь ответить на этот вопрос?

— Да. Человек всегда знает, чего он хочет.

— Счастливый...

— А вы?

— Я поел и чаю хочу, — ответил Федор, прислушиваясь к потрескиванию сучьев. Сухие ветви горели споро, почти невидимым пламенем. Только над котелком завивался дымок, крутился мелкими вихрями и поднимался ровным столбом.

— Каждый чего-то хочет, — сказал Семен, взял из рюкзака мыло и пошел к реке. Спуск был пологим, вода на плесе глубокая и спокойная.

Семен увидел себя словно в зеркале: широкоскулое лицо, добродушное и курносое: ни суровости, ни проницательности, которые Семен хотел бы увидеть хотя бы не для себя, а чтобы другие чувствовали.

— Эх, ты... — Взбаламутил воду рукой.

Семен подумал: «Неуволимка»... Прозвали же.

У костра он налил себе кружку чаю цвета смолы. Напиток вязал рот, а когда Семен выпил, то почувствовал легкий жар в глазах и свет дня вроде стал еще ослепительнее. В теле появилась приятная легкость — казалось, заставив его сейчас корчевать пни, он ухватится за самый кряжистый и, играя, вытащит.

Федор налил себе еще кружку и протянул котелок Семену.

— Вымой да воды принеси — кoster залить.

Семен хотел встать медленно, показать, что ему неприятен небрежно-самоуверенный тон Федора, но неожиданно для себя вскочил и побежал к реке. Он с маху ударил котелком по воде, выдернул его полным и, вернувшись, плеснул в огонь.

Облако пара взлетело из костра. Запорхала копоть.

— Заливать так будешь, и десяти котелков не напасешься, — проворчал Федор, смахивая с лица капель. — Подых надо. Там жар.

— Есть! — ответил Семен.

Он осторожно опорожнил котелок под угли.

Огонь зашумел сердито, но тут же опал.

У берега их ждал бат: узкая и тонкая, выдолбленная из ствола целого тополя лодка.

— Подсоби, — сказал Федор и взялся за узкий нос.

Одним движением они столкнули тяжело груженый бат в реку. Семен, стараясь не потерять равновесия, шагнул в лодку и обрадовался — удалось войти, не размахивая руками и не приседая, чтобы не свалиться за борт.

Плюнув на ладони, он смело взял шест.

В лодку прыгнул Федор. Прыжок его был хорошо рассчитан и очень мягок. Бат даже не шелохнулся, только осел под тяжестью.

— Пошли.

* * *

Семен выплыл из лодки на берег. Плечи и спина ныли нестерпимо, а ладони стерты в кровь. Семен опустил руки в воду. Холодная вода умерила боль, а потом тулая судорога свела мышцы до локтя.

Федор был по-прежнему точен и скуп в движениях, и совсем не чувствовалось, что он весь день махал шестом, гоня бат против течения. А теперь вытащил на берег лодку и, пока Семен маялся с руками, набрал сушняку, запалил огонь и повесил чайник.

— Дров нужно, — сказал он подошедшему Семену.

— Этих, что ли, не хватит?

— На ночь наверняка мало.

Ночевку Федор выбрал на крутом берегу, у распадка, откуда вытекал ручеек, едва приметный среди лиан, корявых каменных берез с почти черными стволами и густых кустов. Выше по склону росли орешник и малина.

Солнце стояло низко, было медовым и освещало лишь верх склона. Внизу копились сумерки.

Чтобы набрать сушняку, пришлось спуститься в распадок. Из малинника торчали сухостоянны. Решив, что одного дерева на ночь вполне хватит, Семен стал прорицаться к ближайшему, чтобы свалить его. Комель дерева был в тени, а ствол и голые ветви еще освещались солнцем.

Вдруг на стволе Семен увидел медвежонка.

Оторопел: «Подарочек...»

Медвежонок пялил на него глазенки, будто решая: лезть выше или тут уже безопасно.

Медведица, черная, возникла сразу, словно давно стояла под деревом. Она была нема и неподвижна, как изваяние.

Семен попятился.

Медведица поднялась на задние лапы и сразу выросла вдвое.

Густо зарычала, двинулась на Семена.

Семен выхватил пистолет. Выстрелил.

Медведица шла, мотая головой.
Семен выстрелил снова.
Медведица взревела. Двинулась
быстрее, будто выстрелы были уда-
рами бича, подгонявшими ее.

И тогда Семен стал палить, уже
не целясь.

Медведица словно повисла над
ним, разбрызгивая кровавую пену.

Зажмурившись, Семен ожидал:
вот-вот зверь подомнет его.

Позади грянул выстрел. Огнем
ожило голову Семена выше уха.

«Все...» — решил Семен, выронил
оружие, прикрыл руками голову, сог-
нулся, что-то тяжелое ударило его
в плечо, он повалился, и мохнатая
туша вдавила его в траву, в землю.

Что-то горячее, липкое текло ему
на лицо.

«Жив я, что ли?» — отрещенно
подумал Семен. Попробовал шевель-
нуть плечами — не смог, только ноги
оставались свободными. «Жив,
выходит...» — и он попытался вы-
браться, но не хватало сил. Он вдыхал
запах прели и тяжелый дух зверя
и крови.

Притиснутый лицом к земле, Се-
мен скорее почувствовал, чем услы-
шал шаги.

«Федор... — понял Семен. — Он
тоже стрелял в медведицу. Я слы-
шал его выстрел, а потом она меня
лапищей саданула».

Семен снова пошевелил ногами.
Почувствовал, что Федор помогает
ему выбраться, отвалив с него ту-

шу. Наконец Семен сел. И тогда
понял — жив, невредим даже. Хотел
отползти, но, обессиленный, он ух-
нул куда-то в темноту.

* * *

Он словно продолжал куда-то
ползти, а его кто-то останавливал,
ворочал, оттаскивал, и он в бреду
видел перед собой оскаленную пасть
медведицы. Она тоже ворочала его
и касалась когтями ладоней. Семен
снова полз куда-то, а временами ду-
мал: «Может ли это быть?» Тогда
он начинал понимать, что спит или
бредит, но очнуться сил не хватало.
И снова появлялась оскаленная
пасть медведицы, медвежонок под-
мигивал со ствола, а он мучился от
боли в ладонях и полз куда-то.

Кошмар оборвался. Разлепив рес-
ницы, Семен увидел красные, мер-
цающие угли. За костром стояла
стена тьмы.

«Ночь... — подумал Семен, — сов-
сем ночь. Значит, я спал. Пить...
Хоть глоток...»

Семен увидел кружку, протянул
к ней руку и окончательно пришел
в себя. Ладони и кисти перемотаны
тряпками. Он сел. С плеча свалил-
ся ватник, Семен почувствовал, что
раздет до пояса, поежился: «Ничего
не понимаю».

Боясь разбудить боль, он осторожно
протянул обе руки, взял кружку,
 выпил залпом. Прерывисто вздохнул.

Обломились прогоревшие сучья ко-
стра. Заметались в дыму искры. По-
гасли.

Семен заставил себя посмотреть
влево. Он слышал ровное дыхание,
обернулся. Федор спал на боку, под-
ложив руки под щеку.

Семен натянул ватник на плечи.
Знобило. Саднило над ухом.

«Крепко это меня, — подумал Се-
мен и потрогал голову, ощупал сса-
дину, прямую, будто кто ударил
его. — Так кто же убил медведи-
цу? Я или Федор? Я стрелял...
А она шла. Потом выстрел из кара-
бина. Она на меня повалилась. Вы-
ходит, Федор. А может, он добил
только...»

Редкий первый свет тронул край
неба, отразился в реке. Тьма вокруг
костра сгустилась. Она ощущалась
как осадок ночи.

Похолодало.

— Очнулся? — сказал Федор.
Неожиданно для себя Семен спро-
сил:

— Медвежонок где?

— І, тайге.

— Пропадет.

— Пестун-то? — удивился Фе-
дор. — Не пропадет. За него вы,
товарищ участковый уполномочен-
ный, не беспокойтесь.

— Мне за себя беспокоиться
надо...

— Это дело ваше.

— Что это ты, Федор, все загадоч-
ками говоришь?

— У всякого зверя свои повадки.
— Я не пацан.

Федор усмехнулся.

— Вестимо, власть. А за царанину не обижайтесь. Руки дрожали... с похмелья. Вот и задел.

Семен только слону слготнул.

— «Пушку»-то я вашу подобрал. Одеожонку от крови отмыл. Сушится, — говорил Федор, не открывая глаз, как сквозь сон, будто ему совсем не хотелось вступать в разговор.

Прищурившись, Семен старательно разглядывал лицо охотника. Оно было спокойно, почти безмятежно.

— Зачем же пить, если знаешь, что руки дрожат.

— Перед уходом кто-то не пьет. Не мой обычай. А в тайге и нюхать опасно. Такие вещи понимать надо. Благодарствую, что не прицепились тогда, в чайной.

— Я думал, ты поймешь... — начал Семен. Хотелось ему сказать, что не такой он человек, чтобы шум не из-за чего поднимать. Но только рукой махнул. — А обычай дикий... — он потрогал ссадину.

Однако недосказанное участковым Федор понял по-своему:

— Добро, если с оговоркой сделано, может быть хуже зла. Ладно. Двигать дальше надо.

— Я не смогу работать шестом.

Федор промолчал, будто не слышал. Когда собрались, сказал:

— Справочку-то мне напиши. Это-то сможешь. Как и при каких обстоятельствах убита медведица. Мнено могут и не поверить. А охота в это время на них запрещена.

«Ишь, ты... Хитер, — подумал Семен. — Ох, хитер! К черту, пусть руки отвалятся, а толкать батя стану!»

«ЛОСИХА»

Тряпичи, которыми были обернуты ладони, пропитались кровью и накрепко прилипли к шесту. А под ними Семен ощущал неприятную теплоту свежих ран, но боли не чувствовал: «Прав кривошней, притерпелся».

Бат пошел по кривуну, солнце, отраженное рябью реки, слепило.

— Вон усадьба лесничего, — кивнул Федор. — Добрался, значит, ты.

На крутом берегу стоял дом в пять окон, добротный, под тесовой крышей. На скате, обращенном в сторону реки, в потемневший тес был врезан треугольник хорошо остроганных, желтых досок — знак для самолетов лесной авиации.

— Встанем на дневку, — сказал Семен.

— Я туда не ходок.

Федор направил бат к берегу, где под кустами виднелся дощатый причал. Но лодки около него не было.

— Твое счастье, участковый, хозяина дома нет.

— Жаль. А почему «счастье»?

— Говорят, Лосиха — баба добрая.

— Какая лосиха?

— Лесничиха.

«Экий ты, — подумал Семен, —

про всех-то ты всяющую всячину знаешь. И рассказывать любишь».

Федор выкинул на настил комок участкового, ружье, а затем стал швырять куски освежеванного медведя.

— Оставь себе, — великолушно заметил Семен.

Ощерившись, Федор глянул на участкового с интересом.

— Нам чужого не надо, дай бог, краденым проживем. Твоя доля. Вместе охотились.

— Осторожничаем.

— А как же? — И Федор сильно оттолкнулся шестом.

Лодка стремительно, но без всплеска вышла на середину реки, развернулась на стрежне и сначала лениво, а потом все быстрой и быстрой, подгоняемая ритмичными толчками, двинулась вверх, против течения.

«Красиво, что адмиральский кarter!» — подумал Семен.

Потом посмотрел на крутой, куда вела извилистая тропинка, и увидел женщину в пестрой кофте и темной юбке. Голова ее была повязана белым платком. Она стояла, твердо упираясь ногами в землю.

Хозяйка была крупная, ростом почти с него, широкая в кости и полноватая для своих лет. Семен прикинул, что ей примерно тридцать.

— Милости просим, — голос лесничихи был глубокий, грудной. — С руками-то у вас что?

Семен постарался ответить небрежно:

— Шестом натер, с непривычки.

— С Федором добирались. Уж это озорник известный. Все от него стонут. В дом заходите. Самого-то нет. В тайге. И дноет и ночует в тайге.

— Не беспокойтесь... — начал бато Семен.

— Дарье Митрофановной меня зовут, — сказала она. — Да зовите запросто — Дашей. Чего церемония.

— Вы не беспокойтесь, Дарья Митрофановна.

— Да чего уж там. За одним добром смотрим.

— Мы ненароком зверя подстрелили. Мясо там на причале.

— Да вы не волнуйтесь, — бойко сказала лесничиха. — Чего вам-то... Это наше дело — женское.

Семен устало подумал, что действительно услуга пустяковая — здоровому человеку на десять минут работы. Войдя в горницу, высокобленную до воскового цвета, он сел на лавку, стащил сапоги.

Он сидел, привалившись к стене, и разглядывал комнату: пестрые половики, щепетильно белые салфетки и салфеточки на столе, комоде, тумбочки, стенах; во всем убранстве было что-то от тщеславной женской суэты, немного смешной, а больше грустной. Почему грустной — Семен не смог бы ответить, но грусть присутствовала в доме. И не как гостья...

Вошла Дарья. Она раскраснелась.

— Чтой-то вы медведя убили? Да еще при Федоре.

— На меня медведица пошла.

Семен заметил недоверчивый взгляд хозяйки, но ему сейчас было все равно — верят ему или не верят.

— Мне бы поспать, — сказал он.

— Какой же сон на пустой-то жерлодок? Поешьте, рюмочку с устакту выпейте. А потом и выспитесь.

На столе появилась фаянсовая бутылка — пингвин в синем фраке, стопка.

Спирт ожег глотку. Во рту остался приторный привкус крови, который не смогли отбить ни каштановой капусты, ни упругая пряность грибов, ни душистые наваристые щи. Когда он принимался за первое, по телу прошел легкий приятный озноб. В комнате будто посветлело, а лицо лесничихи, круглое, румяное, со светлыми карими глазами, вдруг показалось интересным. Усталость отхлынула от груди и оставалась только в руках и в ногах, но и там быстро таяла, словно ледок на весеннем солнце.

Лесничиха принесла жирную кабаницину с тушеной картошкой, остро пахнущую какими-то приправами. Семен протянул руку к «пингвину».

— Впервые в тайге?

— Догадались вы! — сказал Семен.

— Бодро пьете.

— А что?

— Да мне не жалко...

После обеда Семен залез на теплую печь, уснул быстро и спал без снов.

Внезапно открыв глаза, он почувствовал себя до удивления отдохнувшим. Отдохнувшим до такого радостного состояния, до такой бодрой невесомости, что сейчас для него не составляло труда снова войти в бат и гнать упирающуюся лодку вверх по течению.

С неожиданной легкостью Семен соскочил с печи, уставился на Дарью, сидевшую у стола с шитьем в руках: «Красивая лесничиха-то!»

Он поймал себя на том, что следит за ней.

Они пили чай из самовара, старого, но начищенного до зеркального блеска. Над краном виднелись слабые отпечатки медалей с чьими-то профилями. Тянулось чаепитие долго и проходило в молчании, потому что Семен не мог сосредоточиться на разговоре, занятый пухлыми губами лесничихи, тянувшимися к блюдечку, полными руками, оголенными по локоть.

— Почему же вас прозвали Лосихой? — спросил Семен.

— А ты, участковый, у людей пытаешь.

— Я у вас спрашиваю.

— Скажу. Мой отец лосиха с лосенком убил. По словору, с ведома лесничего. А когда убил, лесничий отперся: я не я — и лошадь не моя.

— Сто шестьдесят шестая статья — срок до года.

— Законник... Думаешь, мой отец молчал? Он пристрелить его хотел, да только ранил. В ногу.

— Да...
Лесничиха передразнила Семена:
— Да-а-а...
Участковый повернулся к Дарье.
— А дальше?
— Случись такое — и любая стала бы Лосихой...
— А отец ваш?
— С круга сошел. Спился.

Семен достал из кармана кителя сигареты, закурил.

Лесничиха поставила на стол чашку, сбросила с плеча полотенце, которым вытирала посуду, круто повернулась и направилась в смежную комнату.

Семен прошел к окну, раскрыл створки.

«Настойка-то на пантах», — сообщил он запоздало. — Больше рюмки не следовало».

Над ближней излучиной реки стелился пологом туман. Еще не растворяясь в темноте очертания сопок. Пахло смолой и свежестью трав в росе. Где-то поблизости зашлась лягушачий смехом сова.

«Вот тут и разберись, — подумал Семен, — и сумей себя правильно повести...»

* * *

После демобилизации Семен захотел остаться на Дальнем Востоке, там, где служил на пограничном катере. Он стал подыскивать работу. Зашел в горком комсомола посоветоваться. Семьи у него не было, и он мог ехать куда угодно, лишь бы дело нашлось по душе.

Семен сказал:
— Я относительно трудоустройства...

— Да ты проходи, садись, — ответил, поднимаясь, раскрасневшийся от смеха парень, одетый с той безукирзинностью, в которой даже придиличный взгляд флотского не мог обнаружить ни единой небрежности. Это сразу понравилось Семену.

Но сесть было некуда. Кто-то уступил стул, Семен стал отказываться. В конце концов все, кто находился в комнате, снова рассмеялись над вежливой сумятицей. Семена усадили почти силком. Он, настроенный на официальный прием, растаял, что называется, и почувствовал себя свободно, словно среди своих в кубрике.

Парни в комнате еще поговорили минуты две о своих дела, непонятных Семену, упоминая то и дело фамилию какого-то Пушкина, которая неизменно вызывала веселье.

— Давай знакомиться, — сказал инструктор, все еще продолжая улыбаться.

Они протянули друг другу руки, и оба одновременно произнесли: «Семен».

Это обрадовало их и сблизило. Разговор пошел непринужденно.

— Что ж, — инструктор хлопнул по столу ладонями, — давай выбирать.

Он начал перечислять стройки.

— Послушай, дружище! — вдруг воскликнул он. — Для тебя есть и другое дело. Важное!

— А что за работа?
— В милиции.
Семен вздохнул:
— Да ведь я уже на гражданский лад настроился.

— Подожди! — заулыбался инструктор.

Он стал рассказывать о работе участкового уполномоченного в тайге. Быть им — значит жить в тайге среди охотников и охотиться самому сколько хочешь, а места-то какие!

— Ну как, сагиттировал? — спросил инструктор.

Семен ответил не задумываясь:

— Согласен.

— Погоди! Погоди. Какой горячий! Это, так сказать, антураж. О существе работы тебе расскажет начальник службы управления охраны общественного порядка.

Так решилась судьба Семена.

Сначала ему предложили ознакомиться с работой участкового уполномоченного в городе, несколько раз он ездил с начальником отдела в районы края, чтобы приглядеться к делу на месте.

Возвращаясь из последней поездки, Иван Петрович Шухов — начальник отдела службы — заговорил с Семеном о назначении.

— Глубинки не боишься?

— Я, Иван Петрович, мечтал вырваться в глубинку.

— Мечты разные бывают.

— Разве я на Манилова похож, Иван Петрович?

— Я не про тебя, а про мечты... В Горном место освобождается. Был там двадцать лет участковым Семин Елистрат Евграфович. Считался когда-то одним из лучших. «Хозяин!» Так про него говорили. Любил покричать и постучать кулаком по столу. Но с народом не сжился. Стыдили его, проридали на собраниях, совещаниях.

Шухов помолчал.

— Не боитесь, Семен Васильевич, такой участок взять?

— Приказ есть приказ.

— Ну, если так, то плохо. Не хотелось бы дело до приказа доводить, хотелось, чтоб с охотой люди шли.

— Ясно...

— Опять «ясно». Так как же насчет глубинки? Ведь спрашивать будем строго! Согласен?

— Согласен.

— Тогда будем советоваться с начальником о назначении.

...Семен просидел до зари, предаваясь невеселым думам: тот ли он человек, не ошибся ли начальник отдела службы краевого управления охраны общественного порядка капитан Шухов, когда согласился назначить его в глубинку.

* * *

— Оюшки! — Лесничиха появилась в дверях. — Никак не спали?

— Нет, — вздохнул Семен и подумал: вот ей все должно быть ясно.

— О зазнобушке мечтал?

Лесничиха прошла на кухню и там быстро, ловко и бесшумно возилась у печки: только слышался мягкий, ежиковий постук ее босых пяток.

«Видать, хозяйка, — подумал Семен. — А вот что за человек — это еще вопрос».

— Недоспали, так доешьте.

Посмотрел Семен, как Лосиха ласково расставляет тарелки со снедью, ощущил голод и пересел к столу.

Дарья принесла самовар и отправилась было обратно на кухню, но Семен остановил ее.

— А вы?

— Мне не к спеху.

— Без хозяйки и еда не еда.

Дарья улыбнулась, даже уши ее порозовели от удовольствия.

— Под замах! — подсела. — Может, вы и щеч...

— Не привык... Еще не привык.

— Пообвыкнете. Что это у вас с головой-то?

— Да Федор стрелял...

— Федор? — испугалась вдруг лесничиха, но это был испуг не за Семена, а за Федора. — Стрелял?

— Федор.

Лесничиха побледнела:

— Быть не может... Федор...

— Да он случайно. На меня медведица пошла, а он как раз стоял сзади. Отличный выстрел!

Дарья ладонями поправила волосы на висках, будто они могли спутаться от испуга, и вдруг, словно опомнившись, что собеседник подсмотрит ее чувства, сказала:

— Посадить бы его надо... И всем легче станет.

Семен поперхнулся:

— Посадить?!

— У-гу.

— За что?

— А вот вы пойдете к деду Прокопу, там сейчас и муж мой Егор Аполлинарьевич и охотовед Мария Ивановна. Они вам все и обскажут. За браконьерство и посадить. Вам и... м... Марии Ивановне... Всем... легче будет... Думаете, он вам кроши не попортит?

— Дарья Митрофановна, а подорнее вы ничего не можете сказать? — спросил Семен.

— Не мое это дело, Семен Васильевич. Не мое. Мое дело печку топить, гостей потчевать. А то не мое.

— За что ж вы так не любите Федора, Дарья Митрофановна?

— Может, и себя не люблю, Семен Васильевич.

«И то верно, — подумал участковый. — Откровенно... Прямее и не скажешь».

Потом Семен спросил дорогу к деду Прокопу, где, по ее словам, были сейчас ее муж Егор Аполлинарьевич и охотовед Мария Ивановна.

Семен отправился к землянке деда Прокопа.

(Продолжение следует)

ДВЕСТИ ТОНН

ПОЛУДЕННОГО СОЛНЦА

МАРК БЕЛЕНЬКИЙ

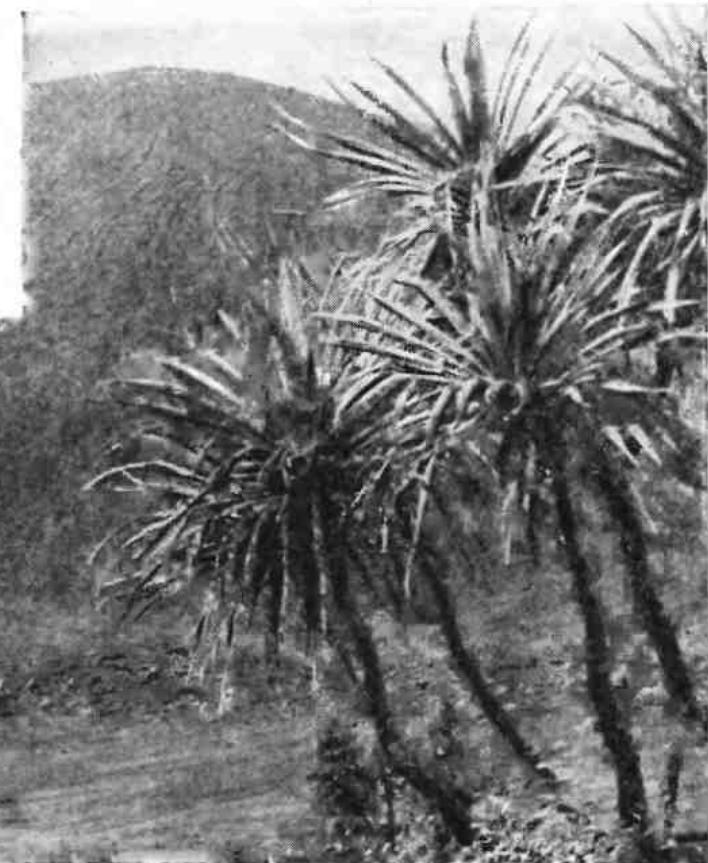

Шохоже, что острова в Южных морях — так называли во времена великих географических открытий Океанию — природа создавала по единому «типовому проекту»; каждый остров обнесен частоколом коралловых рифов, за которыми расстилается, вся в блестках солнечной чешуи, по-озерному спокойная вода лагуны, переходящая незаметно в пологий берег. Так выглядят Фиджи, Тонга, Туамоту, Маркизы и еще множество групп островов Великого океана. Но природа не без «капризов». И один из них — Новые Гебриды.

Когда 14 августа 1774 года капитан Кук увидел перед собой остров Танна, ему показалось, что он ошибся полушарием, — до того круто обрубленный, необычный для этих мест берег напоминал коричневые обрывы Гебридских островов у северо-запада Шотландии. И архипелаг был окрещен Новыми Гебридами.

Впрочем, капитан Кук был далеко не первым европейцем, обнаружившим архипелаг, «замыкающий» Коралловое море. Еще за сто семьдесят лет до Кука испанец Педро Фернандес Кирос увидел в этих широтах сушу. Он решил, что это и есть таинственный материк «Австралия» (Южная Земля), о котором рассказывали капитаны, отважившиеся огибать Индию и забираться так далеко на юг. И Кирос назвал землю Австралией Святого духа. Как выяснил через полтора столетия француз де Бугенвиль, это был не материк, а самый северный в цепи из тридцати семи островов архипелага. Но испанское название Эспириту-Санто — остров Святого духа — осталось за ним.

Лежащие на скрещении важнейших морских путей, на границе двух океанов, Новые Гебриды в течение всего XIX века были предметом ожесточеннейшей грызни между Францией и Англией. К островам подходили корабли под самыми разными флагами, на берег вы-

саживалась команда узаконенных пиратов, набранная в Марселе или Ливерпуле, и под защитой пушек своих бригов или фрегатов немедля приступала к «защите интересов местного населения и метрополии» — так повелось у западных дипломатов еще с тех пор величать разбой и насилие. «Защита» шла столь интенсивно, что вскоре на побережье не осталось коренных жителей: те, что избежали участия рабов на плантациях Нового Света и соседних, более богатых островов, скрылись в горных джунглях.

«В Меланезии, — писал Н. Н. Миклухо-Маклай, — вы-

воз туземцев обезлюдила значительно острова Ново-Гебриды и Соломоновы и распространила в них заразительные болезни».

Новые Гебриды долго оставались яблоком раздора. Лишь в 1906 году, опасаясь, как бы острова не попали под власть третьего, раввавшегося к дележу претендента — Германии, «высокие договаривающиеся» хищники Франция и Великобритания установили для Новых Гебридлов статут кондоминиума — совместного владения.

Прошло более полувека.

Внешне далекий архипелаг остался прежним. Те же заливы, рифы, джунгли — «непременный ассортимент» для страждущих экзотики. Традиции и образ жизни племен, как и на протяжении тысячелетий, также не подверглись изменениям — экзотика здесь находится под охраной европейцев и только для европейцев. Ну, а что же принесли «совладельцы» — участники кондоминиума — своим подопечным за эти полвека? Ведь в самом увековечивании такой «экзотики» — обвинение «цивилизаторам», искусственно сохранившим ее и затормозившим историческое развитие острова.

АМОК ПРАЗДНУЕТ НАМЕНГИ

В центре Амока, крохотной деревушки, вкрапленной в неприступную зелень плато Биг-Намба в глубине острова Малекула, гулко звучит большой тамтам; барабаны поменьше и погремушки рассыпают звонкую дробь. Тесным кругом стоят празднично одетые и украшенные жители племени намбов, а в центре самозабвенно пляшут двое — этнограф француз Фредерик Дрилон со своей женой. Их товарищ по экспедиции профессор Жиль Артур мастерски управляет с тамтамом или, надув щеки, успешно имитирует саксофон. Белая пара танцует ча-ча-ча, твист и прочие новомодные танцы — все, что они могут продемонстрировать в качестве «национальных» танцев в ответ на ритуальные танцы намбов. Этнографы — первые белые, за много лет попавшие в Амок.

От селения Танмару на побережье до Амока не более сорока километров. Но лишь на третий день пути над крышей набухшего леса (сейчас — период муссонов) возникают дымки жилья, а на тропинке словно вырастают атлетически сложенные воины с ружьями. Молодой вождь — кали, убедившись в добрых намерениях прибывших, приглашает их в Амок. Он гостепримно предоставляет им намель — большую хижину из плотно пригнанных стволов, крытых листьями. Она будет служить жильем, фотолабораторией и студией звукозаписи. Дрилон и Артур приехали к началу Наменги — самого крупного праздника намбов. Наменги устраивается в июне, в конце сельскохозяйственного цикла, раз в пять лет. Праздник связан с повышением в звании молодого вождя или кого-либо из его родичей.

У намбов существует несколько званий, тщательно соблюдаемых; принадлежность к каждому из них дает определенные права. Для мужчин существуют два высших звания — «велвел» и «мелалаул»; причем они даются не только членам семьи вождя, но и самим отважным и искусным воинам. Что касается сыновей вождя, то они получают звание «велвела» по наследству. Это, однако же, не избавляет их от сурового воспитания и закалки: вождя должен быть самым сильным и смелым.

Намбы подразделяются еще и на большие семейные группы, «специализирующиеся» в каком-либо определенном занятии. Например, одна большая семья — мастера по возведению хижин и тотемов, строители и скульпторы; другая — музыканты; третья — мастера по плетению корзин; есть даже группа париев, поставлявшая жертвы. Когда назревала война, вождь посыпал человека из этой семьи во враждебное племя. Его либо убивали в знак того, что жажда мести удовлетворена, либо отсыпали обратно — это означало, что войны не избежать.

Девочка из Амока.

Холостые мужчины каждой из этих групп живут в большой общей хижине. Воин имеет право иметь одну жену — правда, это правило не распространяется на вождя.

В будни намбы разных званий не отличаются друг от друга одеждой и украшениями. Но по случаю праздника Наменги они украшают себя перьями, раскрашивают тела краской, приготовленной из коры дерева и смешанной с маслом какао. Праздник посвящен введению сына вождя в звание «кмелаул».

Под призывное со-драгание барабанов женщины садятся в круг. Они щелкают в ритм пальцами, раскачиваются, улыбаются. Мужчины «гримируются» тут же на площадке. Первый танец — танец с ружьями. Ружья — единственное напоминание, что все происходит в нашем веке. Кстати, че-го-чего, а оружия «сово-владельцы» архипелага не жалеют: «Пусть дикари воюют друг с другом...» Мужчины выстраиваются в две шеренги, женщины подходят к ним и легонько касаются ладонью плеча. Последующее напутствия шеренги, ритмично раскачиваясь, сближаются,

охотники вскидывают ружья — и воздух раскалывает залп. И снова танцовщицы, крадучись, начинают «выслеживать дичь».

А в это время в углу площадки открывается нечто вроде «сельскохозяйственной выставки»: туда приносят ямы, гигантские бананы, лучшие кокосы, самых упитанных поросят. Как только кончается танец охотников, вождь — весь в великолепии праздничного наряда — дает сигнал. Экспонаты «выставки» подаются «на стол». Женщины извлекают из-под горячих камней куски мяса с кореньями, завернутые в листья.

Тропическое лето в разгаре. С высоты неба на Амок обрушаются все двести тонн полуденного солнца, но ритм Наменги все нарастает.

Среди намбов вряд ли найдется кто-нибудь, кто не умел бы петь, танцевать, а ведь песни эти никто не записывает. Столетиями передаются они из поколения в поколение, так же как ритуальные движения. Гармония ярких красок — их никогда не смешивают — поражает своей законченностью. Тотемы над крышами хижин, привлеченные охранять дом от дурного глаза, покоятся на ажурных, тонко выполненных подставках. Тотемы тоже убрани перьями — сегодня Наменги.

Вот и главный «номер» праздника — Танец человека-птицы. Из зарослей появляется нильель — человек-птица. Тело его покрыто белой краской, синими и красными полосами, на голове набор перьев. Он — олицетворе-

ние всех злых сил. Он пронзительно кричит, машет руками, тянет скрюченными пальцами-когтями к танцующим. Тревожно стучит маленький барабанчик — высуненный кокосовый орех. Смоляет пение. Нильель разбивает цепь танцующих, круится быстрее, быстрее и, наконец, прыгает в сторону сидящих женщин. Но мужчины стеной становятся на его пути. Снова звучит песня, и злой дух, устрашенный решимостью защитников, отступает и скрывается в джунглях. Добро победило!..

ИМЯ БОГА — ДЖОН ФРУМ

Нигде от Малекула, в центре архипелага, лежит остров Эфате. Здесь находится столица кондоминиума Порт-Вила. В одноэтажных домиках — резиденции обоих верховных комиссаров. На берегу несколько больших зданий — склады оптовых торговцев, скупавших у местных колонистов копру, кокосы, какао и хлопок. Это самый обжитой и «цивилизованный» остров: на нем не осталось коренных жителей, их место заняли выходцы с полуострова Индокитай. Южные же острова — Танна и Аннейтюм — почти не исследованы.

«Итак, остров Танна. Восемь тысяч жителей разбросаны по двумстам пятидесяти селениям. Говорят они на восьми разных языках. Над островом выгибает горб небольшой, прямо-таки комнатный, вулкан Яхве. Он выпускает в доказательство того, что он настоящий, пушистый султан дымы, долго не рассасывающийся во влажном воздухе». Так начинает рассказ о Новых Гебридах французский исследователь Бернар Вилларе.

До острова Вилларе удалось добраться на моторке пастора-адвентиста. Это один из многочисленных конкурирующих миссионеров-проповедников, нахлынувших на острова архипелага. Местные племена после каждого нового крещения упорно возвращались к идолопоклонничеству, освященному вековыми традициями. Ну, как им было поверить в белого Христа — чужого бога и чужого спасителя, если сам белый колонизатор сумел принести им лишь рабство, скверный ром и болезни?! Кто знает, не получил ли белый цвет нильеля — злого духа — новое осмысление после начала колонизации? В последние десятилетия христианские миссионеры и проповедники многочисленных сект, отпочковавшихся от христианства, развили на островах бурную деятельность. Однако, как признавался Вилларе пастор, «плоды наших трудов пока не соответствуют нашему энтузиазму».

Здесь, на острове Танна, родилась новая, необычная религия под названием «Джон Фрум».

Несколько женщин в юбках из травы в молчании стоят возле массивного деревянного креста, выкрашенного в красный цвет. Селение Бисер расположено на западной стороне острова и прилегает к маленькому озеру с прозрачной зеленой водой. Неправдоподобно огромные листья, гладкие стволы и это озеро с лежащими в нем облаками напоминают тревожные экзотические картины Руссо. Подходящее место для рождения нового «бога».

Джон Фрум упомянут впервые в докладе английского резидента в 1941 году. Он сообщал, что некое сверхъестественное существо якобы появляется на опушке леса и «прорицает» жителям. Имя его Джон Фрум. Он же велит им вновь пить кава — напиток из корней, содержащих тонизирующие вещества, — запрещенный миссионерами. Вскоре местные прорицатели объявили народу, что Джон Фрум избрал Танна местом для земного рая: гористый остров станет ровной плодородной долиной, деньги белых потеряют свою магическую силу, никто не будет болеть болезнями белых, и все вновь обретут молодость и бессмертие, как бывало прежде.

Существует легенда о том, что раньше таннанты не умирали. А когда начинали стареть, приходили к колдуна, тот читал заклинание, и они вновь становились молодыми. Но однажды старый колдун сам прочел заклинание и помолодел. Его маленький внук, увидев незнакомого юношу, испугался и заплакал.

— Где мой дедушка?

— Я твой дедушка, — успокаивал его колдун. Но ребенок горько плакал, и колдуну пришло — он очень любил своего внука — вновь сделаться дедушкой. Так он и умер, унеся с собой тайну заклинания, чтобы другие из эгоизма не вздумали воспользоваться им в ущерб своим детям и внукам.

...После пророчества о Джоне Фруме на острове начались странные события: жители явились в лавки береговых поселков и отдали торговцам золотые монеты, хранившиеся у них дотоле как реликвии, — ведь Джон Фрум сказал, что они потеряют свою силу.

Во время войны на острове Эспириту-Санто обосновались американцы. Сотни мужчин с Танна, мобилизованные на работы, побывали на Санто. После этого программа движения «Джон Фрум» несколько изменилась. Проповедники объявили, что в «земном раю» Джона Фрума у всех таннантов будут холодильники, консервы и «джипы». Колониальные власти усмотрели в этих пророчествах посягательство на свои права, попытку со стороны аборигенов чувствовать себя равными «опекунам». Они арестовали всех прорицателей и проповедников и посадили их в тюрьму.

Это не остановило движение «Джон Фрум». В стройнейшую тайне таннанты выстроили в джунглях посадочную площадку: Джон Фрум объявил, что вскоре явится с неба на самолете. Позднее он уточнил, что избрал другой путь: он прибудет на подводной лодке, как у американцев. И вот днем и ночью дежурили на морском берегу терпеливые часовые, поджиная прихода «спасителя».

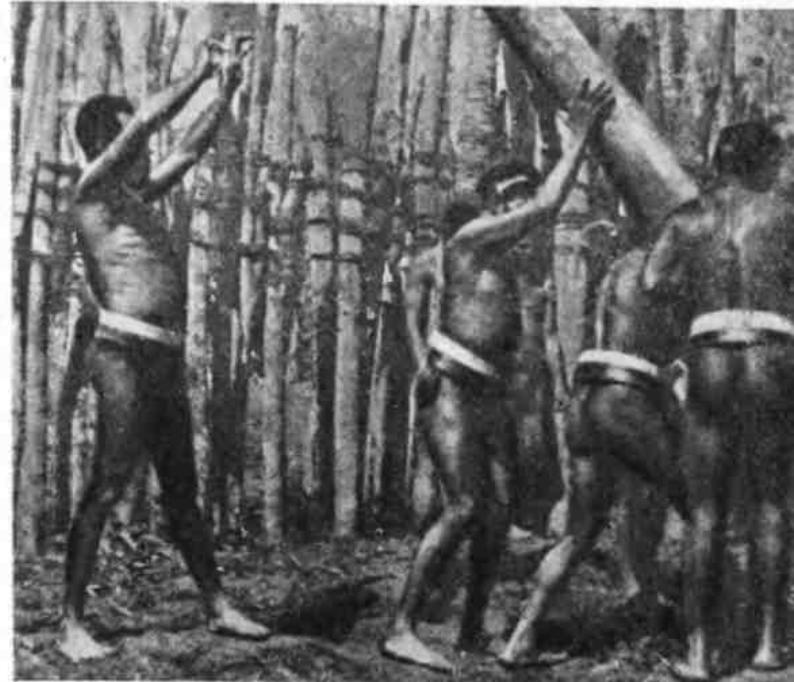
В конце концов властям ничего не оставалось, как признать новую религию. По всему острову выросли красные деревянные кресты — таким образом Джон Фрум отмечал место, где будут выстроены школы, когда наступит рай.

Так постепенно менялся характер этой религии. Возникшая как противодействие насилиственной «цивилизации» и под ее влиянием, направленная вначале против христианских миссионеров, она превратилась постепенно в движение за материальные блага культуры, в которых колонизаторы отказывают коренным жителям. В октябре 1943 года в северной части острова под предводительством Нелоага, именовавшего себя «Джон Фрум», «король Америки и Танны», началось вооруженное восстание, подавленное с помощью американцев. Но движение продолжается и поныне. Никогда не существовавший Джон Фрум собирается сделать то, что обещают, но не делают «цивилизаторы».

Вилларе удалось побеседовать с одним из проповедников нового культа, который десять лет просидел в английской тюрьме.

— Вам не понять, во что мы верим, — качая белой

Место отмечено крестом «Джона Фрума».

Эти люди принадлежат к «клану» строителей. Они строят хижину и возводят тотемы.

головой, сказал старый таннант, — для этого надо жить здесь...

Вилларе описывает и свое восхождение к кратеру вулкана Яхве, о котором рассказал в своих заметках еще капитан Кук. С северной стороны можно заглянуть в кратер, в глубине которого пузырится лава. Туземцы в свое время не подпустили к кратеру капитана Кука: опасались, что он высвободит демона, обитавшего в глубине земли. Зато знаменитому вулканологу Гаруну Тазиеву, несколько лет назад исследовавшему Яхве, они помогали всячески: были уверены, что он собирается связать дьявола Яяро-папанги электрическими проводами своих измерительных приборов. Правда, Джон Фрум обещал снести вулкан с острова, но, кто знает, бог еще ничего не выполнил из своих обещаний.

* * *

Последний луч солнца, словно прожектор маяка, рассекает бухту и исчезает где-то за чертой горизонта. Минуту еще брызжет вверх солнечный ключ, потом иссякает и он. Зажигаются огни в поселке — в домах белых, разумеется. Освещены и флаги над двумя резиденциями. «Интересы граждан Французской Республики защищает французский комиссар, интересы подданных Ее Величества — английский комиссар», — говорится в уставе кондоминиума. Вместе (и тех и других) на Новых Гебридах около полутора тысяч человек. Об интересах 50 тысяч коренных жителей островов в уставе не упомянуто. О них «заботится» разве что Джон Фрум. Да и то не на земле...

— У нас более десяти тысяч гектаров отличнейшей земли, — потягивая чай, говорит БернарУ Вилларе администратор-француз. — Мы могли бы отдать ее кому угодно по бросовым ценам, но...

— Некуда переселить жителей?

— Что вы, я не о том. Просто потребуются большие вложения на расчистку, иначе земля тут же зарастет лесом. А огонь его не берет: мокрые джунгли, слишком сочная зелень.

Сочная зелень и на мастерски выполненных рекламных проспектах, где дружно держатся за руки улыбчивые французы и англичане, снисходительно глядя на щедро раскрашенного художником туземца. Но жизнь мало походит на рекламный проспект...

Спят острова. Спят, чтобы завтра вновь вернуться в эту нелегкую жизнь.

Но будет и утро. И поднимется солнце. И разгонит тени...

Конец смодной ПЕСЕНКИ

(Из индонезийского блокнота)

А. ВИНОГРАДОВ,
наш спец. корр.

Рисунки Н. КРАПИВИНА

Анри весь пропитан солнцем — веснушки на носу поблекли, щеки и шея шоколадного цвета. Выгорели, стали ржаными волосы, сияла голубизна глаз. Одет он в модные шорты, и они подчеркиваютенную гибкость хорошо тренированных ног. Ходит он много; Джакарту знает не хуже родного Лейдена. Как-никак в Индонезии он десять лет. Анри порывист в разговоре и в движениях. Он заговорил со мной сам, и мы быстро познакомились. А потом так же резко замолчали. Сосредоточенно начал крутить ручку транзистора.

Сентиментальные мелодии плывут по комнате, но Анри, видимо, ищет что-то другое. И продолжает путешествие по эфиру.

Наш отель, как океанский лайнер, брызгает в ночь тысячами огней, врезается в тишину улицы сотнями полупроводниковых глоток, всасывает в утробу холодильных установок парной воздух экватора, а неутомимые «эйр кондишины» разгоняют его по номерам желанной прохладой.

А за окном, в черном, словно вакса, небе — узенький, опрокинутый серп луны, крупные звезды пристально разглядывают ночной город, слушают его усталое, тяжкое дыхание.

Только что мы смотрели на дневную Джакарту. Город-парк изнывал от душного зноя, его черепичные крыши прятались в спасительную тень пальмовых зарослей. Лениво ползли по размягченному асфальту автомобили, на стоянках пестрели сотни колясок велорикши — «бечаков», зазывно кричали черноглазые мальчишки, торговавшие всячиной. Резкие сирены автомобилей, звонки бечаков, певущая скороговорка торговцев, шипение мяса «сатэ» на жаровнях, отрывистые сигналы «оплетов» — семиместных автобусов — все это сливалось в невообразимую какофонию звуков, оглушающих и чарующих, надоедливых и привлекательных.

За какие-то десять минут тропическая ночь властно задернула штору. Шесть часов вечера — извечная, не меняющаяся здесь, в тропиках, граница дня и ночи.

Я отхожу от окна. Анри нашел, наконец, нужную волну и теперь, закрыв глаза, слушает. Озорная песня ворвалась в номер. Сегодня я ее уже слышал. Индонезийские студенты, сдав экзамены, распевали ее около университета. Вся она построена на импровизации, в ней только припев постоянный. Один начал задорный куплет, все подхватили, следующий «певец» остроумно отпарировал, и опять все подхватывают бодрый, всех примиряющий припев.

— Люблю эту песенку, — Анри улыбается и решительно предлагает: — Хотите, расскажу, как сын голландского буржуа узнавал эту страну?

Он быстро заговорил, порывисто шагая по номеру, точь-в-точь как в первые минуты нашего знакомства.

— Дома много говорили об этой стране. Мне она грезилась землей обетованной. Об этом твердили в университете, постоянно говорил отец. Жили мы богато. Я был членом клуба «Три сердца», клуба для привилегированных. Вечерами пропадал там.

Мы все тогда были влюблены в Сюзи. Красивая такая блондинка. Голосом прокуренным, осипшим она не то пела, не то рассказывала о рабской жизни на островах. О том, как в поселках с красивыми названиями «кампонги» живут индонезийские Сарини и

Кромы, о том, что их дни текут в мечтательной лени и любовной неге. Песенка вскоре стала модной, она гуляла по ночным кабаре, ее наставляли студенты.

А однажды в университете наш профессор, ужасный педант, вдруг преподнес нам сенсацию. Он подсчитал, что индонезиец получает калорий значительно мень-

Река Поронг в окрестностях Сурабаи.

ше, чем мои земляки — голландцы. Подсчитал, а потом перетрусил. Впрочем, он быстро нашелся. Взял да «научно» истолковал собственные подсчеты. Десять, индонезиец ростом помиже, он худощав, весит немного, да и жарко там, на экваторе. А раз так, то индонезийцу требуется меньше пищи, нечего беспокоиться — все правильно.

Песенка Сюзи и статистика профессора вдруг столкнулись. Мне хотелось во всем разобраться самому. И как только появилась возможность, махнул сюда. Думал, пробуду недолго, а вот уже работаю тут десять лет.

Анри надолго замолкает, не спеша раскуривает толстую индонезийскую сигарету «крэтек». Слышится легкий треск, по комнате плывет запах сладкого пирога: в этот табак добавляют гвоздику. Мы дружно закашлялись. Анри разогнал клубы дыма.

— Все пересказать трудно. Я кое-что записал. Если хотите, почитайте. Правда, все это десятилетней давности...

Вот эти краткие записи:

«10 сентября. Черепица и пальмы, бассейны и лачуги. Какой калейдоскоп красок! Щедрость природы удивительна: Джакарта, город асфальта и автомобилей, буквально затоплена зеленью. Душно: по Фаренгейту доходит до девяноста. Жара бы еще ничего, но влажность! Будто мокрая вата облепила твое тело — влажное, расслабленное. Принял первый «душ». Купание здесь — по-индонезийски «манди» — это обливание водой из черпака.

Очень оживленное движение на улицах, регулиров-

щиков не видно. И как только не сталкиваются машины? Посмотрел и на печально «знаменитые» каналы — «кали». Грязные, зловонные, они производят угнетающее впечатление. В мутно-желтой воде купаются, стирают белье, чистят зубы и чего только не делают!

Кали сооружены по прихоти нашего земляка Яна Питерсона Куна, на амстердамский манер. Водопровода в городе нет. Куда же деваться бедноте?

О Куне неожиданно разговорился сегодня с коридорным в гостинице. Тот сказал, что Питерсон Кун — грабитель и захватчик. Дескать, в Индонезию его никто не звал, он пришел сам с пушками, а не с добром. И никто не вспоминает его добрым словом. И пересказал мне, как приплыл Кун к берегам Индонезии, разгромил из корабельной артиллерии беззащитное поселение и заложил на чужой земле ненавистную индонезийцам крепость Батавию. «С тех пор, — сказал коридорный, — триста лет прошло, но наша память — долгая память».

Вечером я сидел на веранде гостиницы. Подошел

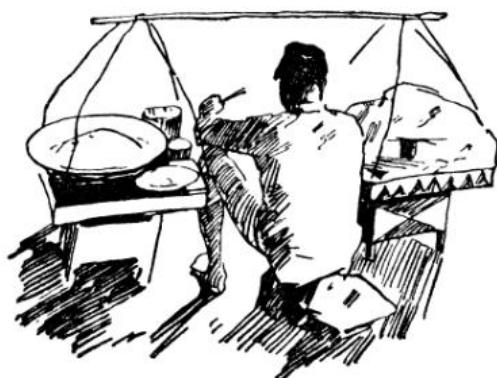
Кончились кварталы бедноты, и словно другой мир. Улицы — аллеи, где гулко отдаются шаги редких прохожих. Изредка пронесется нарядный автомобиль — с какого-то вечера возвратились хозяева коттеджа. Хлопнет калитка — и опять тишина повисает над красивыми особняками. Все как у нас дома — черепичные крыши с островерхими башенками, узкие окна, кругом цветы. За их стенами другой мир; там властвуют довольство и техника, там все к услугам их обитателей. Мы с Питом читаем таблички на калитках: Клейн, Маккоу. Индонезийских фамилий не видно.

24 декабря. Наконец я увидел эти кампонги, о которых распевала Сюзи в нашем клубе. На месте городской свалки бездомные понастроили себе лачуг из жести и бамбука, протоптали грязные тропинки и все это сбирающе жалких хибар звучно именуют «кампонги». Кузова разбитых машин, старые бочки, фанерные ящики.

Зашли в одну каморку. Три стены — на четвертую, видимо, не хватило бамбука. На перекладине болтается

У этих мальчишек можно купить сигареты и спички.

Уличный торговец.

Один из персонажей кукольного театра.

мальчик лет десяти. Он быстро расставил на тротуаре свой скарб: ящик с провизией, кастрюли, жаровню. И начал предлагать угощения: шашлык из курицы, бами, насыпранг, жареные утиные яйца. Столько мольбы и горечи в его глазах! Пришлось второй раз ужинать. Я спросил: умеет ли парнишка читать. Он отрицательно покачал головой.

12 октября. Наших еще много здесь, во всех «оффисах» сидят. Мелюзга уехала, крупные дельцы не поменяли адресов. Сменились вывески, не больше. Но всеми делами врочает мой земляк. Вроде в тени, а без него шеф ни одного шага не делает. Ну, а наш себе во вред ничего решать не будет.

Сегодня долго ходили по ночной Джакарте. Забрели в один из переулков неподалеку от улицы Прас Бару. На улице — свет, роскошные магазины, дорогие автомобили, нарядная публика. А в этом переулочке.. Вот сидит старый яванец, Ахмадом зовут Пятьдесят девять лет, восемь детей. Он уличный торговец, вместе со всей семьей продаёт разную мелочь. Квартиры нет, все имущество носит на себе. Ночует где придется. Выручил за день двадцать рупий. Два стакана риса — вот что можно купить за эти деньги. Грязные лавочки, чадящий свет ламп, торговцы сидят прямо на земле; тут же чумазые, оборванные ребятишки. До самого перекрестка нас провожала девочка лет двенадцати. Она монотонно произносила одни и те же слова: «Туан, туан, накорми». Мы с Питом отдали всю мелочь.

Долго шли молча. Тысячи людей на улицах; многие из них голодны и занимаются попрошайничеством.

газовая лампа. Вместо стола кусок жести, укрепленный на четырех бамбуковых колышках. Земляной пол, циновка, топчан. Вот и вся «меблировка». И здесь живут шесть человек. Молодой индонезиец, глава семьи, приглашает сесть. И тут же краснеет — сесть-то не на что. Мы благодарим и поспешно выходим.

Я понуро бреду по улице. Дребезжат разболтанные трамвайчики, три наших пьяных моряка развлекаются тем, что пристают к проходящим девушкам. Их друзья уселись в коляску бечака. Молодой парнишка пытается сдвинуть велосипед с места. Он красный от натуги. Парень встал на педали — и это не помогает. Седоки горланят песни, покрикивают на него Омерзительное зрелище. Что-то не видно счастливых Сарин и Кром... Написал отцу письмо.

30 января. Ответ пришел быстро. Громы и молнии на мою голову. В чем только отец не обвинил меня! Прочел я гневное послание родителя и еще более усомнился в его правоте. Он пишет издалека, а я вижу все своими глазами. Теперь я понимаю поступок Пита Ставерена, которого на моей родине упрятали в тюрьму, когда он не пошел воевать с индонезийцами. Тогда я называл его не иначе, как предателем, а теперь первым пожму ему руку.

Я, кажется, становлюсь политиком, даже «левым», как окрестил меня отец

Истекает срок контракта. Я честно отработал свое время, скоро вернусь на родину. Видимо, с отцом не будет прежней близости да и многие друзья отшатнутся от меня. Страшит ли меня это? Когда просыпается во мне чистюля-студентник — боязно, но вспомню все.

что видел здесь, и готов расстаться с прежними друзьями. Я думаю вернуться в Индонезию и работать так, чтобы здесь поверили: не все голландцы «клейны» и «маккоу» из тихих особняков»

* * *

Анри оставил мне на память еще одну книжку — красочный путеводитель. Он издан в Голландии Меловая бумага, цветные фотографии. Листаешь медоточивые страницы и будто путешествуешь по нереальной, сказочной стране. Пальмы, синева океана, танцующие девушки, улыбчивые бечаки, храмы, петушиные бои — весь ассортимент для неприхотливого туриста. О тяжелой жизни народа, о бедности, которую оставили здесь колонизаторы, конечно, ни слова. Глянец наведен с завидной добросовестностью.

Те, кто угнетал, никогда не признаются в этом. Но разве забудешь то, о чём так хорошо сказал в одном из своих выступлений президент Сукарно:

«Почему мы должны торопиться? Почему мы не можем идти не торопясь? Прежде всего потому, что мы отстали на 350 лет. В течение 350 лет голландцы были господами здесь и делали все, чтобы задержать и остановить наше развитие.. Мы поняли, что мы должны пройти эти 350 лет в течение жизни одного поколения».

Я вновь перечитываю заметки Анри и вспоминаю

свои встречи с его индонезийскими сверстниками, с теми, о ком писал поэт Хади:

Мы — те, кто к лучшей жизни возрожден,
Кто знает цену счастья поколений.

Мы ехали поездом из Соло в Бандунг. Узкоколейка петляла по долинам, робко вилась по склонам гор, скрывалась в тоннелях. Скрипели старенькие вагончики и вслед за дребезжащим паровозом лезли на перевал. Впереди в кисейной накидке высились горы, на их вершинах отдыхали разбухшие от влаги тучи.

Наш попутчик, двадцатилетний Махмуд, жадно смогрел вниз на проплывавшие квадратики рисовых полей, на красноватую яванскую землю. Все его предки жили здесь; эта земля, тысячи раз пропущенная сквозь их крестьянские руки, кормила и поила их веками. Теперь Махмуд покидал родные места. Он уезжал на остров Сулавеси, необжитой и малонаселенный Махмуду, конечно, грустно, но едет он добровольно.

— Там жизнь налаживать надо. На Яве слишком много народа, а там неосвоенные земли. Обживем малонаселенные острова, большие питятия получит народ. — Махмуд обводит нас гордым взглядом и убежденно добавляет: — На молодых вся надежда нации.

Я смотрю на стройного юношу. И вспоминаю Анри. Ведь он тоже собирался поехать на остров Сулавеси.

Шит У ДОРОГИ

Перевал Пунчак лежит на дороге Бандунг — Джакарта. Здесь любят останавливаться туристы. Сказочная красота, которая открывается взору, очаровывает, потрясает каждого. На зеленом плоскогорье, далеко у самого горизонта, в легкой дымке виден один из красивейших городов Индонезии — Бандунг, в противоположной стороне, скрытая цепью гор, раскинулась Джакарта.

Тучи наползли на поселок сразу, сплелись его и выплеснули порцию тропического ливня. В зале окна раскрыты настежь, но все равно жарко. В зале, где проходит учительская конференция, гудят разноголосицы. Но вот воцарилась тишина — оратор начал рассказывать что-то интересное. Этую историю записали и мы.

* * *

Поскрипывает чикар — двухколесная тележка, — понукает старик быков, а сам все выспрашивает у Вати: какого она роду-племени, где живут родители. Нетороплив и любопытен старый крестьянин.

Девушка смотрит на дядюшку Салеха. Его исполосованное морщинами лицо лучится добротой, а поседевшие усы трогают снисходительная усмешка. Он изредка покачивает головой и удивленно цокает языком. Разузнав обо всем, Салех решается на главный вопрос:

— Жених есть?

Вати в ответ смеется

— А как же, дядюшка! Есть, конечно!

— Где он работает лочка?

— Служит. Моряк он, дядюшка.

И опять удивленно цокает языком старик. Тоже хорош кавалер. Отпускает одну. Хоть и уважительные у них парни, да одному аллаху ведомо... Впервые учительница в деревне объявится. Городская все же, засмотрятся на нее, тогда прощайся с невестой. моряк.

Квадратики рисовых полей подступают к самой деревне.

Старик и не подозревает, что своим вопросом растрогал душу девушке Вати вновь вспоминает разговор с Сулейманом.

Они шли по ярмарке. Парк весь расцвечен, иллюминирован. Чинно проходят яванцы в изящных кайн — длинной одежде из пестрой ткани, гремят оркестры, сотни посетителей смотрят представление теневого кукольного театра — ваянга, тут же лакомятся гудегом — рисом с приправой, усердно хлопают даланг — кукловоду. Море электрических огней, надрываются зазывалы, приглашая в павильоны, на всех площадках хозяйствуют затейники и танцовщицы. Гомон, музыка, крики, певучая речь, терпкий запах кокосового масла, жаровни с сатэ и насиగоренгом.

Вати не раз заводила с женихом разговор о том, что собирается учительствовать в деревне. Сулейман отшучивался. Вступление Вати в женское общество «Гервани» расценил поначалу как модное поветрие — пройдет дескать.

Вати тронула Сулеймана за руку, решительно сказала:

— Вчера подписана бумага. Я еду учительствовать в Соренгу.

Сулейман остановился. Брови сошлись на переносице.

— Неужели твоя блажь дороже нашего счастья?

Не думай, я тоже за ликвидацию безграмотности. Но при чем тут ты?

Вати до сих пор удивляется, как легко начала она говорить, будто заправский оратор:

— Когда весь народ станет грамотным, ты тоже будешь кричать — и мы сеяли рис. Как можешь так рассуждать ты, сын батрака, безграмотного и темного, как джунгли? Ты, научившийся читать и писать при новой жизни, моряк Республики. Ах, твое личное задели? Ты, значит, забыл, как ютились вы на свалках и думали о лучшей доле, ты уже не помнишь, как твой отец выходил на улицы Сурабаи, чтобы отстоять завоевания республики?

Вати вырвала руку и побежала к выходу. Всю ночь проплакала дома. Отец ее, старый докер, громоздкий и добрый, сел на кровать. Его заскорузлая ладонь гладила ее волосы. Он ничего не говорил. И только утром, когда собралась она в путь дорогу, поцеловал в лоб и убежденно бросил:

— Правильно поступаешь, дочка.

...Ночи в деревне кажутся длинными. Ляжет на циновку учительница, заснуть не может. Джунгли за стеной дышат непонятной, загадочной жизнью. Где-то вскрикнула токе — ящерица-вещун. На разных островах по-разному истолковывают ее крики. Ей, яванке, по душе балийское толкование. Оно

Наутро Вати пошла по деревне. Мужчины занимались сбором кокосовых орехов. Ручные обезьяны взлетали под самые кроны пальм и оттуда сбрасывали тяжелые, спелые плоды. Животным нравилась эта забава. Они затевали возню на деревьях, перелетали с ветки на ветку, пищали, царапались, кричали. Тогда на усмирение посыпали молодого парня. Он с не меньшим, чем они, проворством взбегал по стволу пальмы и быстро наводил порядок среди обезьян.

Вати присела около старииков, пересчитывавших плоды. Они с любопытством смотрели, как девушка вытащила фотоаппарат и сделала снимок. Старичок, лицо которого было сморщено и высушено как никкудышный орех, боязливо спросил:

— В этой машинке тоже дух сидит?

В другое бы время Вати рассмеялась, но сейчас она попросила:

— Сначала ты расскажи про своих духов, а потом я познакомлю тебя с этой машинкой.

Старик выпустил густую струю дыма и приветливо сказал:

— Заходи к вечеру в мою хижину, там и поговорим:

Уютно горела керосиновая лампа, мерно тек разговор с дедушкой Суросу. Она рассказывала ему

Не спеша идут по обочине дороги путники.

В таких домах живут семьи во время полевых работ.

Старый яванец.

говорит, что голос токе — голос Сарасвати, богини мудрости и знаний, поэзии и красноречия.

В первый же вечер, как приехала Вати, собрался народ со всей деревни. Она говорила о жизни на других островах, о том, что Индонезии нужно много грамотных сынов и дочерей, о строительстве новых домов на месте лачуг и свалок, о бескорыстной помощи, которую шлет ее народу Советская страна. Ей горячо аплодировали, старики благодарили за хорошие новости.

А когда Вати объявила, что начинается первое занятие, и раздала стандартные букварики с картинками, толпа растеклась, как ручейки по рисовому полю. Первыми исчезли женщины, и вскоре во дворах послышались их озабоченные голоса. Неторопливо покурив, разошлись и мужчины. Осталась только дядюшка Салех и пятеро подростков.

Вати винила себя: уж ей-то известны тысячи суеверий и пережитков, которыми еще полна деревня. А она говорила так, будто в городской школе урок вела. Многие здесь еще верят в духов, во всем крестьянам чудятся проделки оборотней, вампиров. Разве вот так сразу отучишь этих добродушных людей от суеверий? И священник тоже хорош — при встрече обещал помочь, а с урока ушел первым. Ему, конечно, грамота ни к чему, он ей давно обучен. Но за ним идут верующие, его слово — закон для них.

о большом городе, в котором он ни разу не бывал, о поездах и пароходах. Старик слушал внимательно. А потом долго водил заскорузлым пальцем по букварю. Рассматривал картинки. Всех персонажей театра теней он знал с детства. Под рисунком по слогам было написано имя куклы. Старик шептал первые слоги...

* * *

Вати не знала точно, как назвать свою работу. Она заходила в хижины и рассказывала людям о термометре, которого боялись, о «тайне» мотора, о работе зажигалки, о том, как строят самолеты, о небе, свободном от духов, о том, что земля круглая и множество народов населяет ее. Дядюшка Салех, как мог, помогал ей.

Прошло недели три, и он решительно посоветовал:

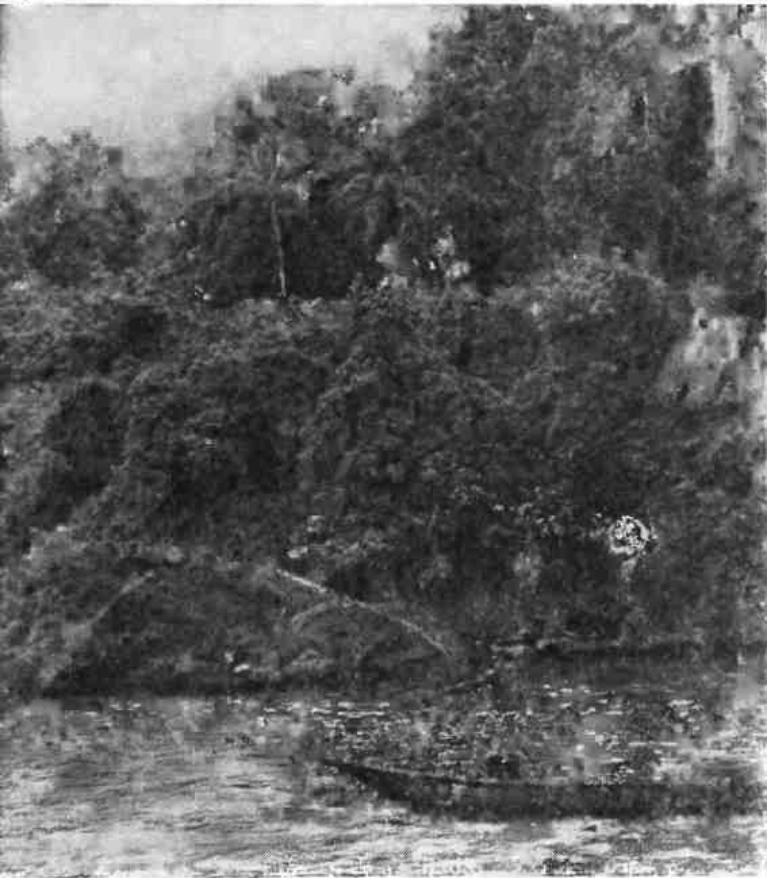
— Завтра можно в школу звать.

— Почему именно завтра?

— Я думаю, время подошло. Про книги спрашивать стали. О тебе с уважением говорят. Значит, пойдут. Ты только им глаза раскрой, а там уж сами читать обо всем будут.

(Окончание на стр. 23)

ФЕРНАНДО-ПО

Ясным солнечным утром 1472 года экипаж португальской каравеллы, пересекавшей воды Гвинейского залива, увидел неизвестный остров. В лучах тропического солнца, покрытый густым диковинным лесом — по свидетельству очевидцев, деревья какое достигали тогда высоты в 30—40 метров, — он был удивительно красив. Капитан каравеллы Фернандо По окрестил остров «Формозой» — «Прекрасным». Но по необъяснимому кризису истории это название не сохранилось, и остров носит имя первооткрывателя — Фернандо-По. Впрочем, еще задолго до португальцев на острове побывали мореходы древнего Карфагена.

Начиная с XVI века, на протяжении трех столетий заселяли остров бantu и хауса. Они бежали с западных берегов Африки, разоряемых пиратскими налетами европейских работорговцев, на этот неведомый клочок суши. Долгое время местные жители племени буби оказывали ожесточенное сопротивление колонизаторам — и португальцам, и голландцам, и англичанам. Но в XVIII веке их сопротивление было сломлено, и остров Фернандо-По стал испанским владением, частью испанской Гвинеи (в нее включается также территория Рио-Муни на материке).

Видимо, не зря в Мадриде за Фернандо-По укрепился титул «черной жемчужины Испании». Вся прибрежная низина острова до подножья горного массива занята плантациями кофе и какао — основного богатства острова.

За полоской низины начинается царство тумана и облаков. Их клубы исчезают к вечеру, и тогда с гор «стекает» прохлада. Дожди выпадают на остров равномерно в течение всего года, и здесь нет характерного для экваториальных районов разграничения на сухой и дождливый сезоны.

Из-под облаков по склонам хребта несутся десятки ручьев; они густой сетью пронизывают весь остров — сама природа создавала здесь идеальную систему орошения. На вулканической почве горных склонов — буйная растительность, которая превращает гору Санта-Исабель в огромную зеленую башню почти трехкилометровой высоты.

Бананы, цитрусы, яблони, картофель и овощи — все эти представители разных климатических и растительных зон прекрасно уживаются на небольшом островке, выбирая себе место выше или ниже на склонах горного хребта.

Буржуазная пропаганда не скучится на слова, стремясь доказать, будто жизнь африканцев на Фернандо-По — сплошной рай. Но примечательно, что в эти «райские кущи» иностранцев стараются не пускать и делается это якобы, чтобы «сохранить существующую идиллию на острове».

Как же выглядит на деле эта «идиллия»?

Вот, сверкая черной кожей, драют палубу матросы африканцы. Им выпала «честь» служить во франкистском флоте. Но... только в роли рядовых.

Вот грузчик африканец сгибается под ящиком с роскошными плодами «прекрасного острова». Он тоже удостоен «чести» обслуживать испанскую метрополию.

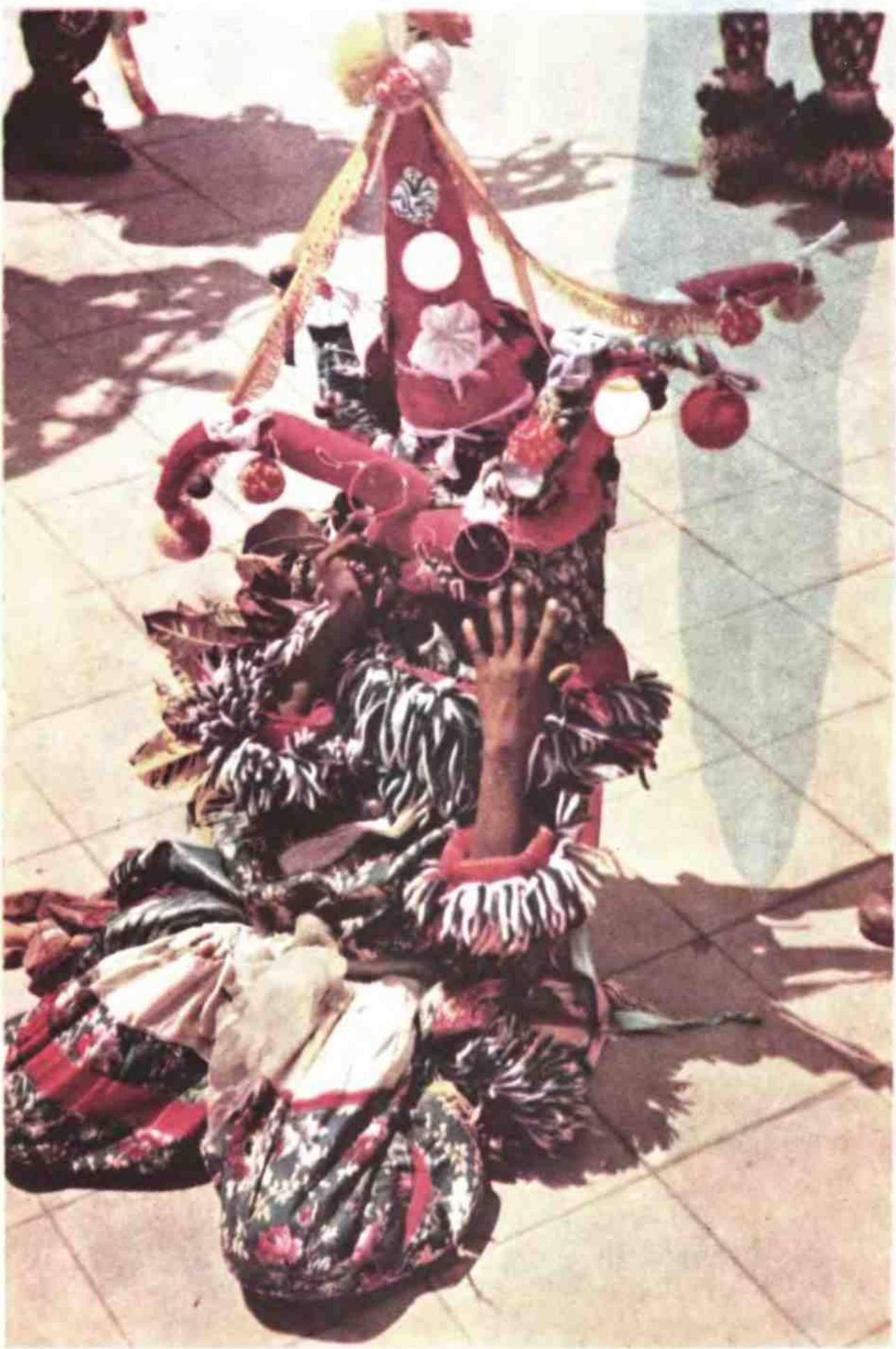
Не противоречит «идиллии» и то, что франкисты стравливают нигерийцев и буби. Они нагло утверждают, что островитяне якобы и не помышляют о борьбе за независимость, так как знают, что под властью Испании им будет гораздо лучше...

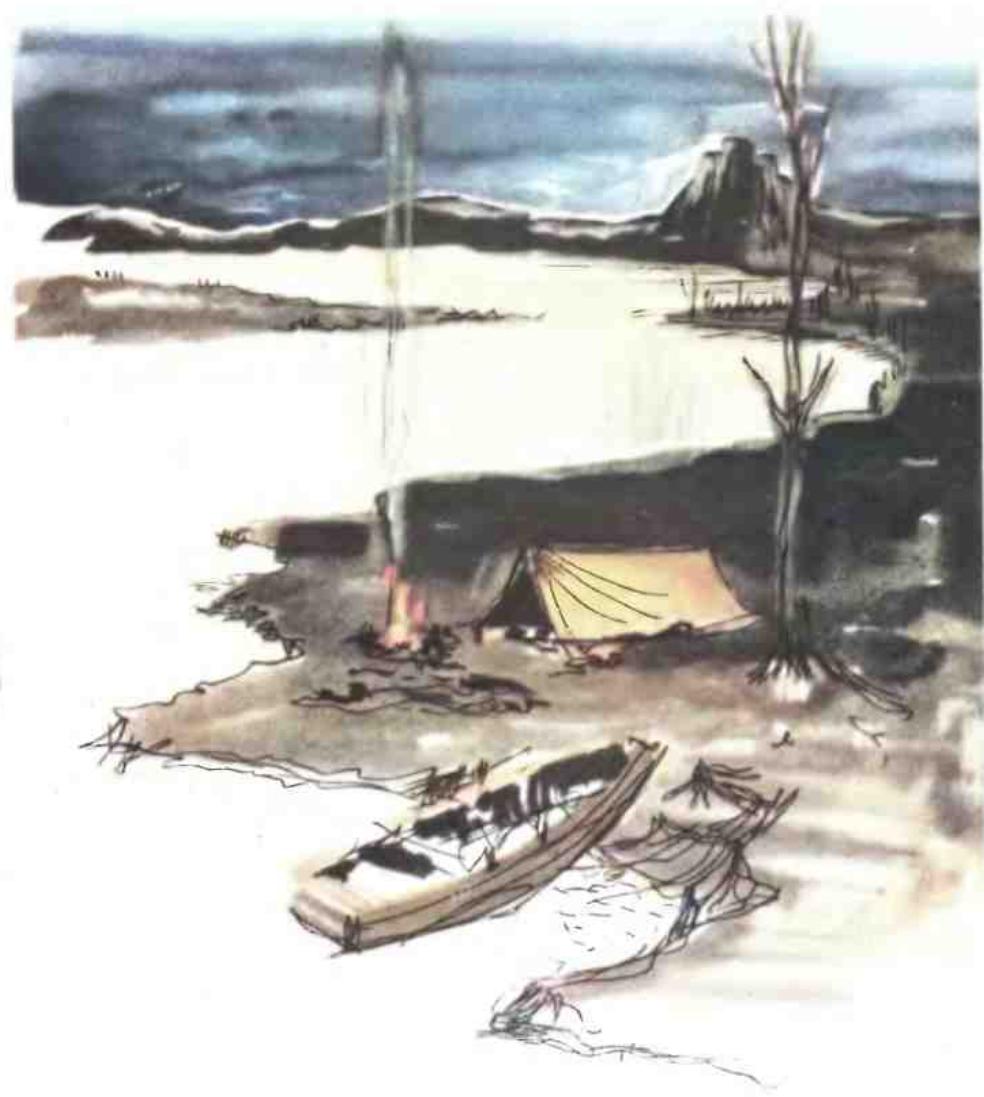
Несколько лет назад колонизаторы объявили, что Фернандо-По, «черная жемчужина», удостоена «чести» называться «провинцией» франкистской Испании. А вскоре население Фернандо-По смогло оценить эту «честь» по ее истинной стоимости: забастовка сельскохозяйственных рабочих на плантациях испанских колонистов в 1960 году была подавлена с поистине франкистской жестокостью, а ее организаторы подверглись пыткам и ссылке.

...Если посмотреть на остров с материка, над ним всегда можно увидеть клубящиеся тучи. Но вот ветер с материка разгоняет тучи, и тогда «Прекрасный» остров появляется в первозданном великолепии и красоте.

Ветер освобождения проносится над Африкой. достигнет он низин и горных склонов Фернандо-По.

С давних времен хранит коренное население Фернандо-По свои обычай и обряды. На снимке: танцор в ритуальной одежде.

ГРАМПЕАДОР

АНТОНИО АРЛЕТТИ

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

На вкладке рисунки автора

...Высадившись несколько месяцев тому назад на берег Южной Америки, я привез с собой, кроме единственного чемодана, мечту забраться в глубь страны, в малолюдные и малоисследованные районы Аргентины.

Однако о путешествии на лошади я даже думать не смел, не то что боялся — просто еще раньше убедился, что гаучо из меня не получится. Единственное, что оставалось, — это лодка. Но подняться вверх по бурным, порожистым рекам юга Аргентины совершенно немыслимо, и я задумал спуститься по течению, заставив реку поработать на меня. И вот однажды я получил письмо от приятеля, который жил где-то на Рио-Негро и знал о моих планах.

Он писал, что один местный охотник любезно согласился взять меня с собой в зимнюю экспедицию. Таким образом я познакомился с Франческо, как его звали здесь — «эль трампейдор», одинокий охотник.

Встреча закончилась к обиодному удовольствию: мы приступили к дорожным сборам и наметили маршрут. Франческо согласился делить со мной опасности, труды, расходы и доходы по той простой причине, что лодка позволяла ему охотиться на обоих берегах реки, чего прежде он не мог делать из-за отсутствия здесь бродов.

Я отвечал за плавание, Франческо — за охоту.

Каждый из нас был незаменим в своей области. Я ни разу в жизни не охотился, Франческо никогда не плавал.

Наш план заключался примерно в следующем: на машине добраться до подножия потухшего вулкана Ланин, у границы с Чили. Погрузиться в каноэ и спуститься по реке Колон-Кура. Через триста километров, попав в Рио-Лимай, проплыть вниз еще шестьсот километров до встречи с Рио-Неукен. От слияния этих двух рек образуется Рио-Негро. Оставалось позволить течению этой могучей реки протащить нас еще сто километров, как раз до того места, откуда мы отправились в экспедицию на машине.

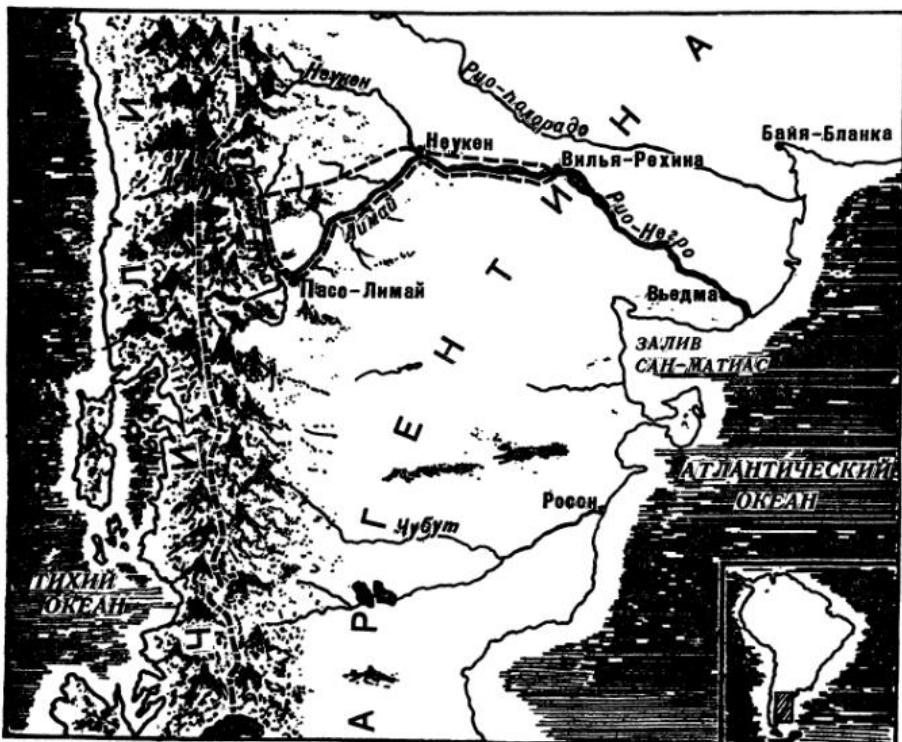
Франческо предупредил, что, кроме последних ста километров, остальная часть пути ему совершенно незнакома; он слышал только, что там почти нет селений и что это настоящий охотничий заповедник.

Итак, нам предстояло проплыть тысячу километров по незнакомым рекам и районам, останавливаясь на два-три дня в богатых дичью местах.

Я отвечал за плавание, Франческо — за охоту.

Я ни разу в жизни не охотился, Франческо никогда не плавал...

Так начинает рассказ о путешествии итальянский журналист Антонио Арлетти.

НАША РЕКА

— Пума — скромное домашнее животное, которое со временем одичало, — заключил Франческо, соскачивая с грузовика.

Мои познания в зоологии всегда были весьма скромными. Однако я помнил твердо: пума — животное ловкое и хитрое. Нечто среднее между львом и пантерой, наиболее грозными и опасными из хищников. Я всегда с почтением думал об изящной пуме, бесшумно крадущейся к жертве. Мне казалось, что от этого коварного обитателя Патагонии всего можно ждать и уж, во всяком случае, лучше держаться от него подальше. Даже если он вежливо попросит у вас прикурить. Я рисовал себе пуму эдаким апашем пустыни, способным бесцеремонно ворваться в загон, свалив ворота ударами могучих лап.

Но Франческо с необычной легкостью сокрушил миф о пуме, которому я слепо верил.

Раз он считал пуму бедным, испорченным ребенком, значит при встрече с ней не обязательно дрожать мелкой дрожью. Можно даже, набравшись храбрости, рассмеяться ей в лицо и обругать ее.

Я был глубоко разочарован. Рассеялась, как дым, милая сердцу надежда описать драматическую охоту на «льва» Южной Америки. А ведь у меня еще со времен детства был подготовлен на этот случай богатейший запас красивых фраз, почерпнутых из приключенческих книг: «и тут я заметил две фосфоресцирующие точки», «я чувствовал рядом злобное дыхание хищника», «уже теряя сознание, я увидел, как издыхающий могучий лев извивался в предсмертных судорогах».

А Франческо невозмутимо продолжал:

— Однажды пума попала в капкан для лис. Всю ночь она пыталась вырваться. Когда я увидел ее, у меня не было с собой винчестера — пришлось добить ее палкой...

Какая жалкая проза — погибнуть от палки! Поистине бесславный конец для животного, которого побаиваются даже многие хищники. А уж попасть в лисий капкан вместо капкана для львов просто стыдно. Словом, смерть бедной пумы была вдвое бесславной.

Почти все сведения о капканах, о повадках здешних животных я узнавал от Франческо. Он терпеливо делился своим опытом в тщетной надежде сделать из меня охотника, такого же искусного, как и он сам. Франческо — «последний из могикан» — был одним из считанных, настоящих охотников-трапперов, или, как здесь их называли, трампелоров, уцелевших до наших дней между рекой Рио-Колорадо и Огненной Землей.

До места старта мы добирались два дня на подозрительно дребезжащем грузовике, который обычно возил муку в несколько горных аргентинских селений. До зимнего снегопада оставалось совсем немного, и хозяин машины торопился разделаться с последним грузом. Он долго уговаривал нас отказаться от безрассудной затеи, но под конец за небольшую плату согласился доставить «двух безумцев» к реке. Конечной целью нашего маршрута была река со странным индейским названием Кольон-Кура. Оттуда мы должны были отплыть на каноэ и, пройдя по течению реки около тысячи километров, вернуться на исходное место.

Впрочем, наше возвращение во многом зависело от удачи. Нам ведь предстояло совершил долгую охотничью экспедицию и вдвоем проплыть по бурным рекам юга Патагонии.

К четырем часам дня, как и обещал камионеро¹, мы добрались до места. Одолев бесконечный подъем, водитель показал нам нашу реку. С высоты мы увидели пеняющиеся воды, катившиеся с грозным шумом по узкому дикому ущелью.

Грузовик начал медленно, осторожно спускаться, и вскоре мы обнаружили мост, скрытый прежде вершиной горы. Дорога к нему была извилистой и трудной, спуск длился долго, и мы совершенно измотались. Тогда-то Франческо и стал рассказывать о пу-

ме, хотя я спрашивал о ней еще днем раньше.

Наконец мы у цели. Машина остановилась за мостом, единственным в этом районе.

Кольон-Кура — одна из красивейших горных рек Аргентины. Шириной метров сто, она текла меж скал, поросших негустым кустарником. Ущелье, показавшееся нам издали диким и узким, вблизи выглядело более дружелюбно. Хотя небо хмурилось и грозило дождем, кристально прозрачные воды реки переливались цветами радуги — от зеленого у берега до голубого по средине.

Обнаженная опора моста и усеянный галькой пляж, где мы сгрузили снаряжение, говорили о том, что по лая вода уже спала. Да и узкая отмель успела покраснеть зеленью.

Но даже сейчас воды неслись с внушительной быстротой. Если можно употребить здесь альпинистский термин, я бы сказал, что река была шестой степени трудности. Течение у каменистой отмели было не очень сильным, но бугорки пены в центре и затаенная мощь потока воды, зажатого в узком ложе, подтверждали, что искать в реке союзника не приходится. Мы стояли на правом берегу, и река плавно сворачивала вправо, исчезая за ближним холмом.

Дальше насколько хватает глаз она в узком пространстве неслась между двумя высокими стенами скал. Лишь миновав их, мы сможем узнать, что нас ждет впереди. Ведь не случайно мост был выстроен именно здесь, видимо, в наименее спокойном месте реки.

Как умели, погрузили снаряжение в каноэ. Киль — в воде и уже слегка подрагивает, словно лодке не терпится начать плывание.

Проводим последний военный совет. Итак, в поход! Нам предстоит обогнуть излучину, держась ближе к холму, и затем пристать к берегу в первой же удобной бухте. Времени до наступления темноты остается совсем мало — только чтобы поужинать и устроиться на ночлег, а уже утром мы поплыем на поиски места, где можно поохотиться.

Отплытие прошло весьма буднично и без происшествий: я стоял в каноэ, Франческо — на берегу, держа толстый канат, для страховки привязанный к корме. Каноэ медленно скользило по воде, а Франческо спокойно шел за ним по берегу. Изредка я подгребал веслом, чтобы лодка не врезалась кормой в прибрежные скалы.

Первое знакомство с рекой было вполне приятным. Я был совершенно поглощен сложными маневрами и испытывал вполне понятное волнение; Франческо сосредоточенно и важно шел по берегу, он вел каноэ на поводке с достоинством мажордома, выгуливавшего господскую собачку.

Обогнув мыс, река вновь текла прямо до следующего поворота, и мы пристали в маленькой бухточке, защищенной скалой.

Палатку поставили рядом с густыми зарослями кустарников, что протянулись живой изгородью между двумя могучими

¹ Камионеро — водитель грузовика (исп.).

деревьями. Эта палатка была гордостью Франческо. Видавший виды брезент носил на себе явные следы жестокой борьбы с непогодой и временем. В поспешных дорожных сборах мы, к несчастью, все же нашли время, чтобы, по совету одного знатока, смазать наш брезент смесью машинного масла и рыбьего жира. Результаты восстановительной терапии были не слишком ободряющими: брезент приобрел цвет печени и стал твердым и нестигаемым, как сталь. Пришлось его скатать и завязать, иначе он гордо распрымлялся с металлическим скрежетом.

Размер палатки — два метра на два и я подумал, что устроиться в ней вдвое будет делом нелегким. Однако, не обладая в этой области серьезными познаниями, счел за лучшее промолчать. Теперь, когда палатка гордо стояла на берегу и ее можно было исследовать до мельчайших подробностей, я поздравил себя с точностью своих предварительных расчетов. Но при одной мысли о приближающейся ночи у меня кровь стыла в жилах. Узкий и низкий треугольный вход в палатку казался мне поистине бесчеловечным. В памяти всплыла неумолимая в своей холодной логичности теорема Пифагора. Как и в далекой юности, проглядывая теорема снова будет мучить меня даже во сне — гипотенуза входа была весьма и весьма короткой.

Мои размышления прервало восклицание Франческо. Вдруг он схватил ружье и выстрелил. Я успел лишь вздрогнуть от выстрела и, ничего не раз-

глядев в кустах, решил, что Франческо просто хотел выразить свою радость — ведь начался охотничий сезон, — а заодно и опробовать ружье. Поэтому я весьма удивился, когда увидел, что он возвращался с какой-то птицей в руках. Значит, сбывается моя романтическая мечта, которую, впрочем, лелеет каждый истинный охотник, — «жить лишь охотой и рыбной ловлей».

— Это на ужин? — спросил я, разглядывая первый охотничий трофей — птицу с ярким оперением.

— Да, для рыб, — ответил Франческо и принялся разделывать бедную птицу, насаживая потроха на крепкие крючки перемета.

Я попытался ему помочь, но без видимого успеха. Немного спустя переметы с дьявольской приманкой опустились на дно, чтобы поразить неискушенное воображение местных рыб.

Вытащив на сушу каноэ со снаряжением, мы разожгли костер. Темнота и холода все явственнее давали о себе знать. Серая пелена мало-момало обволакивала все вокруг, скрадывая очертания предметов. У меня, жителя страны, где плотность населения превышает двести человек на квадратный километр, этот ночлег у костра на берегу стремительной реки, у подножия пустынного плоскогорья и высоченных голых скал вызывал чувство неописуемого восторга и даже преклонения перед дикой и суровой природой.

Нашу крохотную долину окружали горы, их снежные вершины казались баухромой низких серых облаков. Тишина, нарушаемая лишь ворчанием реки да изредка криком птицы, невольно заставляла говорить шепотом и делать долгие паузы. Мы наслаждались тишиной, запахами земли и трав, теплом костра и его пламенем, совсем по-домашнему освещавшим кусты и полоску берега...

НА «ТРОПЕ ВОЙНЫ»

Светало, когда мы проснулись. За ночь ветер разогнал тучи и аккуратно отполировал небо, придая ему характерные для этих мест прозрачность и глубину.

Кажется, будто взор проникает за пределы звезд и теряется в далекой бесконечности, бесплодно пытаясь отыскать что-то новое. А уже минуту спустя еще спрятанное солнце в последний раз протерло до блеска звезды Южного Креста...

Справа от нас у истоков реки — старый, ушедший на пенсию вулкан Ланин с крутыми голыми склонами, погребенными под снегами. Словно герой древней трагедии, у которого годы и горести не отняли королевского величия, высится он на три тысячи метров над хмурым рекой. За его плечами, спрятав главы в облака, цепочкой вытягиваются горы помоложе. Куда-то далеко-

далеко убегает извилистое ущелье. А там, где струя воды разбивается о каменные стены, еле виден лес араукарий — этих симпатичных гигантов растительного мира, радости и гордости всех ботаников. Разноцветные скалы перемежаются с невысокими холмами из камня и песка, на вершине которых одинокие птицы назначают свидание с солнцем. А оно уже приближалось широким шагом сеятеля, бросая в реку пригоршни цветов и красок...

Я не уставал любоваться этой незабываемой, не поддающейся описанию картиной с волнением и жаждостью первооткрывателя. Удивительный рисунок этого утра запомнится мне на всю жизнь.

Меня позвал Франческо, и мы отправились проверять переметы, поставленные с вечера. Попались два лосося. Теряя последние силы, они, словно безумные, бились о прибрежную гальку. Жирные сверкающие рыбы, слишком большие для лосося. Позже мы узнали, что это был особый вид форели — радужная форель. Ее особенно много водится в здешних реках, и с того дня она часто входила в наше меню. При одном взгляде на форель я уже вижу, как она розовеет на сковородке. Нам не удалось их взвесить, но на глаз они тянули примерно два-три килограмма.

Пора уже отправляться в путь. Сняв палатку и погрузив ее в каноэ, мы подплыли к гостеприимной излучине. То, что мы гордо именовали каноэ, было обычной плоскодонкой — около четырех метров длины и немного более семидесяти сантиметров ширины — с высокими бортами, слегка открытой кормой и узким носом. Лодка немало повидала на своем веку, и, купив ее, мы первым делом сменили днище. Тяжелая и неуклюжая, она была, однако, крепкой и устойчивой. Зная, что нам нередко придется нестись по бурному течению, мы пожертвовали красотой ради прочности. Франческо сидел посередине, вздымая два здоровенных весла, готовый вступить в сражение с рекой. Я сидел напротив Франческо — на корме; третьим веслом, вставленным в уключину наподобие руля у плота, я должен был

направлять движение каноэ. Груз размещался вдоль бортов, оставляя лишь узенькую дорожку от носа до кормы, позволявшую двигаться, осторожно переставляя ноги.

Вода в маленькой бухте была тихой, как в садовом озере. Воспользовавшись этим, мы слегка поработали веслами для тренировки и осуществили два-три несложных поворота, словно конники в манеже. Затем вырулили на линию старта. Она была четко обозначена пенистой волной, которая с бешеною скоростью мчалась в нескольких метрах от каноэ, неприятно контрастируя с зеркальной гладью крохотного залива, так бескорыстно приютившего нас.

Итак, полный вперед!

Рывок — и попытка выйти на дистанцию потерпела полную неудачу. Когда Франческо резко подтолкнул лодку, я направил киль под слишком большим углом к течению, и каноэ, сделав полный круг на месте, угрожающе накренилось на левый борт, зачерпнуло немного воды, а затем отлетело назад. Франческо сопроводил это событие выразительным «саггамба»¹, то ли изумившись силе течения, то ли возмущившись столь скверным началом.

Вновь вернулись на старт и теперь уже осторожно, по касательной, приблизились к ревущему потоку. Некоторое время мы плыли рядом с ним, а потом мгновенно юркнули в поток. Маневр удался на славу. Ощущение было такое, словно вы в дождливый день у входа в подвал с разбега наступили на банановую кожуру и полетели вниз по лестнице.

Обдаваемый брызгами пеной, я изо всех сил пытался не потерять контроль над лодкой. Франческо, напрягаясь как струна, по-прежнему вздымал зажатые в руках весла, ожидая моих приказаний. Он вобрал голову в плечи и старался не глядеть на смелого «викинга», который, яростно скрежеща зубами и судорожно вцепившись в рулевое весло, таращил близорукие глаза в тщетной надежде отыскать свободный проход на юго-запад.

И тут начался поворот, бесконечно длинный и опасный. У меня уже не осталось времени ни чтобы отвернуть вправо, ни чтобы принять какое-либо решение. Я успел только отдать экипажу команду убрать весла. Это и оказалось нашим спасением. Течение несло нас все быстрей. У меня было такое чувство, словно я обгоняю на вираже двух-трех гонщиков-соперников. А скала ближе и ближе; вот она уже всего в нескольких сантиметрах. Я тоже убрал весло, признав бесплодность любой попытки удержаться на стрежне. Малейший поворот оказался бы для нас роковым — коснись каноэ носом или кормой скалы, мы бы опрокинулись. И каноэ плыло, как обыкновенное бревно. Думается, начни мы маневр кормой вперед, он тоже завершился бы самым «блестательным» образом. Все зависело от гладкости скалы, поверхность которой вода за тысячелетия отполировала с величайшей тщательностью. Скорость возросла настолько, что казалось, с минуты на минуту нас центробежной силой выбросит на камни.

Поворот — и нас отшвырнуло на середину реки, усеянной коварными отмелями, оставлявшими для лодки лишь узкий проход, едва заметный средь пен. Настоящий водный кросс, в котором мы с Франческо рисковали жизнью.

Так мы путешествовали примерно полчаса, пока по счастливой случайности не приблизились к берегу. Франческо акробатически соскочил на берег, сжимая в руке трос. Наконец-то!

На новом месте я занялся едой, а Франческо отправился на охоту, захватив десять капканов и неизменный карабин. Вернулся он уже в сумерках. Ожидая, пока я сварю похлебку из риса, чечевицы и гороха, он начал ощипывать подстреленную им птицу; потроха пошли в капканы на приманку для лис.

— Я поставил шесть капканов на лисицу и четыре на нутрию. Но на удачу не рассчитываю. Мы еще

слишком высоко, — объяснил он. — Завтра двинемся дальше.

Птица, которую он ощипывал, называется мартинета, и по оперению она очень похожа на цесарку. Мне эти птицы были уже знакомы, так как они водятся и в менее пустынных местах. Обычно они живут стаями по десять-двенадцать в каждой. Подстрелить их довольно легко, особенно когда они взлетают и тяжело, медленно плывут над землей. Труднее попасть в них, когда они спасаются бегством, часто и внезапно меняя направление.

На следующее утро, по-брратски разделив мартинету, пошли осматривать капканы. Пройдя по берегу, сразу же начали проридаться через густые заросли.

— Дон Хуан ждет нас, — на ходу бросил Франческо.

— Дон Хуан?

— Да, Эль Сорро. Ночью я слышал, как он угодил в капкан.

Значит, нас ждет дон Хуан — господин Лис! Я ночью ровным счетом ничего не слышал. Совершенно обессилев за весьма богатый приключениями день, я бы не проснулся, даже если бы с меня содрали кожу.

Наконец подошли к капканам на нутрий. Франческо поставил их у самой поверхности воды; они были пусты все до одного. Ночью заводь покрылась тонкой коркой льда.

Чуть дальше нашли лису. Красивую, рыжую лису. Она угодила передней ногой в тиски капкана и уже умерла.

Еще метров двести — и мы увидели вторую лису. Заслышав наши шаги, она в последний раз попыталась спастись бегством. Но, убедившись в бесполезности своих усилий, пленник приготовился к последнему сражению. Это был огромный и злобный лис. Он скрежетал могучими зубами со слепой яростью голодного волка. Впрочем, он и походил скорее на волка. Я даже не подозревал, что бывают столь крупные лисы. Попади в его челюсть рука, из нее получилось бы крошево.

Франческо отыскал узловатую палку и стал неторопливо остругивать ее ножом. Догадавшись о его намерениях, я попытался вступиться за лиса. Нельзя ли его прикончить выстрелом из ружья? Моя просьба была отвергнута. Франческо объяснил, что пуля может попортить шкуру. Осторожно подойдя ближе, Франческо нанес лису страшный удар по голове.

Когда нервный поединок закончился, я попросил разрешение нести трофей в лагерь. Во-первых, я хотел показать Франческо, что, даже будучи новичком, могу быть ему полезным и на охоте, а главное, стремился раз и навсегда победить свое отвращение к виду крови. Связав лису ноги, я поплелся вслед за Франческо, волоча свою жертву. Как только рука у меня уставала и почему-то начинала зудеть, я перекладывал добычу в другую руку. Внимательно следя за дорогой, я менял руку совершенно автоматически. Пока... пока не сделал одно довольно любопытное открытие: в то время как боль в плече и свободном локте тут же исчезла, рука продолжала зудеть и чесаться. Зуд был какой-то странный и вызывал всякие подозрения. Нарушение кровообращения? Застой крови?

Я поднял руку. Она вспухла и была даже не синей, а цвета молотого кофе. Наоборот, прилив крови?

И тут я увидел, что по обеим рукам ползают легионы блох. Здоровенных, темных блох, проделывающих сложнейшие перестроения на моей бледной коже, — блох дона Хуана!

ВСТРЕЧА С ГУАНАКО

Сняв шкуры с убитых зверей, снова пускаемся в плавание, решив бросить якорь через два-три часа. И хотя ритм путешествия можно было сравнить с учащенным сердцебиением, кризис уже миновал. Мне почти всегда удавалось пристать в указанном Франческо месте, с разницей в двадцать-тридцать метров. Плохо ли, хорошо ли, но лодка прокладывала путь через все препятствия.

¹ Саггамба — черт возьми! (исп.).

Новая стоянка показалась нам идеальным местом для отдыха и охоты. Солнце и море света, волшебство тишины, безбрежные дали, глубина, бездонное небо. И вода! Великое богатство и первейшая необходимость. Вода у наших ног. Вода для питья, стирки и промывания желудка. Не вода, текущая из крана, или дистиллированная водичка химических кабинетов, а нежных голубых тонов речная влага с запахом хвои и водорослей.

Посовещавшись, мы решили пробыть здесь несколько дней.

Два узких и длинных озерца на берегу, одно из которых соединялось с рекой, были для нутрий обетованным краем. Здесь в неглубоких лагунках росло водяное растение, которое Франческо искал уже давно. Это растение — любимая еда нутрий. Оно крепко прирастает ко дну и на целый метр возвышается над водой. Листья у него мясистые и длинные. Плотным зеленым ковром устилает оно поверхность мелководных озер у самого берега. Нутрия-миокастор питается корнями и нижней частью листьев растения, белой и аппетитной, как стебель сельдерея.

Франческо начал ставить капканы на глубине одной-двух ладоней от поверхности, даже не пытаясь их замаскировать. Каждый капкан висячим замком с цепочкой прикреплялся к кустам на берегу, а если их поблизости не было, просто к колышку, который здесь же и вбивался. На поверхности заводи вокруг капканов мы разбросали корни, стебли, кусочки листьев, выуженные мной из воды.

шину Керро Плomo. Закованый во льды, этот пятитысячник, как часовой, возвышается в голубом небе Центральных Анд. Восходители решили отдохнуть и начали вырубать площадку во льду. Вдруг ледоруб одного из них зацепился за кусок ткани. Осторожно расчистили находку. Это оказалась замерзшая мумия мальчика индейца. Ледяной саркофаг хранил его несколько столетий.

Обложив тело мальчика льдом, закутав в брезент, группа спустилась в долину. Исследования показали, что маленький индеец умер около пятисот лет назад. Как он попал на вершину? В то далекое время коренные жители страны вели жестокую войну против конкистадоров испанцев, которые, убивая и грабя, вторглись в Южную Америку. Может быть, отчаявшийся народ принес мальчика в жертву богу Солнца? Или ребенок просто отстал от своего племени, укрывшегося в горах от захватчиков, и заблудился?

Сейчас фигура индейского мальчика хранится в специальном холодильнике в одной из комнат этнографического музея в Сант-Яго.

Нутрии должны были соблазниться таким дьявольским салатом. Не прерывая работы, Франческо показал мне следы лапок, отпечатавшиеся в грязи, пучки шерстки в зарослях камыша и на сухих листьях. Здесь нутрии дремали после сытного обеда и грелись на солнышке. Франческо называл их сонями. Он и на берегу осторожно поставил капкан. Впрочем, особых предосторожностей тут не нужно. Нутрия от природы не слишком сообразительна. Это тихое, добродушное животное. Оно не опасно, никому не вредит, ведет жизнь тихую и уединенную. Бедная нутрия счастлива, если ей не мешают мирно плодиться в уютных норах

у самой поверхности воды. Хотя внешне нутрия очень похожа на бобра, она никогда не ставит перед собой сложных гидротехнических проблем и не пытается блеснуть архитектурным мастерством. У скромного и доверчивого зверька, настолько доверчивого, что он одинаково смело ставит лапу на камень и на «тарелку» капканы, к несчастью для него, ценный мех.

По этой причине дюжина капканов несколько дней подряд покушалась на жизнь безвредных обитателей двух маленьких озер. Остальные капканы были расположены полукругом за озерами, весьма далеко от нашей стоянки. Предназначались они уже для лисиц. Хотя в этом году шкурка нутрии и ценилась в четырех раз дороже лисьей, Франческо, однако, готов был поставить даже лишний капкан на лису: ведь ни один настоящий охотник не в силах отказаться от невидимой схватки с хитрым и почти неуловимым хищником.

— Потому что лиса очень умное животное, — заметил как-то Франческо.

«Умное» означает ловкость, хитрость, догадливость, решительность, осторожность, а в крайнем случае и смелость, силу и даже отвагу.

Расписывая мне вплотголоса достоинства лис, Франческо без устали отыскивал удобные тропинки, самые заманчивые уголки и нужные кусты. Тут он иставил капканы. Как и для нутрий, они состояли из двух полу-круглых металлических тарелок диаметром в тридцать сантиметров, соединенных двумя мощными пружинами.

Когда животное дотрагивалось до «тарелки» капканы, срабатывала пружина, и пленнику приходилось весьма скверно. Обычно зубья капканов впиваются в переднюю лапу зверя. Зарядив капкан, его закапывают в специально открытую ямку. И зарядка и маскировка капканов требуют большой осторожности: очень рекомендуется во избежание потери нескольких пальцев надеть предварительно кожаные перчатки на толстой подкладке.

Почва большинства плоскогорий Патагонии песчаная, и закапывать капканы тут нетрудно. Установив капкан в ямке, его накрывают листом бумаги, а затем аккуратно маскируют песком и вырытой землей. Это не позволяет песку и земле осипаться вниз и засорять пружину. Успех или неудача в этом случае во многом зависит от опыта и мастерства охотника, от его умения тщательно замаскировать капкан.

Франческо всегда работал в перчатках: не из страха оставить пальцы в капкане, а из опасения, как бы лиса не учудила запах человека.

Но вот работа окончена, и камень, пучок травы, лист — все заняло свои прежние места: Франческо обладал редким умением мгновенно воссоздавать прежнюю микрофлору. Не только лиса, попавшая сюда впервые, но и та, что уже бывала здесь, не должны были заметить никаких подозрительных изменений. В самом деле, кто не удивится, выйдя утром из дома, увидеть памятник на месте общественного туалета, а туалет — на месте памятника?

Приманку из кусков мяса или внутренностей птиц, а иной раз из падали кладут не в капкан, как я думал, а поблизости — так, чтобы прельстившись вкусной едой, лиса непременно задела бы капкан.

Цепочку, тоже старательно замаскированную, Франческо привязывал не к растению или кусту, как это делается при ловле нутрий, а к большой отломанной ветке. Попав в ловушку, лиса начинает метаться, пытаясь спастись бегством, и тащит за собой капкан, цепочку, ветку.

Если же прикрепить цепочку к кусту или растению, то лисе, сначала полной сил, вероятно, удалось бы высвободить лапу из тисков и путь ценой увечья, но обрести свободу. При изобретенной Франческо системе у лисы остаются самые ничтожные шансы на спасение. Волоча за собой тяжелый груз, послужный любому ее рывку, лиса постепенно слабеет, и, когда цепочка, капкан или ветка зацепит за какую-нибудь помеху, у бедного животного не останется сил для борьбы. Франческо рассказал мне о случаях, когда лисицы перегрызали себе сухожилия и убегали на трех лапах...

Следующим утром на нашей совести были уже две рыжие лисицы и три нутрии. Нутрия, услышав наши шаги, отозвалась жалобным криком. Я остановился в полнейшей растерянности: пусть я стал невольным сообщником Франческо, но быть участником преступления не желал. К счастью, после первого же удара нутрия рассталась с жизнью.

Впрочем, Франческо отнюдь не был жесток. Он по-своему уважал зверей. Убивал лишь тех, кто мог пригодиться для еды или имел ценную шкуру. При этом мой друг старался сократить мучения зверей, попавших в капкан; а если они попадали на мушку его ружья, давал им шанс на спасение. Обычно Франческо стрелял с дальнего расстояния, если зверь сидел неподвижно, и часто позволял ему обратиться в бегство.

Таков был неписаный охотничий закон. Впоследствии я не раз видел, как, выследив после обычных поисков зверя, он сначала вспугивал его, а уже потом стрелял...

В тот день и я принял боевое крещение: убил зайца и едва не подстрелил Франческо. В оправдание могу лишь сказать, что до этого я ни разу не... стрелял из охотничьего ружья. Что же до моего опыта в отношении зайцев, то он ограничивался участием одиннадцати лет от роду в званом обеде, который мой старый дядюшка устроил по случаю убийства зайца, пригласив на пир всех родственников, вплоть до третьего колена.

Это было не прихотью сибаритов, а отличной подстилкой для спальных мешков.

Сигнал тревоги прозвучал в полдень. Поспешно доели заячье рагу с ризотто¹, и я, обрядившись в охотничью доспехи, засеменил вслед за «великим вождем племени». С полчаса шли вдоль неровного берега реки. Внезапно Франческо остановился. Кивком головы он указал мне на темную пирамиду, высотой сантиметров в семьдесят. Неподалеку высилось другое, очень похожее на первое по цвету и по форме, сооружение. Казалось, кто-то хорошо знающий законы геометрии сложил пирамиду из больших фиников.² Однако я твердо знал, что в Патагонии пальмы не растут, и потому уверенно сказал:

— Экскременты.

— Гуанако, — уточнил Франческо, — местная разновидность дикого верблюда, но без горба. Сегодня они еще не приходили, но скоро появятся, — добавил он, внимательно исследовав пирамиду у наших ног.

Слава тебе господи! Теперь мы спокойно заляжем в засаду.

Если бы они пришли ранние нас, Франческо увлек бы меня в утомительнейшую погоню. Его вид не оставлял сомнений, что к вечеру он решил любой ценой добить гуанако.

Старый охотник объяснил, что неизвестно уж какие сентиментальные чувства заставляют гуанако вернуться на прежнее место для отправления естественной нужды. К тому же он любит пить чистую речную воду, а здесь ее предостаточно.

Словом, гуанако был рутинером и консерватором. Все было ясно: навоз несвежий, и, значит, гуанако еще не приходили.

Спрятавшись за кустами, по соседству с «финиками», мы стали терпеливо ждать. Лежа на песке и грязясь в лучах яркого солнца, мы даже на минуту забыли, что охраняем пирамиду, сложенную из довольно прозаического материала. От чего делать осматриваю местность. У другого берега сотни диких уток лениво

Следующий день опять начался с проверки капканов. В одном сразу же обнаружили незваного гостя, с которым вовсе не собирались сводить счетов — в лисий капкан угодил... орел. Заманчивая приманка привлекла и его. Орел был первым из множества ни в чем не повинных жертв, которых мы тут же отпускали на волю.

Я успел полюбить эту чудесную террасу над рекой и с тоской думал о предстоящем отплытии. Право же, мне следовало построить здесь настоящий дом, похитить индейку, родить детей и заняться разведением нутрий.

На второй день, кроме обычной добычи, нам удалось, наконец, раздобыть и «мягкий матрац из шкур».

покачиваются на неподвижной водной глади. Утки всевозможных расцветок; они беспрерывно оглашают воздух глухим, свистящим клокотанием, прерываемым лишь прилетом или отлетом новых птиц, тяжело шлепающихся на воду или взлетающих с разбегу, смешно помогая себе лапами и оставляя позади белый пенистый след. На противоположном берегу по песчаной косе, надежно отгородившей уток от врагов, чинно шествует благообразное семейство страусов-нанду: отец, мать и дюжина детенышей. Они следовали с важным, задумчивым видом, один за другим строго по росту. Но так велика была разница между самым вы-

¹ Ризотто — рисовая каша на мясном бульоне.

соким и самым низким ианду, что малыши никак не спасались за родителями. Франческо излагал программу на ближайшие дни, когда появились долгожданные гости.

— Гуанако!

Их было четверо: две самки, самец и маленький симпатичный детеныш — чуленго. Подойдя к отмели, гуанако остановились. Они стояли примерно на расстоянии двухсот метров. Высокий, стройный самец со светлокофичной шерстью первым двинулся к реке. Вскинув голову и навострив уши, он внимательно глядел по сторонам, ступая медленно и лениво. Горделивая осанка и внешне равнодушный, надменный вид характерны для гуанако, но сейчас он показался мне просто застенчивым существом, которое с наигранным хладнокровием отыскивает туалет. Сзади, ожидая приказа, неподвижно стояли «родственники».

Пригнувшись в засаде, мы ждали приближения врача. Глядя на величественную фигуру стройного гуанако, я на миг растерялся — уж очень бросалась в глаза разница между моими и его размерами. Обычно гуанако весит около четырех центнеров: это самое крупное из млекопитающих Южной Америки, на которых ведется охота. Впрочем, опасности для нас не было никакой. Мне представилось, что я укрылся на краю дороги, чтобы убить лошадь. И, главное, только для того, чтобы завладеть ее шкурой. Так уж ли это необходимо?

Я шепотом поделился с Франческо своими сомнениями, но он ответил, что шкура гуанако убережет нас от плеврита или от серьезной простуды. Плеврит на расстоянии нескольких сот километров от ближайшего

врача отнюдь не показался мне праздничным подарком. Значит, сейчас речь шла об особой форме борьбы за существование. Получив, таким образом, согласие природы и успокоив свою совесть, я тоже взял гуанако на мушку, хотя подобная предосторожность была излишней, ибо гуанако никогда не приблизился бы на нужные мне для открытия огня тридцать метров.

На полпути гуанако попал под огонь Франческо. Почти одновременно с выстрелом я услышал негромкий сухой стук, точно кто-то ударил в барабан. Должно быть, пуля пробила гуанако грудную клетку. Животное рванулось, словно выстрел только напугал его, но не ранил, как вторая пуля настигла его. Гуанако рухнул на песок и замер.

Франческо с первого раза попал в цель, но без второго выстрела животное пробежало бы не один километр, прежде чем свалиться мертвым на землю. Третий, последний выстрел прервал агонию. Его родичи умчались в самом начале «дуэли» и сейчас жалобно кричали откуда-то с холма. Их печальный крик был похож одновременно на блеяние овцы и ржание лошади. Снять шкуру с гуанако дело нелегкое, и Франческо понадобилась моя помощь. Это оказался красивый, еще не старый самец с чудесной, не особенно длинной шерсткой. Мясо гуанако, которого хватило бы на роту солдат, увы, несъедобное. Его острый запах напоминает карболовую кислоту, вызывая понятное отвращение.

Мы постарались как можно лучше почистить и просушить шкуру, слегка присыпав ее солью. Через два дня пол нашей палатки украсит отличный меховой ковер!

Перевод с итальянского Л. ВЕРШИННИНА

ЩИТ У ДОРОГИ

(Окончание. Начало на стр. 14)

Салех не ошибся. К вечеру соорудили навес из пальмовых листьев, стащили со всей деревни скамейки, на двух бамбуковых палках приладили висячие лампы. Вати дрожащей рукой вывела на доске первую фразу. Прочитала. Беззвучно шевеля губами, ученики повторили ее вслед за учительницей. И узнали, что на двухстах наречиях и диалектах говорят жители их родины, что на тысячах островов раскинулась она, вечно зеленая и гористая, омыаемая парными водами океанов и морей, обдуваемая теплыми ветрами тропиков. Что и белозубые батаки, и темно-желтые минангкабау, и похожие на индейцев балийцы, и курчавые жители Молуккских островов, и папуасы Западного Ириана — все начали изучать единый «бахаса индонезии» — индонезийский язык.

Определенных часов занятий не было. Вати занималась то с группами, то с одиночками, приходила в хижину спрашивать заданный урок. Детишки стали бессменными ее спутниками. Они охотно носили тетради и книжки, стремглав бегали по ее поручениям во все концы деревни, задавали ей тысячи вопросов. Каждый вечер ее стол ломился от фруктов. Чего только не притаскивали признательные крестьяне в подарок учительнице: колючие дурианы и розовые джамбу, фиолетовые мангисы и желтые манго, медовые ананасы и сахарные бананы.

Все было бы хорошо, только три месяца нет вестей от Сулеймана. Иногда сердце пронзала такая грусть, что в пору бежать в Сурабаю. Нет, она тоже не будет писать. Дядя Салех, добрая душа, прискал ей жениха. Каждый вечер, будто невзначай, он расхваливал сына муэдзина: ум превозносил до небес, красоту и образованность расписывал. И хотя сам муэдзин давно примирился с учительницей, стал помогать ей, а его сын не сводил с Вати глаз, она редко заходила в их дом.

Побежала только раз, когда муэдзин вернулся из города, с крестьянской конференции. Сказали Вати, что привез он для учительницы письмо. Вбежала в дом, ниспослав благословение аллаху, спросила с порога:

— Весточки, говорят, привезли мне.

— Перед конференцией какой-то моряк все спрашивал, кто из нашей деревни приехал. А какой ветер тебе об этом нашептал?

Вати вспыхнула, нетерпеливо попросила:

— Не томи, дядюшка, дай письмо.

Вати долго не решалась прочесть его. Наконец надорвала конверт. Строчки торопливо бежали по бумаге. Сулейман писал, что она молодец, что он горд за нее, что недавно в газете среди лучших учителей было названо ее имя. Моряки, узнав, что Вати его невеста, горячо поздравляли: отпустил невесту в деревню, значит он очень сознательный.

Вати не вытирала глаза. Старый Салех тихо вышел. Всем хорош дядя Салех, но уж очень любит новости. В деревне как раз наступило время ужина. Он шепнул соседям, те — дальше; через час о письме знала вся деревня. И когда она пришла на урок, ее встретили улыбки, а пожилой крестьянин хитровато сощурился и на правах старшего осведомился:

— Вся светишись, учительница. Что приключилось?

Вати смотрела в их открытые лица:

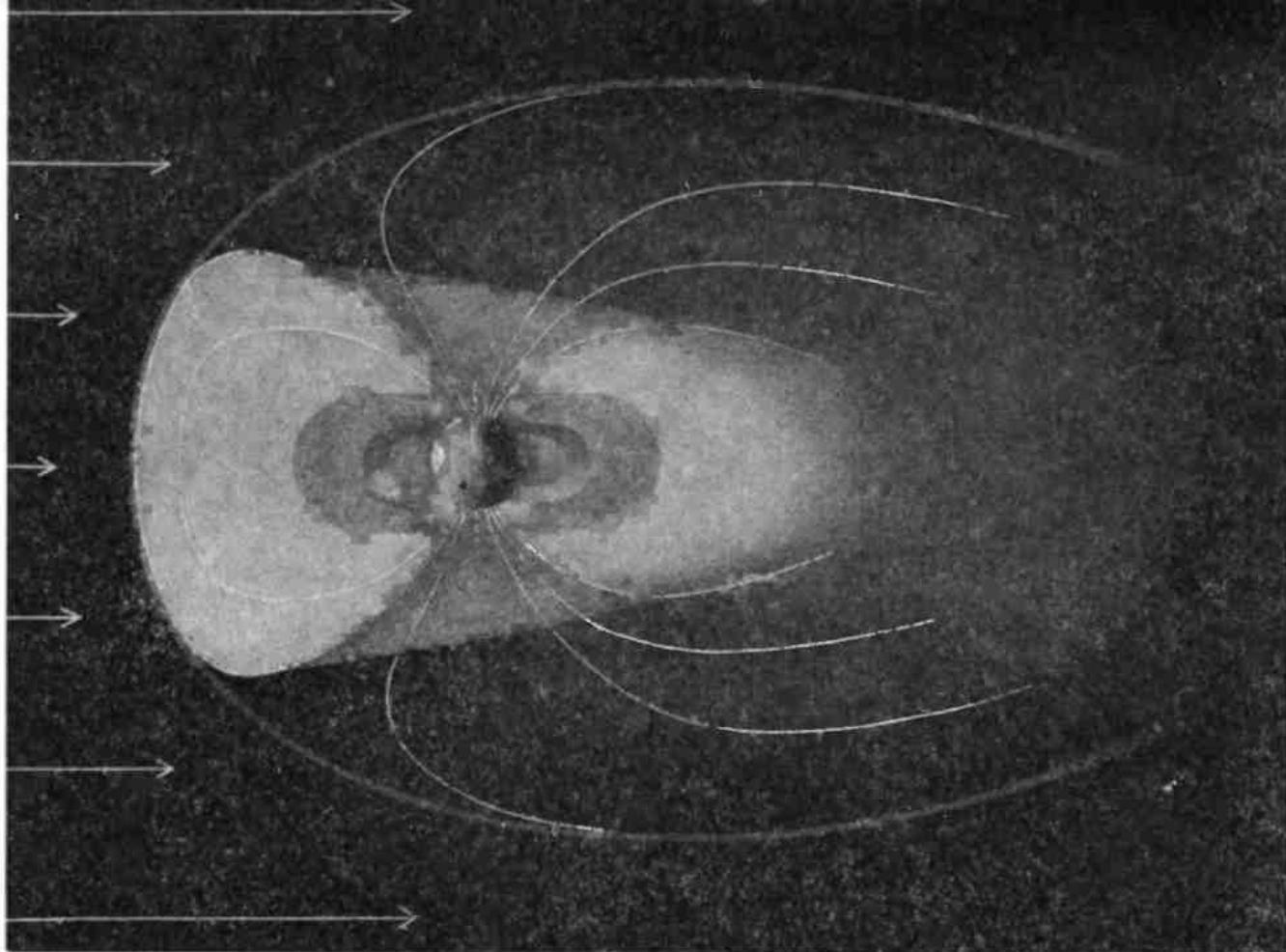
— Радость у меня, дедушка. Жених письмо приспал, а до этого не писал. Он тоже грамоте обучает. После службы во флоте учителем стал.

Салех ворчливо заметил:

— Почесали языки, заниматься пора.

Трудно дается письмо рукам, привыкшим к мотыге. Но они упрямые, эти руки, и непослушные буквы ложатся на бумагу.

Сулейман приехал через год. У самого въезда в деревню он увидел большой щит. Печатными буквами на нем было написано: «В нашем округе безграмотность ликвидирована в октябре». Ниже чьято неуверенная рука дописала: «Потому что очень хорошая у нас учительница».

Б. СИЛКИН

Земля в «одежде» своей магнитосферы. Две зоны радиации — внутренняя и внешняя — охватывают ее плотными кольцами. Стрелы «солнечных ветров» вторгаются в окрестности Земли и сминают, отклоняют в сторону ее магнитно-силовые линии.

ЛУЧИСТЫЕ КОЛЬЦА

МЫ ЖИВЕМ НА МАГНИТЕ

Нет, все еще слишком часто, когда говорят «Земля», подразумевают лишь землю, сушу. А Мировой океан? А атмосфера?.. Ведь и они вместе с сушей составляют нашу планету, ту, что именуется Землей с большой буквы.

Расширяются горизонты достижимого, и нас уже не удовлетворяет знакомый перечень трех стихий: земной тверди, морской глади и воздушного океана. К литосфере, гидросфере и атмосфере добавилась еще одна — магнитосфера. Откуда она взялась?

Мы живем на магните. На огромном шарообразном магните. Поле этого магнита уходит далеко в пространство и там постепенно ослабевает. Впрочем, и на по-

верхности планеты оно в сотни раз слабее, чем поле обычного школьного металлического подковообразного магнита. Но зато его объем можно назвать гигантским. А так как известно, что энергия магнитного поля пропорциональна его объему, следовательно, его влияние на то, что творится в окрестностях нашей планеты, очень велико.

Если вы когда-нибудь попадете на берега покрытого льдами Баффинова залива, омывающего север Канады и Гренландию, или в район советской антарктической станции «Восток», вы сможете увидеть редкую картину: свободно подвешенная стрелка компаса будет показывать острием прямо вниз. Две точки на земном шаре, где только и можно наблюдать такое явление, называются геомагнитными полюсами.

Силовые линии земного магнита «выходят» из одного магнитного полюса, дугами огибают планету и упираются в другой. Они располагаются в пространстве примерно так, как ложатся железные опилки вокруг обычного магнита, имеющего форму стержня. Вся совокупность этих линий, вся область, которую они охватывают, и называется магнитосферой.

О том, как высоко простирается магнитосфера, раньше можно было только гадать. И лишь во время Меж-

дународного геофизического года после запуска советских и американских искусственных спутников и космических ракет ученые установили, что примерно в 90 тысяч километров от поверхности планеты магнитное поле становится в 10 тысяч раз слабее, чем на Земле, и дальше уже не изменяется. Это и есть граница магнитосферы, а по существу — и настоящая граница Земли, нашего большого дома, если считать его целиком — от «фундамента» до заоблачного магнитного конька на крыше.

ЗЕМЛЯ В «РУБАШКЕ»

...Шел Международный геофизический год. Человечество затаив дыхание следило за полетом первых в мире искусственных спутников. У специалистов были особые причины для волнений: ведь впервые стало возможно познакомиться вплотную со многими явлениями в космосе.

Еще в начале века ученым стало ясно, что Земля извне постоянно подвергается обстрелу какими-то невидимыми лучами, которые назвали космическими. Около тридцати лет это явление наблюдают систематически, используя все более хитроумные приборы.

И вот второй советский спутник Земли и американский «Эксплорер I» пронизывают космические окрестности. По общему мнению, чем выше заберутся эти разведчики, тем больше заряженных частиц должны отмечать их приборы: ведь ближе к Земле частицы поглощаются атмосферой.

Но что это? И в Москве и в штате Айова, где обобщались данные, полученные спутниками, ученым только развели руками: стоило спутникам залететь повыше, как количество частиц, регистрируемых приборами, падало до нуля. В порядке ли оборудование?

Все разъяснилось, когда в небо взлетел наш третий спутник и заокеанские «пioneerы», советские ракеты, запущенные на Луну, и американский «Эксплорер IV», на которых установили менее чувствительное оборудование. Они донесли, что прежние приборы были слишком «кнейными» и замолкли, просто «пресытившись» заряженными частицами, которых на этих высотах куда больше, чем предполагалось.

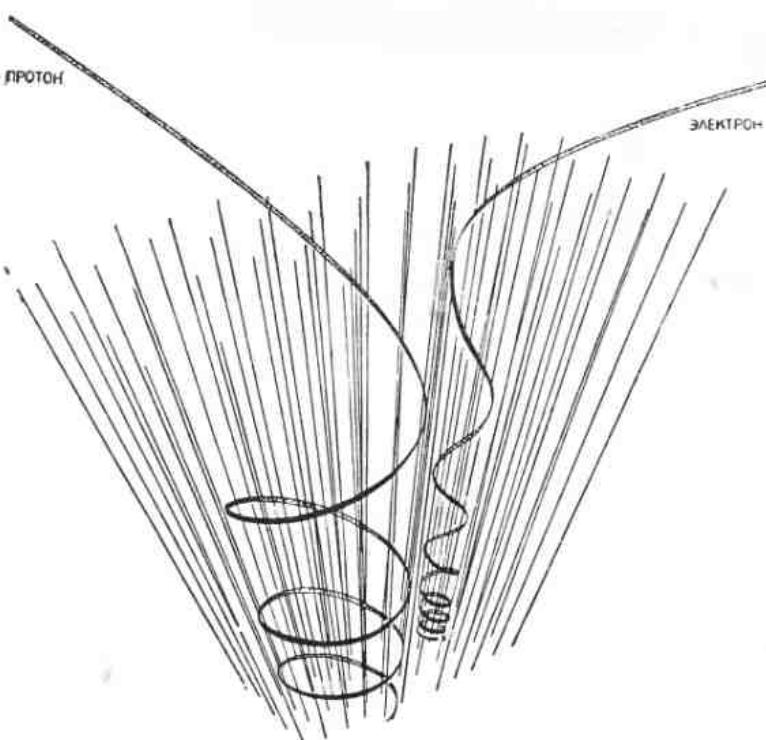
ЗЕМЛИ

Откуда же, словно из рога изобилия, льется этот невидимый поток?

Тогда-то и родилась теория, согласно которой магнитное поле Земли — это огромная ловушка для заряженных частиц, идущих из космоса. Своим гигантским магнитным «сачком» ловит Земля космических «мотыльков», слетающихся из глубин Вселенной.

Дождем обрушиваются они на «крышу» нашего дома — внешнюю область магнитосферы — и здесь встречаются с препятствием. Силовые линии, напрягнувшись, как лук, встают им навстречу, стараясь не пропустить космических пришельцев на Землю. В результате только самые «сильные» из них долетают до поверхности, а «слабые» частицы, не обладающие такой энергией, которая позволила бы им пробить «сачок» магнитосферы и прорваться к Земле, изменяют направление своего полета: они начинают метаться в ловушке, двигаясь вдоль силовых линий, как бы наиваясь спиралью на них.

Летит по силовой линии частица, все ближе и ближе она к поверхности Земли, все круче «штопор», который она прочерчивает в пути, все более плоскими становятся его витки, все теснее у полюсов силовые

Заряженные частицы вошли в магнитное поле Земли и движутся к ней по спирали, «навиваясь» на силовые линии. Чем сильнее становится магнитное поле и теснее его силовые линии, тем уже диаметр спирали.

Заряженные частицы, пришедшие из космоса к Земле, захвачены ее магнитным полем. Они начинают свои странствия из северного полушария в южное и обратно, «наматывая» свою траекторию на силовые линии. Совокупность этих «мечущихся» частиц и создает радиационные кольца вокруг нашей планеты.

линий, все большее сопротивление оказывает магнитное поле... И вот, наконец, не в силах превозмочь это сопротивление, не долетев до Земли, частица «изнемогает», останавливается, отражается и опять летит по силовой линии, но в другой конец планеты.

Бесчисленное количество раз «наматывает» свой путь частица на силовую линию, пролетая за секунду-другую по огромной дуге от одного полюса до другого и обратно. Так она кочевала бы до бесконечности, если бы все это происходило в абсолютном вакууме.

Но атомы вещества, рассеянного в космосе, как бы редки они ни были, сталкиваются с этими странниками и заставляют их растратить свою энергию. Искривив ее запас, частицы гибнут, «высыпаются» в районах крайнего севера и крайнего юга нашей планеты. При этом природа устраивает «в их память» великолепный «салют»: небосвод над ледяными просторами Арктики и Антарктиды озаряется сполохами полярных сияний.

Эксперимент сменялся экспериментом, самые различные счетчики частиц устанавливались на борту спутников и ракет, и постепенно картина стала проясняться. Было установлено, что Земля одета в «рубашку» магнитосферы, сотканную из бесчисленного множества заряженных частиц, двигающихся по определенным законам.

И хотя видеть их нельзя, но приборы чувствуют присутствие частиц отлично. И не только приборы — живой организм, который был бы помещен в этот резервуар заряженных частиц на достаточно долгое время, испытал бы серьезнейшие последствия от смертоносной радиации.

Эта «одежда» очень своеобразна. Попасть в ее толщу опасно, но в то же время она надежной броней предохраняет нашу планету от вредоносного космического излучения. И кто знает, возможна ли была жизнь на Земле, если бы она не была одета в эту «рубашку»...

В наш век, когда человек делает первые шаги в космос, вопрос о магнитосфере сразу же превратился из чисто теоретического в насущную практическую проблему. Им заинтересовались медики, отвечающие за здоровье космонавтов. Радисты, призванные под-

Реки на морском дне

В 1929 году связь между Европой и Америкой по трансатлантическому кабелю была прервана. Оказалось, что в районе Ньюфаундленда кабель был поврежден подводной лавиной.

Под ударами подводных землетрясений массы размытых и насыщенных водой глин скрываются со склонов подводных возвышенностей и несутся в подводные долины со скоростью до 40 километров в час, увлекая за собой ил.

Прокатываясь время от времени по проторенным путям, мутевые потоки вымывают на подводных склонах овраги, каньоны — совсем как бурные потоки и ручьи на суше.

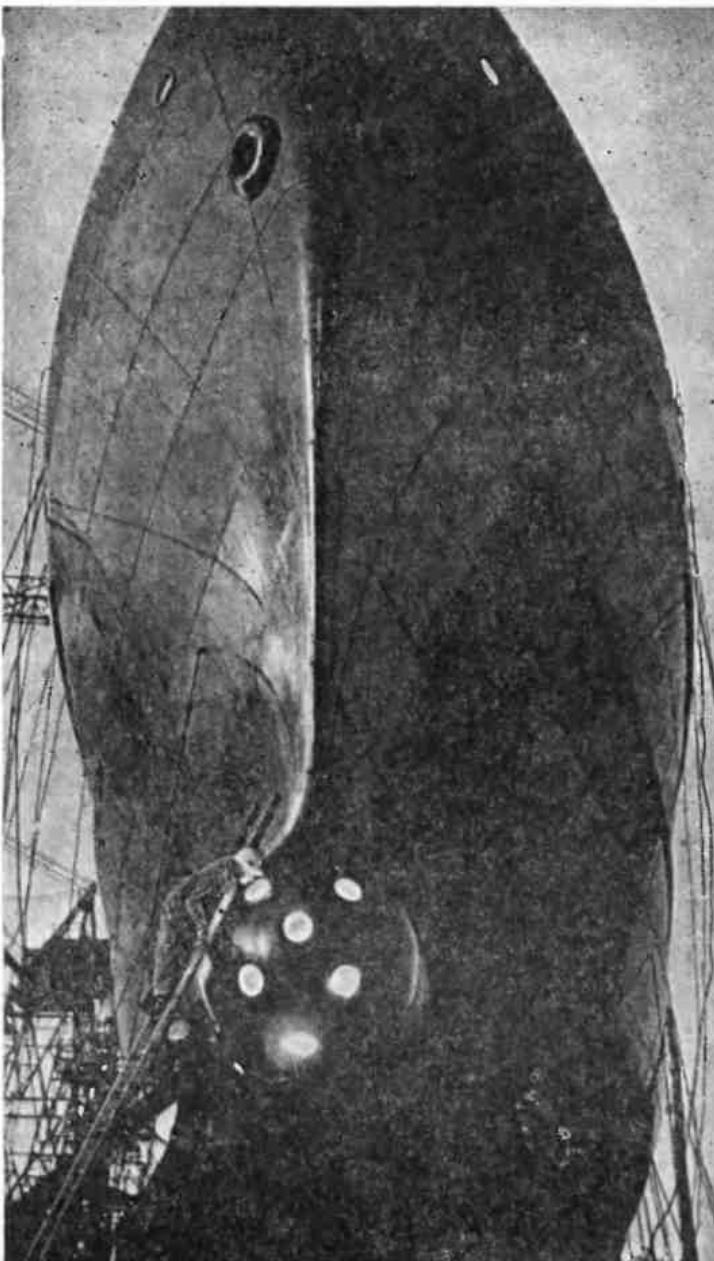
Дом, где хозяин море

Вытянутое в длину здание с прозрачными стеклянными стенами и ребристой крышей отчетливо рисуется на фоне сопки Орлиной и Амурского залива. Круглое помещение со стеклянной галереей и бетонным козырьком дополняет архитектурный ансамбль... Так задумали проектировщики Большого Владивостока корпус морского аквариума и ихтиологического музея.

Батискаф или каюта?

На новом американском океанографическом судне «Атлантик II» имеется любопытное приспособление — в киль корабля смонтирован батискаф с иллюминаторами. Из этой своеобразной каюты можно наблюдать за жизнью обитателей подводных глубин, не покидая судна.

ТАЙНЫ ОКЕАНОВ

держивать дальнюю связь, хотели знать, как влияют захваченные частицы на распространение радиоволн.

«А не поможет ли новооткрытая сфера точнее и легче составлять карты вечно меняющегося магнитного склонения?» — спрашивали магнитологи и штурманы. Те, кто посвятил себя изучению тайн полярных сияний и космических лучей, увидели, что здесь кроются ответы на многие волнующие их проблемы.

Всем этим занялась новая наука, название которой вы пока не найдете и в Большой Советской Энциклопедии. Она называется аэрономией, и в круг ее ведения входят проблемы электромагнитных явлений в верхней атмосфере и ближнем космосе. И хотя аэрономия в общем-то наука физическая, разве возможно в наше время отделить физику от физической географии и астрономии. Семья этих родственных наук, давно пополнившаяся астрофизикой, геофизикой, гелиофизикой, теперь гостеприимно приняла под свой кров и новую родственницу — аэрономию.

СИЛУЭТ ДВУГОРБОГО ВЕРБЛЮДА

Интересно, что натолкнуться на некоторые загадки строения магнитосферы помогла случайность. Американская ракета «Пайонир III» была направлена к Луне. Но из-за каких-то неполадок она отклонилась от правильной траектории и с расстояния около 100 тысяч километров повернула обратно в сторону Земли. При этом «Пайонир III» дважды — «туда» и «обратно» — пронизал зону повышенной радиации.

Показания счетчиков, помещенных на борту ракеты, перенесли на график, и снова ученыые были поражены: он напомнил им силуэт двугорбого верблюда. До расстояния примерно в 10 тысяч километров от центра Земли кривая взгорбливалась круто вверх, и, значит, количество частиц, которое она обозначала, увеличивалось.

(Окончание на стр. 53)

И ОКЕАНЫ ТАЙН

ПО СЛЕДАМ БРОДЯЧИХ ПЕСКОВ

Неисповедимыми путями «броят» по дну морей и рек зыбучие пески. Неожиданно вырастают они на фарватерах, по которым следуют суда, образуют непредвиденные мели в гаванях и на рейдах.

Каким законам подчиняется это кочевые песков?

Ученые давно уже пытались разгадать их маршруты. Песок ярко окрашивали в каком-нибудь месте. Через некоторое время вокруг него со дна брали контрольные пробы. В них надо было отыскать окрашенные крупицы. Кропотливый, изнурительный труд. Попробуйте перебрать руками один грамм песка, в котором 100 тысяч песчинок!

Но вот работники институтов органической химии и океанологии Академии наук СССР предложили метить песок по-новому. Зернышки песка покрывают тончайшей пластмассовой пленкой с вкрашенным в нее люминофором — светящимся веществом. И такие единичные меченные песчинки можно за две-три минуты обнаружить среди десяти миллионов обычных за десятки километров от первоначального места. Надо только направить на песок ультрафиолетовый луч, и в нем вспыхнут люминесцирующие светлячки.

Новый метод уже позволил провести ценные исследования в Черном, Каспийском морях, в дельте Волги и на Лене. Теперь опытом океанологов заинтересовались специалисты, ведущие борьбу с песками в пустыне.

НОВЫЙ БРАТ НЕРПЫ

Сотрудник Тихookeанского института морского рыбного хозяйства и океанографии Алексей Белкин увидел на одном из Курильских островов странного тюленя. Обычно животные очень чутки и при появлении людей бросаются в воду. Этот спокойно остался лежать и дал рассмотреть себя вблизи.

Тюлень резко отличался от известных биологам пятнистой ларги и кольчатой нерпы. На его черной спине красовались белые кольца. Длина превосходила два с половиной метра. Дальнейшие наблюдения показали, что тюлень выделяется среди сородичей и образом жизни. Линька, рождение и вскармливание детенышей проходят у него на берегу, а не на льду, как у других.

Так был открыт тюлень неизвестного вида. Только на двенадцати островах Курильского архипелага ученыые насчитали уже около двух тысяч его представителей. Удивительно, что за десятки лет промысла на Дальнем Востоке раньше никому этот тюлень не встречался.

На языке белухи

Ревет белугой — откуда это странное выражение? Ведь никто не слыхал рева этой рыбы. А вот белуха — крупный морской зверь из породы китов ревет, да еще как! И не только ревет — под водой шестиметровые киты перекликаются тончайшими писками, скрипами, щелчками.

Ученые специально занялись изучением и классификацией «разговоров» белух, так как они вносят иногда неожиданные и непрошеные поправки в показания эхолотов — приборов, измеряющих глубину с помощью звука. Кроме того, знание «языка» белух может помочь при добывке этого ценного промыслового зверя.

«Антигольфстрим»

Гольфстрим переносит в сутки в двадцать раз больше воды, чем все реки земного шара. С давних пор многих ученых интересовал вопрос: куда движется эта огромная масса. Ведь какого-либо течения на поверхности, которое «откачивало бы» воду, приносимую Гольфстримом, нет. И вот недавно американскими океанологами, проводившими исследования к юго-востоку от мыса Гаттерас, на глубине 800 метров было обнаружено неизвестное ранее течение, противоположное Гольфстриму по направлению.

Эта подводная «река» глубиной больше чем в полтора километра успешно противодействует сколько-нибудь заметному изменению уровня Ледовитого океана, принимающего воды Гольфстрима.

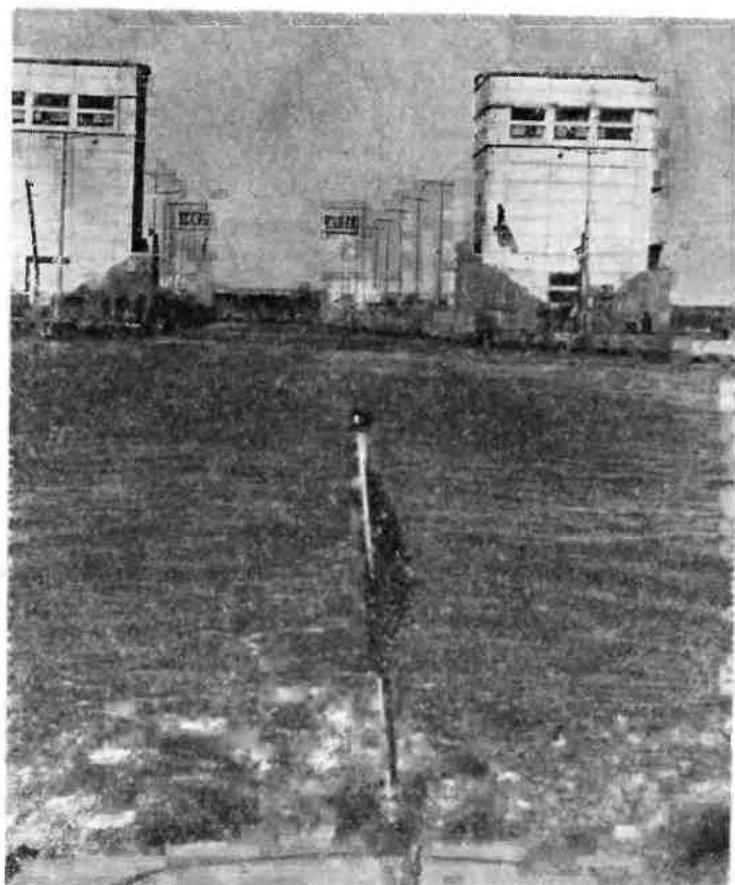
Б. БАЗУНОВ,
В. ГАНТМАН

ГОЛУБЫЕ

КРОНШТАДТ. 17 июня 1963 года. 11 часов 45 минут. В последний раз перед стартом рассматриваем маршрут путешествия. Пока Финский залив лежит перед нами только на карте. Через четверть часа грянет полуценный выстрел кронштадтской пушки, и мы увидим Балтику наяву.

ВЫТЕГРА. Шлюз № 1 старой Марийской системы. Вчера еще через эти ворота «Маринки» проходили небольшие суда. Сегодня это экспонат Вытегорского краеведческого музея.

ВОЛГО-БАЛТ. Эти башни из бетона и стекла — в ста шагах от музейного шлюза. Вот каковы ворота Волго-Балтийской водной магистрали! Они открывают перед речными гигантами глубоководный путь с Балтики на Волгу. Семь таких шлюзов заменят 38 деревянных камер «Маринки». И совсем скоро грандиозный водный путь вступит в строй.

КИЛОМЕТРЫ

Силуэты кораблей разбросаны по Кронштадтскому рейду. А дальше — за лесом мачт — уснувший город, омываемый со всех сторон Балтикой.

Над рейдом полночное небо опустило свой светлый полог. Оно играет акварельными тонами. Ему вторят огни над водой: маяки посыпают вдали свои позывные, светлячки кораблей блуждают по Финскому заливу.

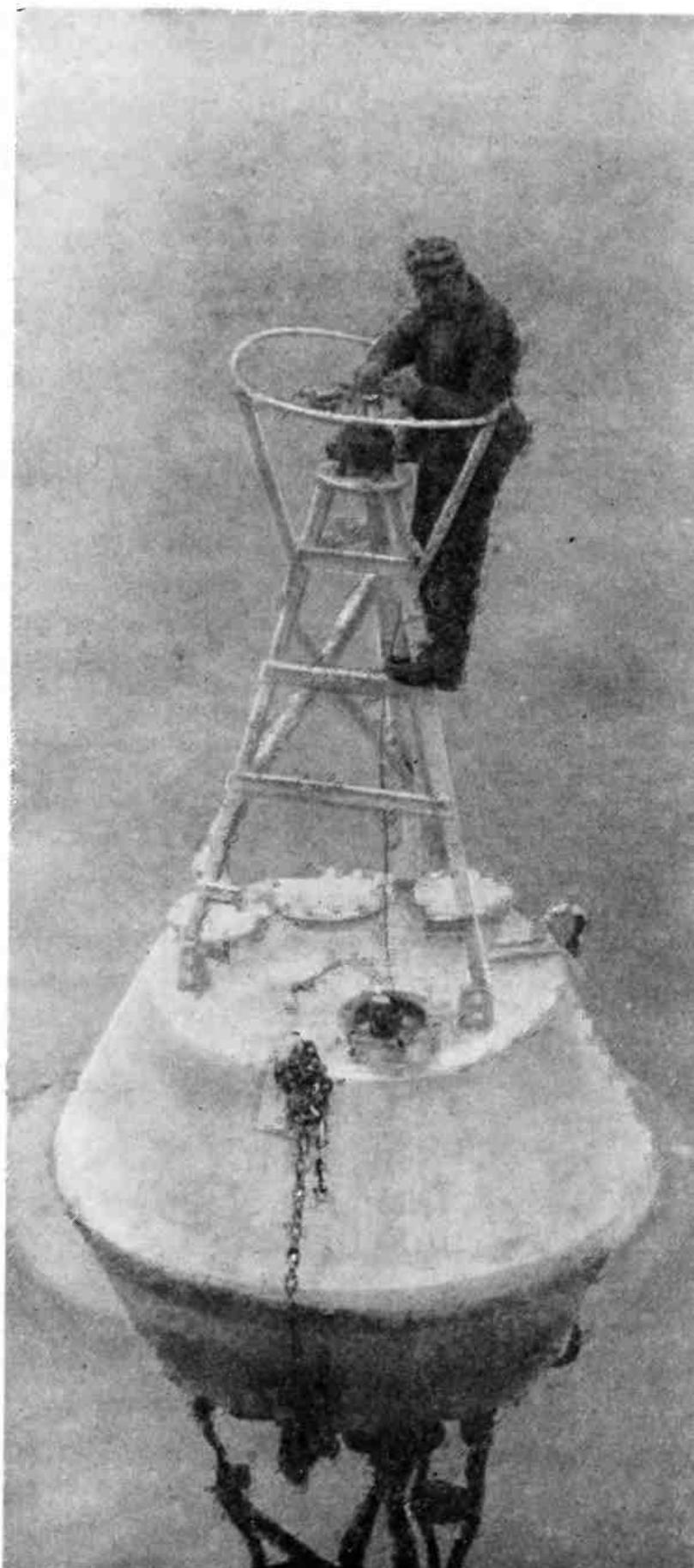
Волны покачивают на крутых плечах катер «Горизонт».

Право, наше двухместное суденышко может гордиться такой гаванью. И для экипажа это несомненная честь — начать путешествие от стен прославленной Кронштадтской крепости. Завтра мы отправимся в поход, задуманный в такую же белую ночь ровно год тому назад.

...Ладожский канал. Косматые туманы над тесным водным коридором.

Рулевой стоит у ветрового стекла моторки. Он едва касается штурвала. За всю ночь мы не произнесли ни слова.

ОНЕЖСКОЕ ОЗЕРО. Они первыми открывают навигацию и последними, под носом у зимы, покидают водные дороги. Ни шторм, ни туман, ни снегопад не могут сорвать вахту бакенщика. Тот, кто плавает, наверняка оценит труд людей этой незаметной, но романтической профессии.

ВОЛГО-БАЛТ. Лопатой строил «Маринку» русский крепостной мужик. Самая современная техника помогла советскому человеку создать Волго-Балт. Экскаваторы, земснаряды, бульдозеры, скреперы прокладывали трассу канала. Под мощными выстрелами водяной пушки — гидромонитора — рушились земляные бастионы на водоразделе. Вода прокладывала путь воде.

И вдруг человек на берегу. Он тоже смотрел в матовое зеркало канала. Что же его заставило забыть о времени?

Лодка мягко ткнулась в песок. Человек чуть повернул голову в нашу сторону. Мы разглядели суровый профиль старика. Начали было ставить палатку, но услыхали голос:

— Идите дом. Ночуйте.

Перед домиком над откосом — весла, спасательный круг, вехи, багры, сети. Они представили нам старика. Конечно, он бакенщик.

Очарование светлой ночи было слишком велико. Она прогнала сон и усталость. Мы подсели к столу, расстелили походную карту, заговорили о дальнейшем маршруте. И не сразу заметили, как бакенщик, войдя в дом, присел поодаль.

— Вот вы все про географию, — подал, наконец, он голос. — Интересно... А может, вам ту, старую географию показать. Есть у меня карта. Забавная, скажу. С виду Россия как Россия. Да не та уж.

Хозяин достал из матросского рундука сверток, развернул и положил на стол пожелтевший лист. Бросились в глаза очертания Финского залива. Но в устье Невы — Петроград. Чуть выше надпись:

«Генеральная карта России
Издание Ильина
Март 1917 года».

КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСК. В конце Топоринского канала — одного из «переулков» Волго-Балта — из вод Сиверского озера вырастают стены Кирилло-Белозерского монастыря. Это диво строительного искусства создано несколько веков назад в вологодских лесах и топях.

Мы переглянулись. Диковина! Да ведь карта стакика была отпечатана в канун Великого Октября! Этот документ прошлого показал нам старое лицо русской земли. Рука потянулась к карандашу, чтобы заменить названия городов, нанести на ветхий лист новые города, каналы и порты.

Впрочем, стоит ли? Мы совершим большое водное путешествие по новой карте. На ней есть то, чего не знает карта бакенщика...

Официальный старт плавания был дан в 12 часов 00 минут, когда с Петровской набережной ударила пушка. Вот уже более двух столетий над Кронштадтом звучат по полудням мирные залпы, отсчитывая шаги

3 800 голубых километров оставил за кормой «Горизонт». 45 дней провели мы в пути.

Трудно сказать, какой из этих дней был самым яр-

РЫБИНСКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ. «Солнце готово нырнуть за облака. Обгоняя самододку «СТБ-865». Компасный курс 172°. Прошли «половину» карты: из северной части водохранилища перебрались в южную. До Рыбинска 60 км». (Из вахтенного журнала)

Фото Б. БАЗУНОВА
и В. ГАНТМАНА

истории. Крепостная пушка палила по возвращении русских фрегатов из дальних походов. Она гремела во славу Беллинсгаузена и Макарова, Пахтусова и Крузенштерна.

За кормой осталась прославленная военно-морская крепость. Балтика положила перед нами зеркало Финского залива.

Итак, мы двинулись на восток.

Из Невы в Ладогу, из Свири в Онежское озеро, подъем и спуск по деревянным ступеням Марининской системы и новым шлюзам Волго-Балта, через Рыбинское водохранилище к Волге, по Куйбышевскому водохранилищу на Каму. У подножия Уральского хребта, в Перми, завершился первый этап путешествия.

ким. Мы заходили в крохотную бухту ладожского островка Сухо. На Волго-Балте довелось прошагать по сухому дну будущего шлюза. Сормовичи-судостроители удивили крылатыми кораблями. Волга показала нам створы Чебоксарской ГЭС и город-музей Свияжск, левитановский Плес и поистине морской казанский рейд и, покачав на больших волнах Куйбышевского водохранилища, привела к своей сестре — Каме.

Теперь, на новом этапе нашего путешествия летом 1964 года, нас ждут другие водные дороги. Мы отправляемся в верховье Камы — туда, где скоро начнется грандиозная стройка. Мы увидим то место, где воды Печоры повернут вспять, чтобы прибавить сил Каме и Волге, напоить Каспий.

ГОРЫ

Человека, впервые попавшего в горы, долго еще будет вводить в заблуждение оптический обман: далекое может оказаться близким, а близкое далеким.

I

Дороги, дороги... Когда едешь на машине, то кажется, что одно неосторожное движение руки, и... машина свалится в пропасть. Близость опасности мешает впитывать то, что видишь. Ждешь, чтобы скорей прибыть на место.

...Шагая пешком, обнаруживаешь, что дорога достаточно широка, чтобы разойтись, и если что и случится, то все зависит от тебя и твоей зоркости. А раз все зависит от тебя самого, начинаешь понемногу вживляться в то, что тебя окружает, если и не вживляться, то хоть замечать, одним словом — не опасаться, а жить.

Орлы кругами ходят внизу. Дороги по горам выются спиралью. Тот, кто идет прямо, быстро выдыхается.

...Касарская теснина. Ардон, еще более яростный и непримиримый, чем Терек, словно напитанный слепой злобой, все на своем пути смывающий, казалось, пробил в скалах сперва себе ложе, а затем раздвинул это ложе до ущелья. Здесь можно только пройти, но жить гремящий перекатывающий камни Ардон никому не даст.

Вниз можно смотреть, если только подползешь к отвесу.

В одном пролете ущелье сужается. Старая дорога заросла травой, рядом в обход дороги пробили в скале тоннель, где всегда стоит ночь, сырость и блестит невысыхающая грязь, пахнущая навозом.

Там, внизу, где перекатывает камни Ардон, вросли валуны, в пещины которых вцепились корнями низкорослые кривоствольные сосны. Снизу тянет обжигающим холодом.

То светлеет, то темнеет, но никогда не светлеет настолько, чтобы прорезалась улыбка: когда светлеет, то Ардон, кажется, еще злобнее громыхает.

Сторожевые башни — закоченевшие часовые.

В таких ущельях говорили:

— Пронеси, господи!

Тут даже Тимур, решивший во что бы то ни стало, перевалив хребет, войти в долину и завоевать весь мир, велел трубить отбой.

Отступление без сражения.

...Плачущие скалы слонистые, точно облитые варом, и обрываются слезы, капая за каплей, капли дробятся на водяную пыльцу, образующую радуги.

Здесь подземная жизнь пробивается слезами наружу.

А сияющие вдали снежные вершины — обиталище вечной мерзлоты — кажутся жизнью по сравнению с этим нагромождением скал, кипящей воды в ночной получьме ущелья.

II

Вдруг нас облепили мухи, да такие, что иоровят лезть прямо в глаза. Горы стали как бы складываться. Вдруг открылась долина, зеленая, облитая сквозным солнцем. Даже река как-то замедлила бег, присмирела.

А выше мы увидели сбившуюся отару овец.

..Селение Нар. Здесь родился Коста Хетагуров, поэт, революционер-демократ.

Когда выходишь из тесной сакли, в которой родился Коста, то видишь внизу веселую речку с блестящей, вспыхивающей на солнце свежей пеной, веселые, как бы ровно подстриженные зеленые склоны, и вдали и близко излучающие здоровье снежные вершины.

«И, смутно на эту картину взирая,

Познал он впервые любовь и печаль», — писал Коста.

Любовь и печаль... Полюбив, мы уже боимся потерять. Боимся потерять... вместо того чтобы купаться в солнце, пока оно не закатилось.

...Встречают черноголовые черноглазые дети и кричат:

— Турист, привет!

— Дай конфет!

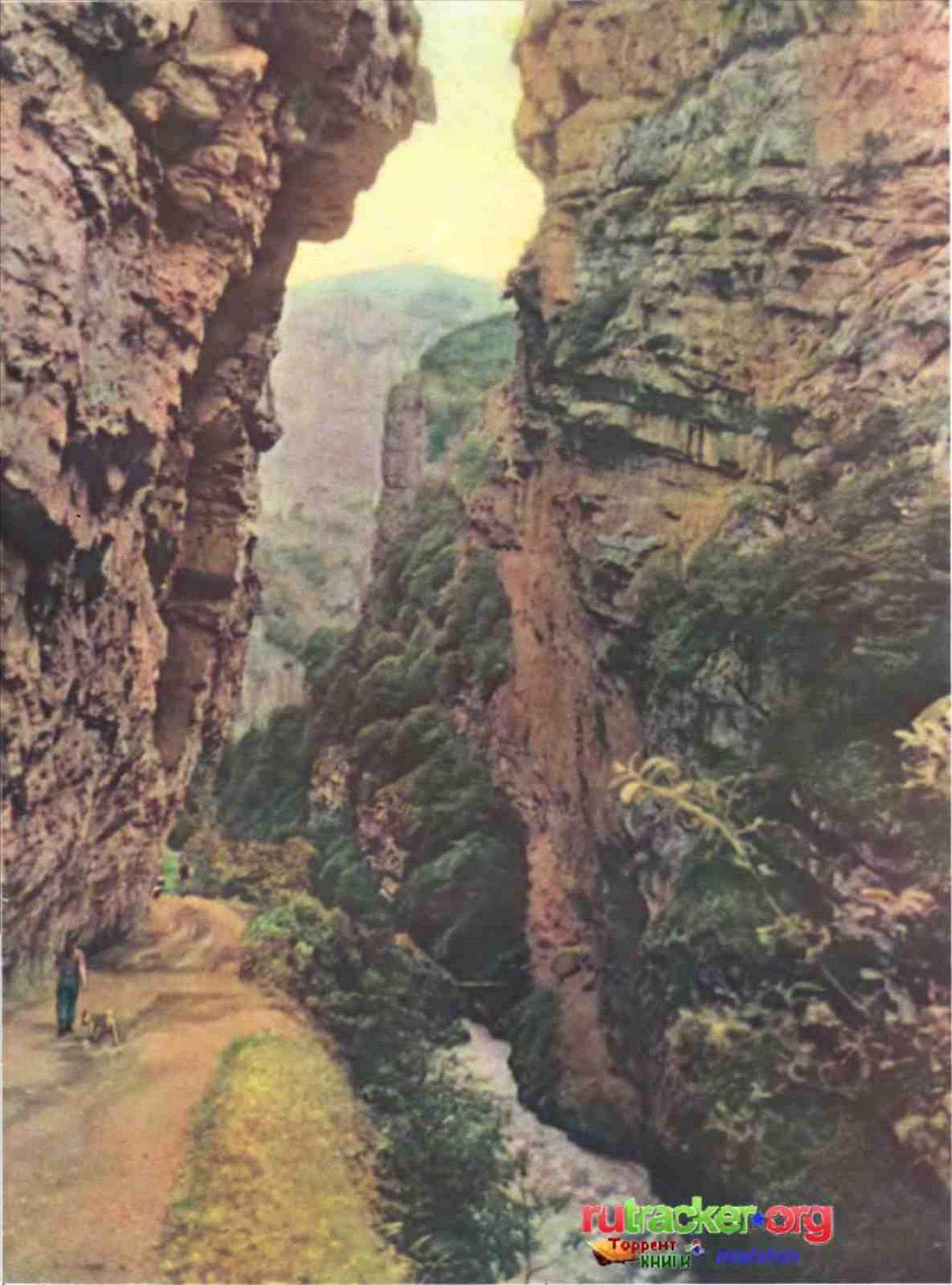
Пришлось запастись леденцами. Непредвиденный багаж, который, впрочем, не в тягость.

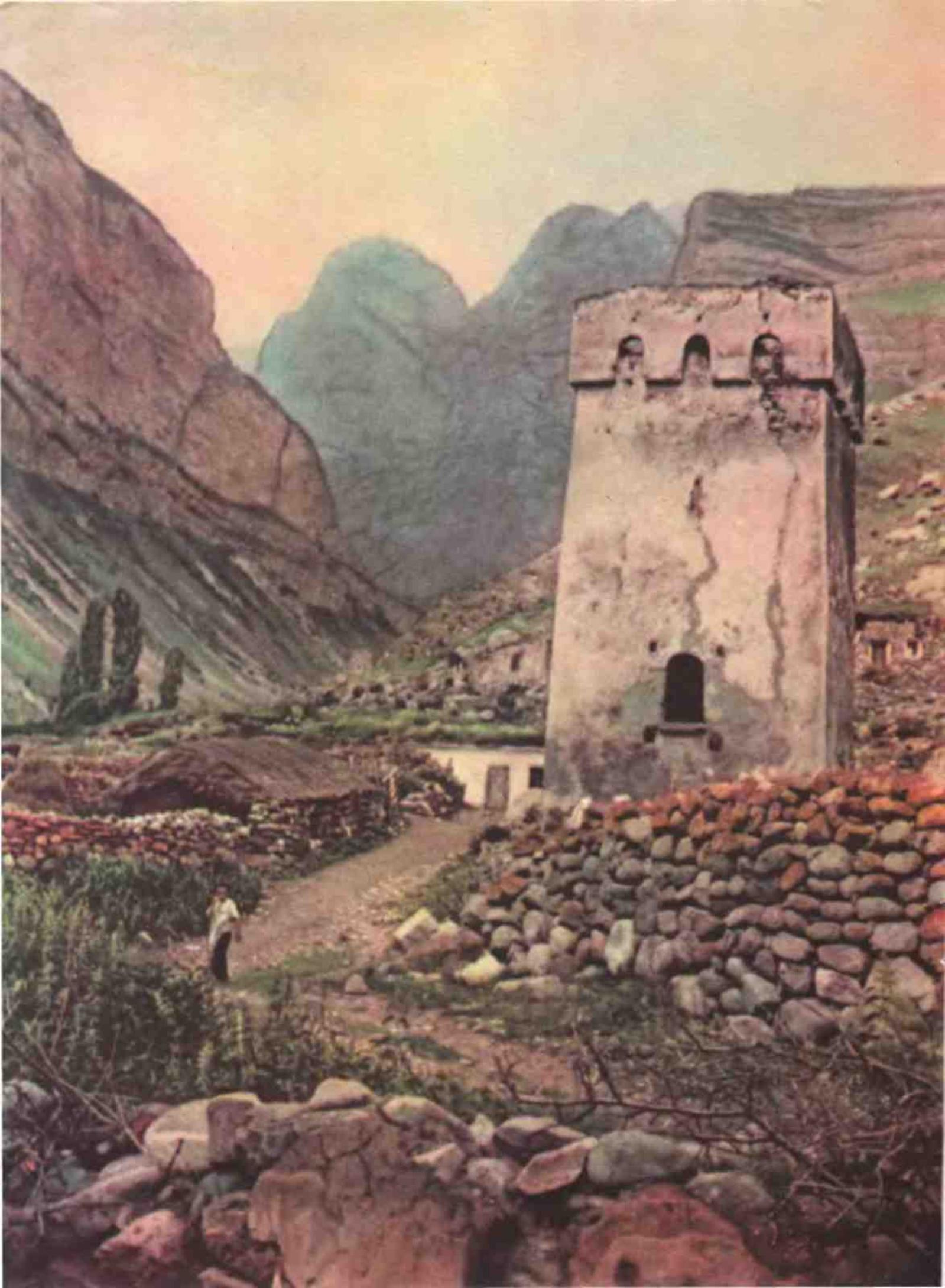
Они ждут от нас гостинцев, как от гостей.

В самом деле, что это за гости, которые никого ничем не могут обрадовать?

Кабардинская АССР. Ущелье реки Чегем.

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

III

Горы я видел и прежде — горы курортного Черноморья. С пляжа, где люди оценивающие разглядывали друг друга, словно ставили свои тела на весы, горы казались отстраненными, бугафорскими.

И сейчас, когда я разглядывал горы из щели бойниц сторожевой башни, на которую мы вскарабкались, горы, как и прежде, казались отстраненными. Своей громадностью горы поражали воображение, но выглядели все же увеличением того, что я уже встречал, о чем читал. Это были знакомые полотна, пусть живые, но все же картины, как бы вставленные в рамы картины.

Для меня чего-то в горах не хватало, что одухотворяло бы, очаровывало бы это нагромождение скал. Глаз невольно разыскивал для отдыха солнечные полянки.

И мы словно очутились дома, когда, войдя на гору, вдруг обнаружили себя в сосняке, в кустах, в которых нашли наши, средней русской возвышенности, грибы, нашу землянику, уже затвердевшую, запекшуюся на солнце в сладкую корочку, нашли груду ореховой скорлупы, нашелканной нашей белкой.

IV

Сакля, прикрепленная к сторожевой башне рода Гагиев.

Подступают громадные горы, и все, чтобы выдержать натиск гор, кажется, должно быть громадным, равносильным горам.

Шустрые свиньи бегают как собачата. Низкорослые коровы. Приземистые лошади

V

...Макушка башни отвалилась, стена растрескалась, и вал с глазницами бойниц в метинах, выщербленный.

Напротив другая башня, с останками развалившейся крепости.

И крепость, и башни, оцарапанные пулями, и напластованные горы, казалось, хранили в своей замурованной тишине какую-то тайну.

Невольно ждешь, что камни оживут, наконец, от накопленной веками боли и раскроют то, чего еще никто не знает.

Но, посеченные свинцом, камни молчат, как надгробные памятники.

...Старик Лекка не знает точно, сколько ему лет, но он помнит еще времена, когда эти башни огрызались ответным огнем, он помнил Коста Хетагурова, привезавшего в долину на охоту, чтобы здесь, в стороне от «всевидящих глаз и все слышащих ушей», набраться здоровья и сил и, обретя любовь, снова петь борбу.

И сейчас в свои девяносто восемь лет Лекка делал то, что делал в шестнадцать: он косил сено для скотины, заготовляя корм на зиму.

Косил он, привязывая себя к стволу дерева, чтобы не свалиться под откос: здесь все отвоевываешь у гор.

Старик Лекка, высокий, легкий, выветренный, как будто из одной пористой дубленой кожи, на которой живые, цепкие, все замечающие глаза. Когда он улыбнулся, то и горы и эта башня, казалось, уже не имели того значения, которое мы и исторические хроники им приписывали. Лекка что-то сказал и развел руками. Георгий перевел:

— Лекка извиняется, что заставил нас ждать. Он не знал, что у него гости.

А когда узнал, то рад, что...

Старик опять заговорил по-своему.

— О! Салям алэйкум, — воскликнул Георгий, — он приглашает нас к себе, в саклю.

...Низкий потолок, люлька в сетке, узкое окно. Нет ни одного предмета, что служил бы украшением, все только с рабочим назначением.

Кто-то из нас спросил:

— Почему дают башням разрушаться? Ведь это памятники древности.

Очевидно, старику это прошлое не столь было дорого, как молодым, знающим о прошлом только по картинкам и учебникам.

Старика Лекка вопрос развеселил. Он не засмеялся, а только сморщился, но так, что было видно, что он смеется глазами, морщинами, подпрыгивающей бровью.

Он сказал не то всерьез, не то в шутку:

— Эти башни нужны были тогда, когда нужны были храбрые люди.

— Разве сейчас нет храбрых людей? — сказал я Георгию, чтобы он перевел мой вопрос.

Старик подумал и ответил:

— Теперь не та храбрость нужна. А эти башни нужны были тогда. Я жил и на плоскости, — сказал Лекка и, как бы поясняя то, что он хочет сказать, добавил: — И там, на плоскости, у меня не было врагов.

Георгий переведил:

— Лекка говорит: дружба зависит от самого человека. Лекка говорит: в дружбе тогда живешь со всеми, когда отдаешь больше, чем берешь, а больше даешь тогда, когда любишь, и хочешь, чтобы и тебя любили.

Лекка покачал головой.

— Слишком много ненависти, слишком много.

И мне вдруг открылся смысл тишины, замурованной в башнях.

Селение Верхний Чегем.

Слишком много ненависти, слишком много ненависти.
И я вдруг почувствовал горы как нечто живое, теплое, родственное, почувствовал сопричастность человеческой жизни.
И зря старик Лекка, как передал нам потом Георгий, сокрушался, что в доме у него ничего не было к нашему неожиданному приходу особенно вкусного, чем бы он мог нас угостить.

VI

Карабкаемся выше в горы. Солнце бьет прямо в лицо, а спину сводят осенним заморозком.

Кажется, перекинь тело через первый попавшийся бугор, и ты уже за перевалом.

...Чабан в бурке, с палкой. Он поет, то усиливая, то приглушая один и тот же мотив, заунывный, степной: то убаюкивает самого себя, то будит.

Из сказания: Асхар получил весть — сильно заболела мать. Он поскакал, не щадя ни скакуна, ни себя, чтобы успеть застать мать в живых.

На дороге лежал, скрючившись, человек и стонал. Асхар спешился и увидел, что если бросить человека, то человек пропадет.

Он положил человека поперек лошади и привез в селение. Ему пришлось сделать крюк в сторону от дороги.

Проезжая аулом, Асхар увидел дым, услышал вопли женщин. Что-то горело. Асхар хотел прокочнуть мимо, но сила, что гнала его вперед, заставила свернуть в сторону дыма. Он вынес из горевшей сакли ребенка.

Матери он не застал в живых. Она все смотрела на дорогу, и соседка сказала ему, что мать только что закрыла глаза и что она смотрела до тех пор, пока глаза сами не закрылись. И ему казалось, что он совершил в жизни самое страшное, что может быть, — предал мать, не протянул ей руки, чтобы удержать ее на земле. Он не дал бы ей уйти так сразу.

И приговорил Асхар тогда себя к самоубийству. Вся жизнь обессмыслилась и обезвкусилась для него, потому что он самому себе стал кровным врагом. И он, угасая, умертвлял себя голодом.

И узнал бог, почему Асхар не застал своей матери в живых, и воскресил тогда ему мать, чтобы вернуть человеку душу и не убить в человечестве совесть.

...Значит, люди не только оправдали Асхара, но и обессмертили.

VII

Селение из трех саклей — Калаки. Здесь в дощатом сарае расположился туристский бивак. Еще немного — и мы за перевалом. А там море.

Мы, словно достигнув великой цели, начали от радости бороться с местными обступившими нас юркими мальчишками.

...Солнце еще не поднялось из-за гор, но все распрымилось, потягиваясь спросонья.

Отары овец. Дымки — стоянки чабаны. Это перевал.

Может быть, мы бы и отметили криком «ура» наше восхождение, если бы у нас не переехло горло. Ели снег, разбавляли воду снегом и пили снеговую кашу — все равно хотелось пить, пить, пить.

Потом катались по обледенелому насту.

Наконец-то над нами только солнце и небо.

Шаг вниз — и мы в Грузии. И все выглядит по-другому — все золотисто: и горы, и долины, и реки, и небо, и стога, и все прямо на глазах увеличивается в размерах: и цветы, и деревья, и свиньи, и куры, и коровы.

Там, за спиной, отвоевывали жизнь у скал, здесь же горы казались только роскошным украшением. Они, обволакиваемые голубой, сизой дымкой, весело сверкали снежными вершинами. Мягкие горы.

И перед такой щедростью природы хотелось и самому быть как-то щедрее.

...В нас словно вселился бес передвижения. Пробегаем вокзалы, наскоро перехватываем чего-нибудь пожевывать в столовых.

Все словно бежит под наклонную, и мы скользим по этой наклонной — к морю, к морю!

Дорога все укорачивается, позади горы и руки, провожающие нас; ночь и день смешиваются в нашей последней стометровке. А вот и финишная лента. В проулке мы увидели белое тело парохода с красной полосой, с закопченными трубами. Море...

Море в граните, но не затихает прозябая.

Море не знает, что такое сдача в плен.

Море постоянно, вечно огрывается, набрасывается в беге на гранит с угрожающим гулом и откатывается назад только для нового разбега, чтобы тут же снова броситься еще яростнее на гранит.

Непокоренное море, никогда не покоряющееся море, независимое, живущее своей собственной жизнью море.

Волны, вспухая, накатываются и накатываются.

Море обороняется только одним способом — наступлением.

А за спиной невидные в синем разливе гор тропники, дороги, уводящие нас через перевалы к мятежному морю и возвращающие самим себе: к годам нашей юности, молодости.

Маршрут

№ 3

ТУРИСТСКАЯ ГАЗЕТА «ВОКРУГ СВЕТА»

ТОПОРОМ СИБИРСКОГО ПЛОТНИКА

Бревна плотно пригнаны одно к другому. Они обработаны около ста лет назад топором сибирского плотника.

Это и есть Александровский шлюз — один из четырнадцати в системе сооружений на забытом Обь-Енисейском водном пути. Оказались мы здесь не случайно. У нас были сведения, что между Обью и Енисеем некогда был прорыт канал.

Можно ли в наши дни пройти по этому каналу?

И в Красноярске и в Енисейске нас отговаривали от похода по реке. «Объ-Енисейский соединительный водный путь существовал, и остатки его вы найдете, — говорили нам, — но по воде вам туда не пробиться. Летите вертолетом». Однако мы решили идти по воде.

Пока мы добирались до Александровского шлюза, нам пришлось не раз грести против течения, помогая мотору, перетаскивать лодку через мели и коряги, устилающие дно, прорубаться сквозь ветви деревьев, упавших в воду.

И вот мы у Александровского шлюза. Канал существовал, и перед нами явные свидетельства этого — мощные вешняки, коробка шлюза, клети, укрепляющие берега.

Двести лет тому назад родилась идея великого транссибирского водного пути. Родилась и заблудилась в канцеляриях, ведомствах, министерствах.

Лишь в 1883 году была сделана «копия» (так теперь называют канал жители берегов Каса и Кети) и сооружены шлюзы.

Потом Кеть-Касский канал разрушился и был забыт. Когда мы были в Енисейске, то узнали, что гигантские работы, которые проектируются на Оби и Енисее, намного превзойдут дерзновенный замысел первопроходцев Сибири. Сеть каналов и искусственных морей соединит бассейны сибирских рек с реками Европейской части России.

А. СТАБИЛИНИ

Утро на реке Олекме.
(Якутская АССР)

МЫ ОТКРЫВАЕМ ЛЕДНИК

Забайкалье. Оно большое и разное.

Десятки неповторимых мест, сотни путей-дорог. Есть куда направиться летом человеку с рюкзаком.

Наша группа решила пойти на хребет Кодар.

Альпийские иззубренные пики, золотые рододендроны, ленты водопадов напоминали Кавказ. Хруст песка на зубах, желтизна подгорной пустыни переносили на среднеазиатский юг. Но все-таки это была настоящая Сибирь, кедровая, харисная, со злой мошкой и добродушным летним медведем.

Во время разведки боковых ущелей реки Ледниковой ребята обнаружили два глетчера. Между тем вузовские учебники утверждали, что в Забайкалье «...современное оледенение отсутствует из-за небольшого количества зимних осадков, малой толщины снежного покрова и исключительной сухости воздуха». Не было этих ледников и на последней гляциологической схеме, которой мы запаслись перед походом.

Эти ледники, в общем весьма скромные, остались в памяти навсегда. Наверно, это случилось потому, что мы сделали хотя небольшое, но научное открытие; стерли крошечное «белое пятно» на карте нашей страны.

Ю. ШТЮРМЕР

ТУРИСТСКАЯ ХРОНИКА

Во время похода по местам гражданской войны на Урале туристы Верх-Исетского металлургического завода обнаружили в урочище Семи Братьев могилы замученных колчаковцами в 1919 году красных бойцов.

Туристы изготовили в нерабочее время металлическую ограду, привели в порядок и огородили место захоронения. Узнав о добром деле верхисетцев, туристы свердловского завода «Горизмаш» создали красивый четырехметровый обелиск и установили его на месте гибели героев.

Путем легендарной Таманской армии, воспетой А. С. Сергеевым в романе «Железный поток», пройдут туристы профтехнического училища № 11 Воронежской области.

Председателю туристской секции города Рула (ГДР) механику Эмунду Нейдерфору исполнилось недавно 60 лет. Свой день рождения он отметил своеобразным рекордом: закончил пятьдесят третью тысячу километров, пройденных им

в пеших туристских походах.

«По дорогам семилетки» — так называли туристы ДСО «Труд» свой массовый поход. Его итогам посвящаются зональные туристские слеты. Они будут проведены в августе.

В Кемеровской области встретятся представители восточных районов страны. А на озеро Селигер съедутся туристы Европейской части РСФСР.

Все больше новых туристских баз возникает в стране. Около 20 миллионов рублей отпущено на их строительство в 1964—1965 годах.

На берегу Женевского озера закончено строительство первого в мире подводного туристского судна. Корабль рассчитан на 40 мест и будет знакомить туристов с подводными красотами Женевского озера, жизнью его обитателей. Он может опускаться на глубину до 150 метров. В проектировании корабля принимал участие известный исследователь подводных глубин Жак Пиккар.

Маршрут

ВОЗЬМИ С СОБОЙ В ПУТЬ

(Пословицы и поговорки)

Путь у идущего всегда сокращается (финская).

Далеко пойдешь — много увидишь (индонезийская).

В далкий путь иди с песней (корейская).

Ходишь — вся страна друг, лежишь — и циновка враг (индийская).

С хорошим товарищем длинных дорог не бывает (турецкая).

Хочешь узнать человека — иди с ним вместе в путь (турецкая).

В пяттером версту быстрее прошагаешь (финская).

Наша книжная полка

СПУТНИК ТУРИСТА. Справочное пособие по основным вопросам техники путешествий. Издательство «Физкультура и спорт», М., 1963, 528 стр.

ПРОСТОРЫ ЗОВУТ. Сборник рассказов о путешествиях и полезных советов. Издательство «Физкультура и спорт», М., 1963, 302 стр.

ШИРОКИЕ ПРОСТОРЫ. Сборник описаний 55 маршрутов по РСФСР. Издательство «Советская Россия», М., 1963, 180 стр.

ВАМ, ТУРИСТЫ! Сборник советов о наблюдениях над природой во время путешествий. Лениздат, 1963, 245 стр.

НА ПРИЗ

«ВОКРУГ СВЕТА»

Летом прошлого года впервые у нас в стране проводились всесоюзные соревнования по спортивным плаваниям на моторных судах. Наш журнал учредил специальный приз для той команды, которая успешно пройдет сложный маршрут и представит наиболее интересные фотоматериалы.

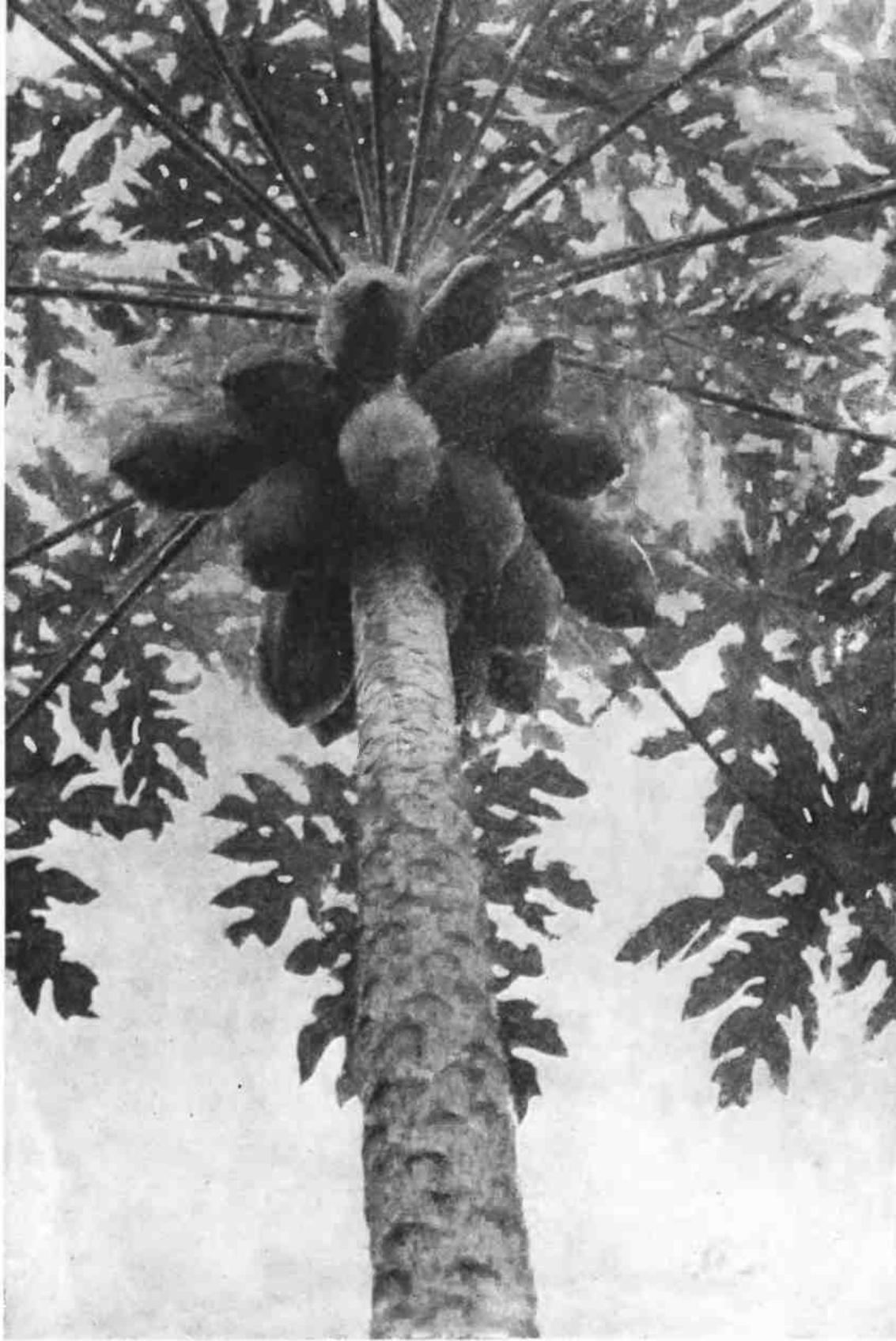
Федерация водномоторного спорта СССР и редакция журнала «Вокруг света», рассмотрев отчеты о плаваниях, присудила приз «Вокруг света» трем лучшим командам. Призы получают команды судов «Керчач» и «Стрела» во главе с А. П. Каплиным, проплывшие по маршруту: город Дзержинск — Ока — Волга — Ветлуга — Унжа — Горьковское море — Волга — Ока — Дзержинск; команда мотолодки «27 Москва» (Б. Н. Крутов и Б. Ф. Радль), преодолевшая сложный участок Днепра, и экипаж катера «Горизонт» в составе Б. Базуна и В. Гантмана.

В этом номере «Вокруг света» мы помещаем фотоочерк Б. Базуна и В. Гантмана «Голубые километры».

Это эмблема общественного туристского клуба. Он возник недавно в Баку при республиканской газете «Вышка». Его организаторами стали туристы Сумгайтского завода и текстильного комбината имени Ленина. Энтузиасты-путешественники пропагандируют туризм.

«Маршрут» приветствует доброе начинание азербайджанских товарищей.

«Это не дыня и не арбуз, не ананас и не абрикос. Это папайя!» — поется в народной индонезийской песне.

Папайя, или дынное дерево, широко распространена в тропиках. Ее плоды снаружи желто-зеленые, по форме и строению похожи на дыню. Сочная и ароматная оранжевая сердцевина папайи очень вкусна, и ее подают к столу как деликатес. В мякоти плодов содержится папаин — вещество, способствующее аппетиту и пищеварению.

ФОТОКОНКУРС
ВОКРУГ СВЕТА

Фото А. УШВЕРИДЗЕ, Тбилиси

Расскажи,

Земля. Черная и желтая, красная и бурая. Сухая, неласковая и мягкая, податливая. Ею наполнены десятки мешочков, бережно хранимых в одной из научно-исследовательских лабораторий Фриги. Долгие годы из дальних и близких краев привозил их Ян Вольдемарович Пейве. Привозил, чтобы изучать, исследовать, сравнивать. Чтобы заставить землю рассказать о себе...

Работа в лаборатории знаменитого химика Ивана Александровича Каблукова в Тимирязевской академии (20-е годы) была для молодого Яна Пейве отличной школой — та тщательность, с какой выполнялись здесь опыты, осталась у Пейве на всю жизнь. А без этого вряд ли было бы возможно исследование такого молчаливого, скрытного «пациента», как почва.

Упрямилась, молчала земля, когда Ян Пейве задал ей свои первые вопросы: почему в одном из среднерусских районов страны лен рождается хильм? Чего не дает ему земля?

Опыт за опытом ставил молодой ученик, почву обогащали самыми разными удобрениями, а растение до-прежнему болело. И лишь когда в почву внесли бор, лен стал набирать силу.

Результаты опытов с бором натолкнули Пейве на изучение его «родственников» — веществ, содержащихся в почве в столь же малых количествах, что и бор. Эти вещества носят название микроэлементов.

Постоянным спутником и помощником Я. Пейве стала книга знаменитого ученого В. И. Вернадского «Очерки геохимии».

В своей книге Вернадский впервые высказывал мысль о единстве живой и неживой природы. К этому важнейшему выводу русский ученый пришел в результате многолетних исследований, которые помогли ему установить в составе живого вещества (так он называл совокупность животных, растений

и микроорганизмов) те же химические элементы, что и в земной коре. Более того, ученый доказывал, что налицо взаимный обмен, миграция элементов. Вернадский был основоположником науки биогеохимии, которая занимается изучением связей между химическим составом почв, растений и животных.

Впервые наука познакомилась с микроэлементами благодаря химику и врачу Никола Лемери, жившему в Париже в конце XVII — в начале XVIII века. В пепле сожженных травинок Лемери обнаружил... железо.

В январе 1872 года великий русский ученый К. А. Тимирязев на заседании Петербургского общества естествоиспытателей сделал доклад «О вероятном значении цинка в экономии растений».

Список микроэлементов, открытых учеными, непрерывно пополнялся — цинк, бор, марганец, медь, молибден.. Но роль их, точнее — пока немногих из них, удалось выяснить лишь сравнительно недавно.

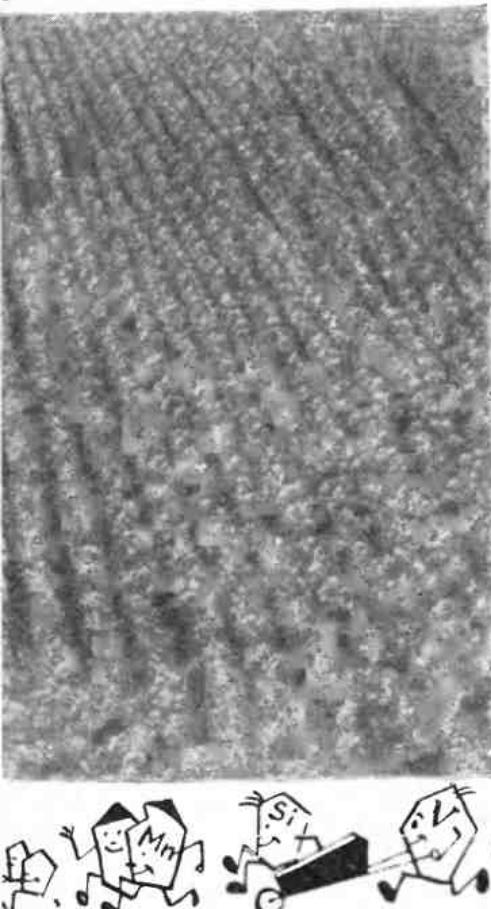
Если бы можно было заглянуть в скрытое от глаз человека подполье, где хозяйствуют корни растений, — а исследователям не раз мысленно приходилось делать это, — то открылась бы удивительная картина.

...Словно юркие маленькие четы, несутся по струйкам почвенного раствора микроэлементы. Они торопятся. Их ждут те, кому они нужны, как хлеб, — растения.

Каждый фермент отвечает за определенную область жизнедеятельности растительного организма. И каждый фермент требует

ГАРРИ ТАБАЧНИК

Рисунок ГЕЛИЯ КОВАНОВА

разования белка. В способности будоражить, активизировать ферменты растений заключается главная роль микроэлементов.

А бор, который помог Яну Пейве поднять на ноги заболевший лен? Почему сыграл он тогда роль волшебной палочки? Питательные соки земли проникают в растение по тончайшим соудам. Они путешествуют в тканях растения, не забывая «посетить» самые отдаленные уголки. Их заставляет путешествовать — двигает, подталкивает — микроэлемент бор. Бор участвует в транспортировке важнейших углеводов — крахмала, сахаров. Бор помогает снабжению растений питательными веществами. Не удивительно, что когда в почве не хватает соединений бора, у турнепса буреет сердцевина, у люцерны желтеют верхушки.

А медь? У нее очень ответственная роль — она влияет на образование белка и хлорофилла. Грустно выглядят растения, испытавшие «медный голод». — засохшие стебли пшеницы, трещины на коре фруктовых деревьев.

«Микроэлементы», — писал впоследствии Я. В. Пейве, — такие элементы минерального питания, которые необходимы растениям и животным в небольших дозах для их развития».

Незадолго до войны вышел в свет большой труд Д. Н. Прянишникова «Курс агрохимии» — в нем была глава о значении бора, меди и марганца. В основу ее легли результаты, полученные Я. Пейве и другими учеными.

То, о чем писалось в «Курсе агрохимии», было лишь первыми шагами в исследовании микроэлементов, которые, кроме Пейве, вели академики П. А. Власюк, О. К. Кедров-Зихман, профессора М. В. Каталымов, М. Я. Школьник.

* * *

Старая Рига — лабиринт узких уличек, островерхие дома прошлых веков. Когда идешь по этим каменным коридорам, вытяни руку — и коснешься стены дома на

противоположной стороне улочки, — чувствуешь себя попавшим в далекое прошлое. Но вот заходишь в один из домов, и сразу встречает тебя век XX.

В этом доме разместилась лаборатория биохимии почв и микроэлементов Института биологии Академии наук Латвийской ССР. Ею руководит Я. В. Пейве.

Биохимия почв — наука эта родилась совсем недавно, и люди разных профессий — биохимики, химики, агрономы, ботаники, почеведы, физиологи растений, агрономы — участвуют в ее создании.

Один из разделов новой науки — учение о роли микроэлементов.

Еще до войны ученый сконструировал прибор, который давал точную информацию о содержании микроэлементов в почве. Ведь для того чтобы помочь растению, надо твердо знать, с какими именно из своих «микродрузей» оно хотело бы поскорее встретиться. Сотрудники лаборатории взяли тысячи проб — буквально из каждого района республики, и, когда была составлена карта микроэлементов Латвии, стало ясно, что нужны молибден, бор, медь, кобальт.

О пользе этих микроудобрений, пожалуй, лучше всего расскажут в колхозе имени Ленина Прейльского района. После того как на поля, засеянные кукурузой, были внесены бор, медь и молибден, урожай зеленой массы повысился на 50—75 центнеров с гектара. А когда дали бор и молибден посевам сахарной свеклы, то с каждого гектара получили по 298 центнеров, в то время как на соседнем поле, куда не были добавлены микроудобрения, больше 216 центнеров с гектара собрать не удалось.

Пейве и его сотрудники убедительно доказали, что микроэлементы — это не роскошь, не некая гастрономическая приправа, — они так же необходимы растениям, как основные удобрения.

Вот данные, полученные лабораторией биохимии почв Растиения, в достатке обеспеченных бором, медью, кобальтом и марганцем, легче переносят засуху. Им не так страшны и морозы. Подкормленная же медью кукуруза на осущеной болотной почве достигла молочно-восковой спелости на 18 дней раньше, и урожай ее увеличился почти вдвое. Обработанные солями молибдена семена гороха дали на опытном поле урожай на треть выше обычного.

Кстати, о молибдене. Получила его лаборатория... на Рижском электроламповом заводе. Однажды

(Окончание на стр. 63)

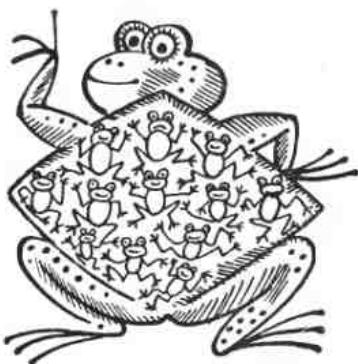
ЗЕМЛЯ, О СЕБЕ

своих микроэлементов. Скажем, ферменты, регулирующие обмен веществ в растениях, нуждаются в молибдене. Для встречи молибдена фермент выделяет своего посланца с красивым именем «нитрат редуктаза». Встретившись с молибденом, который несет на себе электрический заряд, он провожает его к нитратному азоту. Но вот электрический заряд коснулся нитратного азота. Мгновение — и тот превращается в аммиачный азот — теперь растение может использовать его для об-

СТРАНА В МИНИАТЮРЕ

Можно ли за день осмотреть такую страну, как Польша, успеть ознакомиться с достопримечательностями ее городов, увидеть реки, горы, леса и поля? «Трудно, но можно», — ответили варшавские инженеры, авторы макета «Польша в миниатюре». Скоро в одном из пригородов Варшавы можно будет увидеть точные копии всех городов с их соборами и площадями, сеть дорог и промышленными предприятиями: «путешественники» будут шагать через «реки», обходить голубые «озера». Страна в миниатюре займет площадь в 30 гектаров.

ЕЕ ЗОВУТ ПИПА СУРИНАМСКАЯ

Она обитает в Южной Америке в сельве Гвианского нагорья. У нее черно-буровое квадратное туловище, передние ноги короткие, а задние — толстые и длинные. Глазки ее неподвижны, а языка и зубов у пипы нет совсем. На спине самок пипы расположены кожистые ячейки в виде шестиугольников. Это инкубаторы. Сюда, прямо на спину «мамаша», откладывают икринки. Они превращаются в головастиков, а через 82 дня после оплодотворения со спины пипы спрыгивают несколько десятков лягушат. Мамаша-пипа трется о камни, чтобы сбросить старую кожу, а лягушачье «семейство» начинает самостоятельную жизнь в родных болотах.

МУСОР С ПРОДОЛЖЕНИЕМ

Выгоднее сбыть свою продукцию — эта проблема постоянно волнует дельцов в капиталистическом мире. Не перечесть способов, к которым прибегают предприниматели для достижения этой цели. Одна парижская фирма напечатала на фирменной оберточной бумаге... кровавый боевик с продолжением. Каждую неделю товары, закупленные в магазинах

этой фирмы, завертывают в... новую главу книги. Торговый оборот резко возрос — говорят, первый детектив оказался захватывающим. В конце концов «тираж» постигает естественная участь макулатуры — он попадает в мусорный ящик. Вот уж действительно достойное место для подобного чтива!

Возраст семейной династии

Французы считают жителей Бретани самыми многодетными и долголетними. Ежегодно здесь устраиваются конкурсы, цель которых — выяснить, какая семья «старше». В прошлом году первое место завоевала семья Жильвии — ее возраст 423 года: сестре Марианне — 97 лет, ее младшим братьям — 86, 82, 80 и 78 лет. Они побили «чемпионов» предыдущего года, которые набрали только... 400 лет.

СОПЕРНИКИ ПЧЕЛ

Эксперимент был самый обычный: следовало уточнить некоторые факты, касающиеся рождения летучих мышей. Натуралисты поймали самок с увеличенными брюшками и поместили их в клетку. Осталось дождаться рождения детенышей. Но через несколько часов ученыe увидели этих же самок со впалыми животами и без новорожденных. Оказывается, брюшки летучих мышей были наполнены... клейким белым веществом, состоящим из... нектара и цветочной пыльцы!

Мышь-«нектарница», по мнению ученых, давно перешла к столь необычной пище. Их организм полностью приспособлен к ней: мордочка вытянута, на язычке — сосочки и волоски, которыми лакомка собирает цветочную пыльцу.

«Вооруженная» таким образом летучая мышь подлетает к цветку и, не садясь на него, быстро-быстро вибрируя крыльями на одном месте, погружает в венчик цветка длинный язычок. Собрав пыльцу и нектар, она летит дальше — до тех пор, пока вес собранного нектара не превысит ее «грузоподъемность». Обитают малютки рукокрылые в Центральной Америке. Летучие мыши-«нектарницы» достигают 6 сантиметров в длину и 20 сантиметров в ширину при размахе крыльев.

И еще один любопытный и неисследованный факт связан с «нектарницами», или «длинноносиками», как иногда их называют. В период рождения детенышей самки объединяются в одну колонию и живут отдельно от остальной стаи. Улетая ночью на охоту, они не таскают своих «мышат» с собой, как это делают другие виды летучих мышей. Но, возвратившись, каждая мама точно находит среди множества малышей именно своего, куда бы он ни забрался в ее отсутствие.

ОТ МУХИ ДО... СЛОНА

С течением времени расширяется понятие «домашние животные». В дополнение к традиционным котам и собакам появляются ежи, зайцы. Богатые оригиналы пошли дальше — они стараются удивить друг друга «домашней» пантерой, львом или крокодилом.

Летом 1963 года «звездой» одного светского бала в Париже была громадная горилла, приведенная одним из гостей. Хозяин гориллы, очевидно не рассчитывая на собственное обаяние, решил привлечь внимание пресыщенной публики столь экстравагантным способом. Как сказано в светской хронике, «изысканные наряды дам как нельзя лучше гармонировали с цветом шерсти полутораметрового зверя».

Оказывается, «домашними» могут быть даже... муравьи. Это доказал швед Оле Сиверсон. На своей вилле он отвел специальную комнату для муравейника на 3 тысячи «персон». Одажды во время званого обеда нашестье муравьев, привыкших обедать с холзевами, напугало не предупрежденных гостей.

Поистине в числе домашних животных можно встретить и мууху и слона. Так, некая богатая англичанка решила вырастить молодого слоненка. Правда, на вопрос, что с ним делать, когда он вырастет, ответить трудно.

ЦВЕТ-СПАСИТЕЛЬ

В последнее время все более широкое распространение получает химическая защита посевов от насекомых. Но инсектициды, убивающие насекомых, бывают опасны и для птиц, подбирающих пропавленное зерно на полях. Шведские ученые Плейшер и Гольм утверждают, что согласно их опытам птицы ненавидят... синий цвет. И потому достаточно «подсинить» химикаты, чтобы птицы перестали обращать внимание на пропавленное зерно. Кто знает, может быть, «ненастный» птицам цвет станет их спасителем?

Рисунки В. СТАЦИНСКОГО

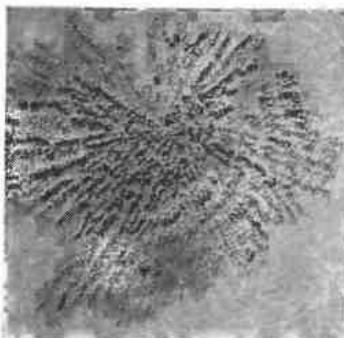
ШКОЛЬНЫЙ «АТТРАКЦИОН»

Гордон Симпсон блестящее закончил Лондонский колледж и получил диплом преподавателя. Однако школа, в которую он был назначен, не имела ни мебели, ни учебных пособий. Начинающему учителю пришла в голову «блестящая» мысль: вместе с двумя своими коллегами он организовал на местной ярмарке тир. Оружием в нем были... яйца, а в качестве цели Симпсон предложил собственную голову. Желающих потешиться оказалось немало: в «цель» попало 1 200 яиц! Деньги, вырученные от этого «аттракциона», пошли на оборудование школы.

КАКАЯ ЖЕ СЕГОДНЯ ПОГОДА?

Брюсселе на выставке изобретателей-любителей демонстрировался прибор, создающий... индивидуальный климат. Он должен предохранять голову человека от ветра и мороза, жары и дождя. Пол прозрачный, но достаточно упругий целлофан подается вентиляторами предварительно подогретый или охлажденный до желаемой температуры воздух. Называется это индивидуальное устройство... «климатическим чепчиком».

ПЕСЧАНОЕ СОЛНЦЕ

Такие узоры можно увидеть после отлива на берегу Бенгальского залива. Когда широкая полоса песка начинает подсыхать, песчаные крабы-малютки спешно роют себе убежища от солнца. Шарик за шариком, бусинка за бусинкой выкатываются из норки. Чем суще песок, тем глубже норка, тем длиннее лучи «песчаного солнца».

РАФАЛ МАЧЕЕВСКИЙ,
польский писатель

В пещере Гуачаро

Повесть

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

— Стена водопада! — прокричал пилот. — Сальто Анхел!

Он развернул машину. Показался обрыв. Это была отвесная скальная стена. Известняковые плиты, покрытые сеткой морщин-трещин, убегали в пропасть. Геликоптер со стороны, должно быть, казался маленькой кужжающей мухой.

— Сколько? — спросил Бельский, указывая пальцем на дно долины.

Пилот, зажав руль коленями, поднял вверх обе ладони с растопыренными пальцами. Большой палец на правой руке был загнут.

Пилот кивнул головой. В бинокль я увидел желтые полосы — дождевая вода вымыла в плитах параллельные полосы, похожие на след гигантских граблей. Там, где трещины в скалах пересекались, были видны отверстия. Из них торчали зеленые кусты. Повсюду свисали лианы. Пучки трав прилепились к карнизам и выступам.

— Где выход? — обратился я к пилоту.

— Посмотри, вон там. — Бельский взял меня за плечо. Вода, переливаясь через скалистый порог, раздужным вихрем летела в пропасть. Поток дробился на пенящиеся ручьи, превращался в водяную пыль, облачком спускавшуюся на землю. Порывы ветра прижимали его к скалам. Внизу, у подножия стены, тонкой ниточкой змейлась река.

Тоннель, из которого рвался наружу поток, был хорошо виден из кабины. Утренний свет не проникал в него глубоко.

«Вода течет по всей ширине тоннеля», — размышляя я. — На пороге нет места, где бы мы могли высаживаться. Но от входа тянется горизонтальный карниз, который ведет к выступу скалы, образующему нечто вроде балкона. Его покрывают травы, свисающие над пропастью». Я показал пальцем на балкон и дальше вдоль карниза до входа в пещеру. Ребята кивнули головами. Другого пути не было. Но как взобраться на этот балкон?

Лагерь исчез из глаз. Мы летели над плоскогорьем, сплошь покрытым тропическим лесом. На горизонте джунгли казались обрезанными гигантским ножом. Мы быстро приближались к этой границе. Под бортом промелькнула корона деревьев-великанов, темный круг поляны.

И вдруг геликоптер нырнул в пустоту. Вокруг было только небо. Мы невольно схватились за ручки кресел. Под нами в громадной пропасти, размазанная в голубой дымке, проглянула земля. Из глубины, как дым от костров, поднимались клубы пара.

Продолжение. Начало в № 6.

— Вниз! — скомандовал я.

Стук мотора утих. Обрыв, раскрашенный многоцветными полосами, побежал вверх. Наконец машина коснулась земли. Мы выскоцили из кабин.

Казалось, стена упирается в небо. Ей не было конца: как будто огромный топор надвое разрубил здесь земной шар. Распыленные струи водопада падали вдоль стены. Лучи восходящего солнца освещали верхний пояс известняка, и тот засверкал вдруг нестерпимой белизной. Под известняками косыми полосами тянулись, переливаясь гранями кристаллов, красные порфиры.

Мы спустились к реке. И там, освежившись ледяной водой, провели экстренное совещание.

* * *

— Все ясно, — сказал Бельский, — пора начинать, а то солнце так нагреет стену, что до нее невозможно будет дотронуться. Пошли! — позвал он Стшелецкого. — Приготовим снаряжение.

Они взобрались на откос и скрылись. Я достал блокнот. Описал все, что мы хотим сделать. На обороте указал, какое снаряжение и продовольствие мы берем с собой. Просил, чтобы выход из пещеры был под постоянным наблюдением. Мы пустим красную ракету, если вернемся одни, а в случае успеха — разноцветные. Записку я адресовал профессору Пьетри.

На отдельном листке, предназначенному для пилота, я указал, каким образом нас надо будет сначала доставить, а потом снять со скалы.

На берегу показались товарищи. Они бежали ко мне.
— Что случилось?

— Пилот отказался лететь. Заявил, что он не вправе рисковать нашими жизнями.

В этом не было ничего удивительного. Один вид обрыва действовал устрашающе. Водопад высотой с километр... А может быть, он не понял их объяснений. Подумал, что мы высадимся, а он в пустой машине, одиноко вися над пропастью рядом со смертельный обрывом, должен будет заниматься воздушной акробатикой? Достаточно задеть концом лопасти за скалу и... Если в этом дело, то я сумею его переубедить.

— Попробую договориться, — сказал я.

За деревьями был виден пилот. Он поставил ногу на колесо машины и нервно курил.

«Не знает, что теперь делать, — подумал я. — Будет винить себя, что он прав, а потом начнет жалеть о своем решении».

Я вышел из леса. Пилот, заметив меня, жадно затянулся.

— Возьмите вот это, — я подал ему листок. — Отдадите его профессору Пьетри. А сейчас послушайте, как мы хотим попасть в грот.

Я говорил без перерыва, не давая ему открыть рта. Я допускал, что мои товарищи обрисовали ему положение вещей в слишком мрачных красках. Я достал листок и начал рисовать геликоптер, обрыв с балконом. Краем глаза я видел, что пилот смотрит на рисунок. Наконец он кивнул головой. Я представил ему наш план так, как будто бы мы думали исключительно о безопасности пилота и машины. А потом объяснил, что настоящие трудности ожидают нас внутри грота и кто знает, выйдем ли мы оттуда целыми. Ведь нам придется брести по воде горной подземной реки, пропираться по незнакомым ходам в полнейшей темноте в то время, как у него над головой будут солнце и звезды. Под конец мне уже самому этот скалистый обрыв, торчащий над нами и светящийся сейчас теплым блеском, показался самым мильным и уютным местом на земле. Я спросил, готова ли к старту машина, и, прежде чем пилот успел ответить, сказал:

— Вот и хорошо. Все ваши действия описаны вот здесь, — закончил я, подавая ему листок. — Впрочем, как у пилота, у вас больше опыта в таких делах. Мы на вас полагаемся.

— Ладно, все будет сделано. — Он затоптал сигарету. — Когда вылет?

— Сейчас.

* * *

Джунгли и каменистые холмы внизу сплющились и уменьшились. Долину окружал полумрак. Геликоптер карабкался вверх к свету. Внезапно от мрачных плит оторвался кусочек тени и пополз вверх по освещенным порфирам, сливаясь с мраком расселин, скользя по белизне обрывов. Кабину залил свет.

Между сиденьями на полу лежал моток троса. Трос был немногим толще обычного шнура, но он мог выдержать несколько тонн груза. На конце троса я сделал три петли. Две я накинул на бедра, а третья охватила плечи. Теперь трос перепоясал меня, как лямки парашюта.

Красный отблеск, заполнивший кабину, сменился белым сиянием. Геликоптер поднялся уже до уровня верхних известняковых слоев обрыва. Мы перестали подниматься. Метрах в ста под нами лежал балкон, покрытый травой.

Бельский открыл запоры люка в днище кабины и поднял крышку. Я уселся на краю люка, опустив ноги наружу. Мне подали альпийский молоток с ремнем на рукоятке, я повесил его на шею. Стшелецкий пропустил трос через скобы в стене кабины.

— Можешь спускаться!

Я оперся локтями о края люка и стал медленно выбираться наружу. Трос натянулся: теперь я уже повис на нем. Над головой — красный выпуклый корпус геликоптера, по которому бежали ряды заклепок. В темном квадрате люка — напряженные лица Бельского и Стшелецкого.

— Опускайте!

Ветер от винта трепал волосы. Трос медленно выполз из машины, которая, казалось, уходила от меня вверх. Я висел на высоте семисот метров над землей. На известняковых плитах был хорошо виден силуэт машины. Под тенью геликоптера колыхалась моя тень. Размеры машины уменьшались. Все внимание теперь я перенес на стену. Она была в пятидесяти метрах. Я приближался к уровню балкона. В тот момент, когда тень коснулась травы, я поднял руку. Спуск прекратился. От площадки бежала полоса к выходу из грота. Шум водопада был здесь сильнее треска геликоптера. В лицо ударила волна воздуха — мы полетели к скале.

Я взглянул вверх. Геликоптер немного опережал меня. Пилот затормозил. Стремглавым маятником я полетел к скале. Навстречу набегали известняковые плиты, листья выującychся растений, лишайники, покрывающие камни. Чтобы не разбиться, я выставил вперед ноги. Удар был так силен, что я чуть было не потерял сознание. Отброшенный от стены, я полетел назад.

Я повис над пропастью, раскачиваясь на тросе. Когда снова приблизилась площадка, я прильнул грудью к ее краю и пальцами вцепился в неровную поверхность. Трос потянул назад, но я сумел удержаться. Теперь я уже лежал на животе, и лишь ноги висели над пропастью.

Омытый дождями известняк был похож на мрамор. В углублениях было немного земли, и в этих местах росла трава. Там, где площадка соединялась со стеною, проходила неглубокая трещина. Я всунул туда один из крюков, а потом начал заколачивать его молотком. Звук от ударов становился все тоньше. Крюк вошел до самого кольца. К кольцу я пристегнул карабин, к карабину — себя. Вбил второй крюк и присипил к нему трос, свисавший с геликоптера. Теперь геликоптер не мог стащить меня с площадки. Я осмотрелся. Снова вернулось ощущение, что я затерялся где-то посередине неба.

Я махнул рукой. От машины отделился груз. Он быстро снижался. Наконец удалось его втянуть на балкон. Таким же образом были доставлены еще два мешка и акваланги. Затем по тросу спустились Бельский и Стшелецкий.

По нашему сигналу пилот отцепил конец троса. Трос со свистом рассек воздух и звонко хлестнул по скале. Мы тут же втащили его на балкон. Геликоптер серебряным кружком провалился вниз.

До самого горизонта бежали волнистые холмы, покрытые джунглями. Там внизу лежал бассейн Ориноко. Солнце уже осветило большие деревья.

«Теперь он приземлился, — думал я о пилоте. — Выйдет из машины, закурит сигару, поднесет к глазам бинокль. Потом ляжет на траву и будет следить за тремя мухами, прилепившимися к стене. Когда мы про-

стая летучих мышей. Они роятся в воздухе, лампа гаснет. И чувствую прикосновение мягких крыльев.

Мышь устремляется к выходу, и скоро шум затихает. Мы снова зажигаем лампы и идем через зал. Ноги увязают в слое черного гуано. Жара сводит с ума. В следующем зале опять полно летучих мышей. Визг, хлопанье крыльев, лампы гаснут...»

Так рассказывал о кубинских пещерах один из спелеологов.

В пещерах Кубы живет несколько десятков видов летучих мышей. Самые маленькие достигают размеров бабочки, самые большие — 60 сантиметров по ширине расправленных крыльев. Колонии перепончатых насчитывают десятки тысяч животных.

В пещере Киркуло (провинция Камагуэй) были обнаружены скелеты летучих мышей, которые были подвергнуты физико-химическому исследованию. Ученым удалось установить, что летучие мыши обитали в этой пещере еще тысячелетия назад. За это время здесь накопился слой гуано толщиной в 40 метров.

Гуано — ценнейшее удобрение. В нем содержится от 12 до 30 процентов соединений фосфора, азота и калия. Удобрения из гуано очень ценные для плантаций сахарного тростника и садов. Предполагают, что соединения фосфора образуются во время переваривания хитинового панциря насекомых. В свежих слоях гуано происходят химические реакции, во время которых выделяется тепло, поэтому в пещерах, где обитают летучие мыши, так жарко.

Расходы по промышленной добыче гуано составляют всего 15 процентов от продажной цены гуано. Вот почему кубинцы называют гуано «черным золотом». В пещере Киркуло ежемесячно добывается 1000 тонн удобрений. Запасы только этой пещеры оцениваются в 80 тысяч тонн. Всего на Кубе насчитываются около 10 тысяч пещер. Недавно польские специалисты-спелеологи по приглашению кубинского правительства в течение трех месяцев исследовали многие из них. Они открыли самую глубокую пещеру американского континента — глубиной в 381 метр. Но самым ценным было открытие новых залежей гуано. Запасы гуано в пещерах, которые были обследованы на острове Кагуанес, оцениваются в несколько миллионов долларов. Там уже начались разработки.

никнем в гrot, пилот заведет машину и вернется в лагерь. «Высадил их между землей и небом. Немногие отважились бы на такое. К счастью, ветра не было», — скажет он своим товарищам.

— Доставай еду, — сказал Бельский. — Она у меня в рюкзаке.

Я расстегнул мешок. Дай-ка испробуем «Alux».

Не прошло и двух минут, как грудника на сковородке начала шипеть, края ее позолотились. Я добавил перцу, красных помидоров. И все это (болтая ногами над километровой пропастью), обжигаясь, мы незамедлительно съели.

...Было шесть утра. Стшелецкий закончил подготовку к дальнейшему маршруту. Теперь он должен был идти первым.

— Не поминайте лихом, — махнул рукой Стшелецкий.

Он встал, позывая крюками, висевшими на поясе. Обвязался концом троса. Горизонтальная трещина, которая бежала к входу в гrot, была достаточно широкой — в нее можно было всунуть ногу.

Стшелецкий, как слепец, водил пальцами по стене, нашаривая углубления и выступы. С нами его соединил теперь лишь трос, пропущенный через карабин на крюке. Второй конец троса я держал обеими руками, отпуская лишь настолько, чтобы Стшелецкий мог сделать один шаг вперед. Вбивая крюки в скальные трещины, продевая сквозь них трос, он медленно продвигался к водопаду. Из долины вместе с поднимающейся волной тепла доносили маслянистый запах растений, вьющихся по скалам. Я заметил силуэт крупной птицы. Она парила на неподвижно расставленных крыльях. Птицу спугнул стук молота. Трос тянулся от крюка к крюку, обраzuя поручни, держась за которые остальные могли пройти без труда.

— Здесь уже легче! — крикнул Стшелецкий.

У подножия Сальто Анхел белой от пены ленточной вилась река. На таком расстоянии река казалась неподвижной, как полоса застывшей лавы. Где-то там, среди кустов, стоял геликоптер.

Стшелецкого мы вскоре потеряли из виду. Наконец после долгого ожидания трос дернулся три раза. Это означало, что Стшелецкий проник в гrot и закрепил конец троса на крюке.

Минут через пятнадцать он вернулся сияющий, вымокший.

— Победа, — заявил он.
— Ну как там? — спросил Бельский.

— Огромная дыра, как тоннель метро. Идет в глубь скалы. Я не заходил далеко...

В восемь часов утра цепочкой, с рюкзаками на плечах мы тронулись к водопаду. Груз тянул в пропасть. Мы продвигались, прижимаясь к горячей, обжигающей ладони стене. Показалось отверстие. Это был тоннель,

в котором два поезда могли разъехаться совершенно свободно. По всей его ширине текла вода. Она вырывалась из горловины и дугой, не касаясь стены, летела вниз.

Я опустил ногу в клокочущую струю, нащупывая дно. Напор течения как будто можно было выдержать. Осторожно ступил на страшный порог другой ногой. Вода мгновенно залила меня до пояса, окружив белым венком пены. У меня было такое чувство, что ноги вот-вот оторвутся от дна.

Держась за трос, я медленно продвигался в глубь пещеры. Солнечный свет проникал далеко внутрь. Под сводами эхо усиливала и без того громкий плеск воды. Русло реки было гладким, как бетонное шоссе. Метров через тридцать, образуя маленький водопад, из воды выступила каменная плита. Сразу потемнело. Мы достали «Алих». Сноп света упал на мокрые стены. Коридор тянулся дальше. Обойдя плиту, мы выбрались на берег, усыпанный галькой.

Тоннель расширился. Пройдя еще сто метров, мы сняли рюкзаки, чтобы вернуться за остатками снаряжения. Вдалеке виднелось светлое пятно выхода. Сквозь него вырывались потоки света. На поверхности воды и на сводах пещеры играли солнечные зайчики.

Мы вышли наружу. Скалы уже накалились, и от одежды сразу пошел пар.

К одному из крюков на площадке я привязал мешочек из пластика с ракетницей и пачкой патронов. Они здесь будут ждать нашего возвращения.

В шум воды ворвался рокот мотора. Я повернул голову. Геликоптер двигался вдоль стены, медленно набирая высоту.

...Река текла зигзагами, прижимаясь к стенам. На поворотах потока приходилось входить в воду. В своде встречались углубления, размытые водой, — видимо, временами река заполняла весь тоннель. «Нужно на-

деяться, — подумал я, — что дождя не будет». Тропический ливень мог бы нас погубить. Вода затопит проходы, и тогда даже акваланги нам не помогут.

Фонарь осветил обширный грот. Плоское дно было заполнено обломками кальцита. Мы вступили в грот и увидели овальное озеро, из которого вытекала река. Неужели конец пути?

— Похоже на сифон, — отозвался Бельский.

Поверхность озера пузырилась, била ключами, бурлила.

Мы стали искать продолжение коридора. В стенах было много отверстий. Осмотрели все, вползая в тесные тоннели, зажигая спички, чтобы по языку пламени определить направление воздушных потоков. Безрезультатно! Все тоннели, по-видимому, оканчивались туниками.

Бельский нырнул в узкий коридорчик, напоминавший трубу. Слышалось только шуршание и учащенное дыхание. Потом до нас донесся приглушенный шепот:

— Конец. Дальше сплошной кальцит.

Мы посмотрели в сторону озера. В овальном углублении черная вода клубилась, словно кипящая смола в кotle.

* * *

Я разложил на парусине снаряжение для подводного плавания: маски, манометры, трубы, измерители глубины. Рядом с рюкзаками лежали акваланги. Каждый состоял из двух стальных цилиндров, наполненных сжатым воздухом. Над цилиндрами блестели круглые никелевые коробки вентилей. Бельский разделся. Натянулся на ноги каучуковые ласты. Я подал ему цилиндры. Бельский надел ремни на плечи, застегнул пряжки. На запястье пристегнул измеритель глубины. Дыхательные трубы охватывали его шею и опускались на грудь,

де их соединял мундштук. Бельский взял его в зубы, глубоко вздохнул. В трубках зашумел воздух. Я подал маску. Он надел ее на лицо. Пристегнул пояс с грузом из олова. К лямкам прикрепил сигнальный трос. Я взял в руки конец троса. Бельский усился на берегу озера, снял маску и смочил ее водой, чтобы не потели стекла. Попробовал стать на дно — и сразу погрузился с головой. Вынырнул, выплюнул мундштук.

— Глубоко. Стены здесь гладкие, не на что встать. Дайте фонарь.

Я подал ему «Alux». Он оттолкнулся ногами, выплыл на середину и вынырнул головой вниз. Трос скользил по моей руке. На поверхность вылетали пузыри воздуха. Я почувствовал, как трос дернулся: раз, два, три, четыре, пять. Я начал вытягивать шнур. Бельский выскочил как пробка. Плыя к берегу, вынул мундштук и снял маску.

— Настоящий колодец. Дна я не достал. Был на глубине пятнадцати метров. Вода тянет вверх — приходится бороться с течением.

Он вынырнул снова. Я смотрел на стрелку часов — 10, 20, 30 секунд. Стшелецкий вдруг крикнул: «Пузыри исчезли!» Это может означать, что пловец не дышит. Но сигнальный трос спокоен: не дергается, не натягивается. Куда же уходит воздух? Внезапно пузыри появились снова. Бельский показался у самого берега. Вылез на берег, сел.

— Тридцать метров! Внизу колодец расширяется. Я налетел на камни. У самого дна овальные ворота. За ними я обнаружил другой колодец, ведущий вверх. Вместе они образуют сифон. Трос за что-то зацепился, и я не смог плыть дальше.

— Хорошо, — сказал я. — Теперь я поплыву с тобой.

— Трос, — продолжал Бельский, — не нужен. Течение само понесет вверх, если перестанешь работать ластами. В стенах нет ни трещин, ни ходов — заблудиться невозможно.

Мы вынырнули одновременно. Бельский плыл впереди, держа на груди «Alux». Я видел его черный силуэт. Колодец был огромный. Круглые стены, похожие на бетонные кольца, отвесно падали вниз, исчезая в темноте. Руки я скрестил на груди, пытаясь уменьшить сопротивление — мы плыли против течения. Чтобы выровнять давление в ушах, приходилось глотать слюну.

Давление росло. Твердые клещи охватывали тело. Я посмотрел на белый циферблат измерителя глубины: 8, 10, 15, 20 метров.

Стены колодца начали расширяться, образуя как бы гигантский колокол. Я увидел камни. Между ними темнели отверстия. Бельский скользнул над этой грудой камней в сторону ворот. Я поплыл за ним. Высота арки не превышала полутора метров. Сразу за ней начинались круглые стены другого колодца. Мы осматривали его, держась за камни. Течение отбрасывало нас назад. Бельский вытянул руку, указывая на углубление в дне.

Между камнями лежал полуметровый протей. Вода обтекала его мягкое ящеровидное тело. На месте глаз были складки кожи. Здесь он погибнет. Течение вытолкнет его на поверхность и унесет в водопад. Наверно, он попал сюда из глубины пещеры.

Бельский поплыл вверх, освещая фонарем дорогу. Колодец теперь шел наискосок. Чувствовалось, как падает давление. Серебряные пузырьки воздуха, опережая нас, летели к поверхности. Красная стрелка манометра приближалась к нулю. Над головой засиял зеркальный щит, в котором отражались наши фигуры. Они неслись нам навстречу. Бельский первым ударил головой в зеркало поверхности и разбил его. Мы были на другой стороне сифона. Снова послышался шум водопада. Мы сняли маски. Впереди было продолжение тоннеля. Река текла каскадами, шумя и пенясь. Мы шли против течения, взираясь со ступеньки на ступеньку. Сто метров остались позади, но ничего не предвещало конца коридора.

— Дальше можно не идти, — сказал я. — Вернемся за снаряжением.

Вода втянула нас в сифон и понесла по склоненному

тоннелю. Вот и ворота. Через несколько секунд мы были уже на берегу.

— Раздевайся, — сказал я Стшелецкому. — Путь свободен!

Наши рюкзаки были в упаковке из пластика, промокнуть они не могли. Но тут возникло новое препятствие — воздух, оставшийся внутри, не дает погрузиться с рюкзаками. Пришлось привязать к рюкзакам несколько обломков кальциита в качестве балласта.

Я написал записку. Набросал схему сифона. Листок укрепили в сухом месте так, чтобы он был сразу замечен спасателями.

Шум каскадов мешал разговаривать. Мы взбирались по скользким ступеням. Свет вырывал из тьмы все новые и новые пороги. Прошли четыреста метров. Вода текла здесь спокойно. Шум водопадов утих. Болотистые берега раздвинулись. Под тонким слоем трясины лежал песок. Мы шли быстро, изредка пересекая поток на поворотах.

Кажется, тоннель ведет в сердце горы.

Своды поднимались все выше, стены раздвигались. Эхо наших шагов гулко разносилось по пещере. Широкая улица под беззвездным небом.

Пещера — великан. От главного тоннеля расходятся боковые коридоры, образуя настоящий лабиринт. Отверстия в своде ведут на верхние этажи. Здесь могут быть два, три или четыре этажа ходов, связанных между собой трубами стометровой длины. Но главный тоннель пещеры только один — это река, на берегу которой где-то там, во мраке, находится лагерь исследователей.

Чтобы не заблудиться на обратном пути, мы складывали пирамиды из камней.

— Вы знаете, сколько мы уже идем? — спросил Бельский. — Прошли уже больше десяти километров.

— Сделаем привал, — предложил я.

Река плыла под скалой. Остальную часть тоннеля покрывал чистый песок. Мы вскипятили чай, подогрели макароны. Стшелецкий добавил в них кубик концентратов, а потом заправил соусом. Пообедав, мы погасили «Alux».

Я лежал, не закрывая глаз, и вслушивался в шум воды. Поток шуршал песком у берега. Воздух был влажен.

Никак не могу уснуть. Тысячи людей с тревогой ждут результатов нашей экспедиции. Но разве можно что-либо предвидеть? Первый серьезный завал прервет наш поход. Кто поручится, что спелеологи не погибли во время обвала?

Специальные отряды с утра начали действовать. Может быть, уже сумели войти в пещеру?

Стшелецкий дышит ровно. Бельский, наверное, не спит — дыхания не слышно. Он лежит рядом на песке.

Я проснулся в десять, зажег лампу. Мы поспешно свернули лагерь и тронулись дальше. Пройдя несколько сот метров, наткнулись на препятствие. Завал камней преграждал тоннель. Из-под камней пробивалась вода. Завал был старый, заплывший кальцитом.

Я попробовал найти проход под сводом. Обвязавшись веревкой, взобрался наверх, цепляясь за короткие, толстые, рыжего цвета сталагмиты. Почти под самым сводом проглядывали многочисленные отверстия. В них чувствовалась тяга воздуха. Однако они были слишком узкими. Я едва сумел всунуть голову и руку с фонарем. Показалась огромная труба, идущая прямо вверх.

— Попробую пробить проход! — крикнул я. — Отойдите в сторону.

Я начал изо всех сил бить молотком по толстому столбу, образовавшемуся от соединения сталактита со сталагмитом. Почти сразу лопнул наружный слой, окрашенный окисями железа. Осколки со звоном падали вниз. Сама сердцевина была крепче. Она состояла из светлых кристаллов. Эхо от ударов наполнило весь гrot.

Наконец столб с треском рухнул. Я обрубил края отверстия и сумел перебраться на другую сторону. Заметил расселину и двинулся прямо к ней. Она тянулась в том же направлении, что и коридор, которым мы шли до сих пор. Проходя под трубой, я посветил

вверх. Но свет так и растаял во мраке, не осветив своды. Пройдя немного вперед, я заметил новый ход, ведущий вниз. Оттуда доносился шум воды. Спихнул туда камень. Послышался всплеск. Через этот ход можно спуститься вниз и идти дальше вдоль ручья. А можно попытаться пройти и по расселине.

— Есть дорога! — крикнул я. — Идите ко мне! Бельский, который шел впереди, воскликнул:

— Здесь уже шире!

Мы остановились как вкопанные. Подземный Сальто Анхел! Мы стояли на краю гигантского зала на берегу кругого обрыва. Под нами тремя этажами ниже раскинулось озеро. Свет фонаря не достигал противоположной стены. Мы взглянули вверх. Там свисало бесчисленное множество белых, как молоко, сталактиков. Казалось, что это торчат острия мечей. Прямо над нами потолок покрывали «макароны» — красивые, стройные трубочки стекловидного кальцита. На конце «макарон» блестели капли. «Замерший дождь», — подумалось мне. — Дождь, застывший в полете».

Послышался шелест крыльев. Темная птица летела прямо на нас. Обдало ветром.

— Гуачаро!¹ — воскликнул я.

— Они здесь! — крикнул Бельский.

Вдоль стены бежала галерея. В лучах фонаря засияли зеленые огоньки глаз. Птицы поворачивали головы к свету. Они лежали в мелких ямках и кричали тонкими противными голосами: «Тик! тик!»

¹ Гуачаро (исп.), гуахаро — жирный козодой. Населяет горные тропические леса Южной Америки. Эти птицы гнездятся колониями в глубоких пещерах, откуда вылетают с наступлением сумерек.

Величиной они были с курицу. Спина красно-коричневая, покрытая белыми пятнами в черных кружках, голова желтая, хвост длинный. По обеим сторонам клюва торчали усы.

— Не боятся, — заметил Стшелецкий.

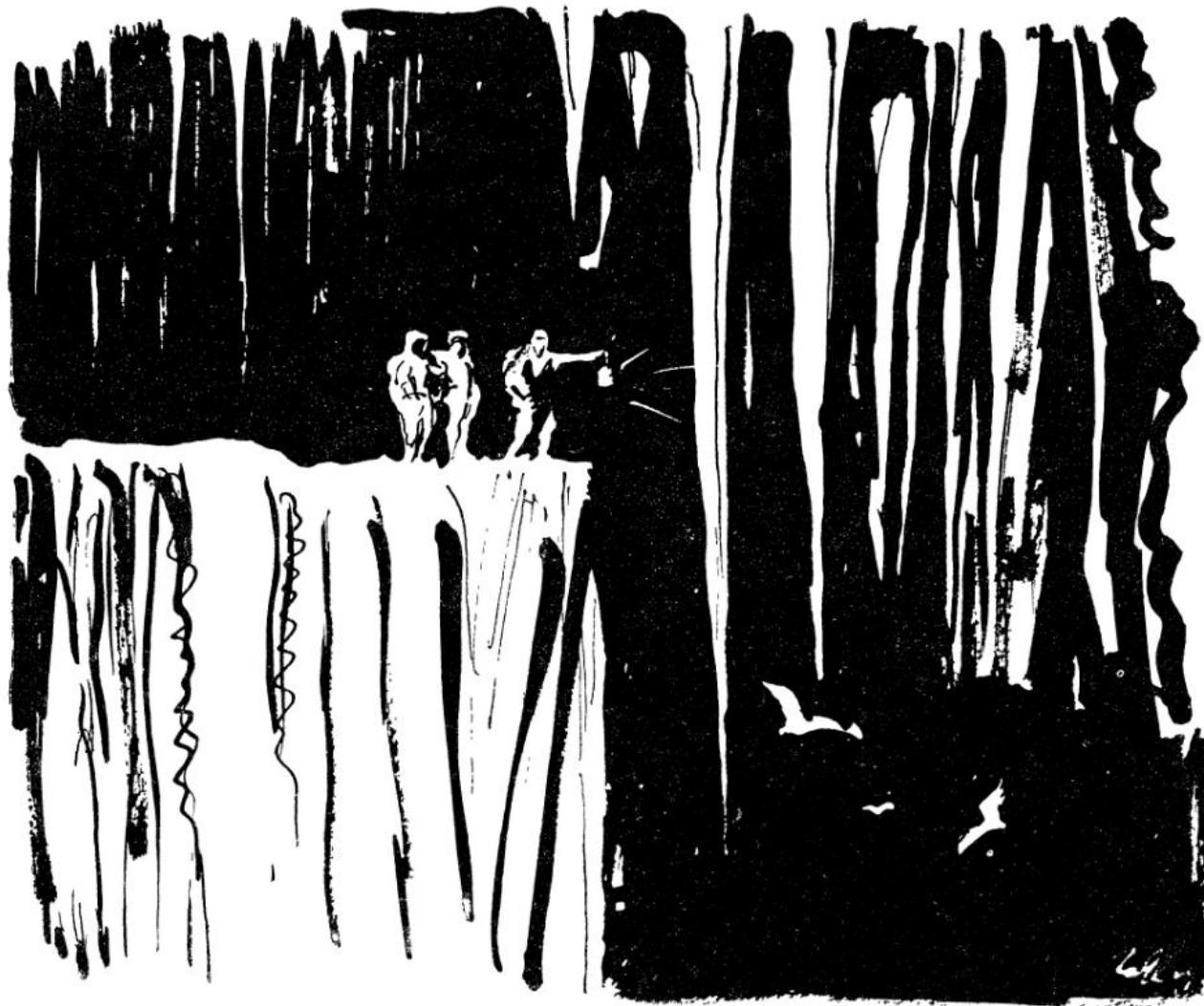
Птицы, наверно, обессиляли и не могли взлететь. Только несколько птиц сумело подняться в воздух. Гуачаро день проводят в пещере, а ночью вылетают в джунгли. Питаются плодами растений. Обвал заточил гуачаро в пещере. Значит, из пещеры остался один выход, тот, которым шли мы. Да и он залит водой. Гуачаро в темноте ориентируются, как летучие мыши, улавливая отражения ультразвуковых волн. Если они не нашли выхода, то что говорить о людях...

Мы поднялись на галерею и двинулись вперед, обходя лежавших птиц. Они тихо пищали, распластав крылья. Конца галереи не было видно.

Послышался глухой удар. Обломок кальцита дрогнул у меня под ногами. Я бросился к стене, но рюкзак был слишком тяжел. Прежде чем я успел ухватиться за сталагмит, ноги потеряли опору. В одно мгновение галерея с силуэтами моих товарищей унеслась вверх. Я набрал воздуха и стиснул зубы. Сильно ударился о воду. Спину защитил мешок. Холодная вода клещами сжала тело. Заломило в ушах. Рюкзак тянул меня на дно. «Сколько метров?» — промелькнуло в голове. Я вырвал из лямки правую руку. И уронил «Alux». Левую рюкзаком прижало к камням. От боли и шума в голове я терял сознание. Острая боль, как от удара ножом, прошила легкие...

(Окончание следует)

Перевод О. РЯЖСКОГО

ДЕНЬ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕГО ГОРОДА

КУРТ ДАВИД,
немецкий журналист (ГДР)

Кал ожидания железнодорожного вокзала в Познани блестит, словно его вымыли с мылом. Бра испускают лучи света, похожие на восклицательные знаки, бесчисленное множество плафонных ламп горит в беззвездном мраморном небе, а носящие, мастера вежливости, налетают на тяжелые чемоданы и пузатые портфели, бросаются к такси, отдают честь, словно перед ними генералы, мчатся обратно в отмытый зал, чтобы завладеть потоками пассажиров.

На площади — тусклое вокзальное солнце: ему приходится наблюдать за оживлением через пелену дымов. Дует холодный ветер, раздувает пестрые юбки девушек, забрасывает пыль в глаза. На перекрестке регулировщик с любопытством заглядывает в машину...

Улицы города старые, но широкие, запружены автомобилями и людьми. Пешеходы выливаются толпами на проезжую часть, дети с пронзительным визгом бегут за поливальной машиной, в многочисленных кафе-мороженых шумно. Перед большими витринами толпятся хорошо одетые люди. За широкими лотками с овощами и фруктами стоят полные женщины, предлагаю сочную клубнику и свежие зеленые огурцы.

Какое впечатление произведет на меня этот город, насчитывающий тысячу лет? Город тысячелетнего возраста, некогда столица Польши. Из моего окна в гостинице «Познанская» мне видна старая библиотека Рачинского с ее великолепными двадцатью четырьмя коринфскими колоннами. На площади перед библиотекой женщины сажают красные цветы, две девочки раскатывают на трехколесных велосипедах вокруг гигантской ракеты, поднимающейся над самыми высокими домами города и сверлящей своим серебряным острием небо. Под ракетой на перекладинах из стальных труб, как на турникете, кувыркаются дети.

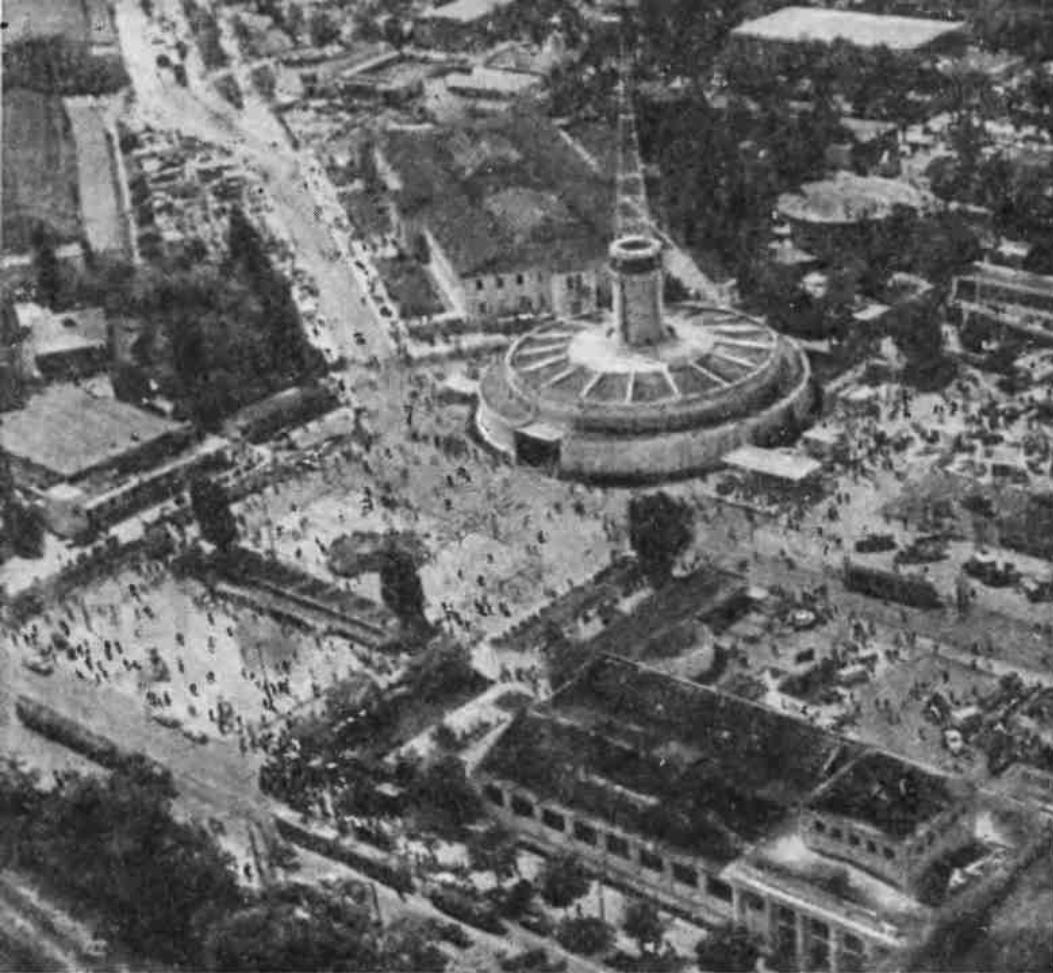
Под окном позякивают, спотыкаясь на перекрестках путей, трамваи, обгоняямы автомобилиями. Вагоны трамваев битком набиты пассажирами. Улица, протянувшаяся под моим окном, — торговая: налево и направо расположены лавки, конторы и гостиницы, книжные магазины и газетные киоски; по ней ходят юные парочки — они держатся за мизинец и шушукаются, —

а также иностранцы, постоянно разыскивающие свою гостиницу, потерянную в лабиринте улиц и переулков.

Разумеется, прежде чем выйти из гостиницы, я получил у портье, который изъясняется на пяти языках, записки с несколькими адресами заслуживающих внимания достопримечательностей. В этот поздний послебеденный час солнце окрасило все в желтые тона, воздух сух и прохладен. На фасадах домов нервно вздрагивают прежде времени зажженные световые рекламы. Познанская площадь у Старого Рынка напоминает картину Караваджо, конечно, если забыть о множестве автомобилей. Ратуша, понапачалу готическая, перестроена в XVI веке итальянцем Джованни Батиста ди Квадро в стиле ренессанс; она могла бы служить украшением любого римского города. Прекрасные фрески покрывают здание с восточной стороны, в великолепных сводчатых галереях лежат густые черные тени. Солнечные часы отстают на час от башенных — в Польше «летнее время». В войну ратуша подверглась разрушению. Ее, как и примыкающие дома, восстановили по старым планам. Вокруг ратуши тесно стоят машины в ожидании пассажиров, безмолвно глазея фарами, — маленькие «сирены», плоские «вартбурги», приземистые «мерседесы», элегантные «волги», скромные «варшавы». А вперемежку с ними застыли пролетки с грустными лошадками и уснувшими кучерами.

На старую рыночную площадь наш век тоже водрузил свой дворец — продолговатое здание целиком из стекла и бетона, яркое, светлое, с плоской крышей. Его назначение — служить музею: он отдан в распоряжение художников под выставочный зал.

Я завязываю разговор со школьным учителем, стоящим с группой учеников перед ратушей. Он показывает детям архитектурные памятники и, по-видимому, объясняет, в чем их достоинство. На хорошем немецком языке он сообщает мне об усилиях и средствах, затрачиваемых на восстановление памятников старины. Разговаривая, мы бредем через рыночную площадь, а за нами идут дети. Учитель осведомляется, как мне понравился «новичок», стоящий на этой старой пло-

Рядом с центром города находится Международная познаньская ярмарка.

шади. Еще до того как я успел ему ответить, он расхохотался и сказал, что в старых городах охотно создают контрасты — это дань времени.

В узких извилистых улочках темно и неприветливо. Ксендзы мелькают на фоне черных стен, напоминая своим видом рассыльных. Дети чертят мелом на тротуарах. Темные лавки полны сала, спаржи, битых уток и гусей. Женщины стоят тут и там, обмениваясь новостями. Неожиданно я очутился перед громоздким римско-готическим порталом доминиканской церкви — древнейшим строением в Познани. В ней темно, почти как ночью. Благоговейная тьма, мерцают свечи.

Над узкими уличками старого города небо тоже узкое. Я пересекаю Варту, направляясь к острову, на котором находится кафедральный собор. Широкая красная улица ярко освещена и многолюдна. В реке отражаются пять башен собора, которые дрожат на легкой ряби, как сморщененные старцы. Солнце посыпает внутрь собора свои мерцающие золотые лучи через высокие стрельчатые окна. Этот собор — одна из двенадцати капелл, составляющих базилику. В их числе — удивительная Золотая капелла в византийском стиле со склепами и памятниками первых князей и королей Польши Мешко I и Болеслава Храброго. Главный портал и алтарь Золотой капеллы созданы по эскизу итальянца Помпея Феррари, картину над алтарем написал поляк Чехович, известный своими картинами на библейские сюжеты. Неподалеку от Познани — Гнезно, древнейшая польская столица, «гнездо» польских князей. Я охотно съездил бы в Гнезно посмотреть на знаменитый портал святого Адальберта, из которого император Наполеон когда-то велел вынуть кусочек, и, как иронически заметил Генрих Гейне, благодаря такой высочайшей внимательности ценность собора еще преумножилась. Но портал в это время ремонтировался — он пострадал во время фашистской оккупации.

...Во дворе собора старый ксендз беседует с молодыми туристами. Посетители не столько слушают, сколько фотографируют. Они, верно, не прочь перета-

щить собор к себе домой. Стоя перед порталом, они косились на объектив, отбегали на большое расстояние, «чтобы Он попал в кадр».

...Над городом тянеться фабричный дым. Здесь, в Познани, находятся два металлургических завода. Похоже, что дым вызывает у отцов города немало беспокойства. Поэтому новые промышленные предприятия строятся на западной окраине, где они будут под «приемом» ветра. В Познани строят много и красиво, со вкусом и в современном стиле. Каждая краска играет. Улицы протянулись под молодыми деревьями. У высоких домов резвятся детишки. Перед омытыми светом магазинами, остекленными, как зимние оранжереи, стоят

детские коляски и сидят привязанные собаки. Из ресторанов доносится музыка.

На следующий день я подвожу итоги. Что же еще посмотреть? Оперу, которой все восторгаются, но где я, однако, не побывал? Медицинскую академию, технический вуз, филармонию, театры и музеи, большую галерею, где выставлены картины польских и иностранных художников? Я то и дело слышу со всех сторон советы: «Это вы должны еще посмотреть, там вы должны еще побывать, ах, и там вы тоже еще не были?» И я могу только отвечать: «Нет, там я тоже еще не был». «А нет ли тут магазина, где можно купить время?» — вертится на языке вопрос.

И вот мы со знакомым поляком сидим... в уютном кафе. Хорошо одетые парни упражняются в целовании рук девушкам, которые не скрывают своего удовольствия. На небольшой площадке для танцев вертятся парочки — некоторые подпрыгивают, другие танцуют, томно прикрыв глаза, третьи лихорадочно трясутся в «темпе века», а саксофон хрюплюет, воет, стонет. Солист прикрывает глаза, словно трубит свою лебединую песнь, или, что правдоподобнее, трубит ее для вон той красавицы, только для нее одной. А я, не заинтригованный природе, беспокоюсь за его легкие. Потом нарядные парни уводят своих подруг с танцевальной площадки к столикам, покрытым белоснежными скатертями и украшенным цветами, пододвигают им подобнее стулья и пьют за их здоровье.

Мой друг рассказывает эпизоды из своей жизни, веселые и грустные, и я тоже наполняю вазу воспоминаний плодами — сладкими и горькими.

Поздно вечером я иду один по улицам Познани. Над библиотекой Рачинского висит луна, она светит не так ярко, как висячие фонари по обочинам шоссе. Из витрин свет падает на лица людей, над входами в познаньские кафе вертятся раскаленно-красные крылья ветряной мельницы, перемалывая часы ночи. Познань — тысячелетний город — засыпает... Где же я найду магазин, где можно купить время?

Сокращенный перевод с немецкого Л. ЗАВЬЯЛОВОЙ

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

...Странно, что кругом вода, пронизанная водорослями, вспыхивают электрические глаза чудовищ с рыбьими хвостами.

Он встает и, увязая в иле, идет по неровному дну. Потом поднимает руки и кричит.

— Барин, проснись! Чего стонешь? — Старший казак тряс за плечо Петра Петровича. Он с трудом открыл глаза — снежная пелена покрывала плоскогорье, спящих казаков, погасший костер. На западе, между горными вершинами, закатывалась луна.

Выпавший ночью снег быстро таял, мутные ручьи бежали по перевалу. Горное солнце ярко светило, температура поднялась, мальвы и бессмертники приподнимались с земли.

Атамкул по ущельям вывел Семенова к реке Заилийского Алатау — Чилику. Чилик оказался многоводной рекой, гремящей в порогах. Берега густо поросли тополями и черганаком. Путешественники долго блуждали в лесных зарослях, пока нашли брод. В одном месте Семенов вспугнул марала с большими ветвистыми рогами.

— Бугу, бугу! — кричал Атамкул. — Стреляйте, это бугу!

Марал скрылся раньше, чем Семенов успел снять с плеча винтовку.

Путешественники направились на юго-восток по широкому плоскогорью Уч-Мерке. Плоскогорье получило свое название от трех речек Мерке.

Каньон первой Мерке, преградивший путь Семенову, достигал трехсот метров глубины. Петр Петрович спускался по крутым бокам каньона и видел как бы в разрезе горные породы Тянь-Шаня. Это были сиениты, порфиры, диориты, слабо сцепленные песчаником, и нигде не было никаких признаков вулканических штуфов.

На берегу второй Мерке под тенью тополей отряд расположился на ночлег. Казаки набрали хвороста для костра, Атамкул занялся варкой ужина, Семенов с геологическим молотком пошел по каньону.

А. АЛДАН-СЕМЕНОВ

Путешествие

«Дорогу осилит идущий», — думал Семенов, глядя на тощую фигурку Атамкула, лежащую у костра. У проводника — желтое лунообразное лицо, под черными бровями — проницательные спокойные глаза. Костер медленно догорает, чахнут в золе угли, Семенов опускает голову на колени.

Окончание. Начало в № 5, 6.

Он наткнулся на старое кладбище.

Кладбище навеяло грустные мысли, и он возвратился к ночлегу. Казаки ужинали, хлебая варево деревянными ложками. Атамкул кипятил зеленый чай. Курносые лица, рыжие, черные, русые бороды, широкие плечи, жилистые, цепкие, жадные до работы руки.

Не жалуясь на тяжелый поход, не обижаясь на скучную пищу, не страшась опасностей, идут эти люди за

Семеновым в неведомые, дикие горы. Люди-то не особенно нуждаются в нем, а что он без них?

...Утром Семенов перешел третью Мерке. Атамкул повел его к горному проходу Табульгаты. По словам проводника, там берут начало речки: одна из них течет к югу и впадает в Иссык-Куль, другая — на север, в реку Или. С высоты горного прохода Табульгаты уже видно озеро Иссык-Куль.

— Дальше Табульгаты я не бывал, — признался Атамкул.

Весь день ушел на штурм Табульгатинского перевала.

Растительность, несмотря на почти трехкилометровую высоту перевала, поражала своим разнообразием. В этот день Петр Петрович установил: на перевале расступы цветы и травы европейской, полярной, алтайской, центральноазиатских форм.

Зеленая гора закрывала южную часть долины.

— С этой горы виден Иссык-Куль, — сказал Атамкул. — Завтра утром ты увидишь озеро.

— Разводите костры, ставьте палатку, готовьте ужин, — сказал Петр Петрович. — Отдыхайте все, я схожу один.

— Подожди, аксакал! — Атамкул догнал Петра Петровича.

С горы Петр Петрович увидел среди каменных громадин озеро, о встрече с которым так давно мечтал. Гладкая, будто отлитая из густого синего металла поверхность.

«По очень крутым спуску, — записал он в дневник, — мы спустились в долину южной Табульга-су, поросшую стройными еловыми деревьями. Начиная от перевала через гребень, во время нашего спуска я мог постоянно наслаждаться чудной панорамой всего Тянь-Шана между меридианами знаменитого Мусартского горного прохода и западной оконечностью озера Иссык-Куль...

Я направился на ближайшую сопку предгорья, откуда мог иметь беспрепятственный вид на Иссык-Куль, длина которого на запад — юго-запад простиралась более чем на 150 верст.

С юга весь этот синий бассейн Иссык-Куля был замкнут непрерывной цепью снежных исполинов. Тянь-Шань казался крутой стеной...

Снежные вершины, которыми он был увенчан, образовали нигде не прерывающуюся цепь, а так как бесснежные основания их, за дальностью расстояния на юго-западе, скрывались под горизонтом, то снежные вершины казались прямо выходящими из темно-синих вод озера.

Возвращившись в свою палатку, я уснул особенно хорошо под впечатлением виденных мною в этот день картин природы и под шум падающей водопадами речки...

Тюп-Джергаланская долина медленно приподнималась в сторону Иссык-Куля. Семенов скакал впереди отряда, охваченный страстным желанием как можно скорее достичь берегов озера.

Путешественники продолжали путь к озеру, подозрительно поглядывая на окрестности, но все было по-прежнему пустынным и безмолвным. Неведомый всадник бесследно исчез.

Тюп-Джергаланская долина оборвалась неожиданно крутым уступом. Внизу лежало необъятное, в голубых, светлых и зеленоватых тенях озеро Иссык-Куль. На густые пески мягко и широко накатывались волны. Ни каменных обломков, ни гальки. С восточной стороны в озеро впадал Тюп, на западе синело водное пространство, на севере из озерных глубин вздымался гигантский горный хребет. Весь необъятный простор озера сковывали пустынная тишина и безлюдье. Ни лодки, ни паруса.

Путешественники спешились, спустились на берег. Семенов первым вошел в воду, зачерпнул ее в ладони и стал пить: вода оказалась соловатой. По влажному, отшлифованному волнами песку он подошел к небольшой бухте. Мелководная бухта густо заросла водорослями и белыми лилиями; водоросли и лилии шевелились, словно живые.

Из бухты доносилось какое-то сопение, поскрипывание, шуршание, вода пузырилась и вспыхала мелкими кругами. Семенов ахнул — бухта была переполнена полчищами сазанов. Огромные, толстомордые, в желтой, блестящей, как бронза, чешуе рыбины сновали во всех направлениях, путались в стеблях водорослей, обсасывали лилии и лопухи.

Казаки не выдержали. Выхватив шашки, кинулись в воду и стали рубить запутавшихся в водорослях сазанов.

5

С выступа Тюп-Джергаланской равнины Семенов окунул прощальным взглядом панораму Иссык-Куля. Золотая солнечная струя разламывала озерную ширь, с горных вершин сползала светлая паутина тумана. Сюда нельзя было не возвратиться, первое знакомство не могло остаться случайной встречей — ведь ни одна из задач экспедиции окончательно не решена. Нет материалов, подтверждающих гипотезу Гумбольдта о вулканическом происхождении Тянь-Шаня. Он не дошел до истоков реки Чу — вытекает ли она из Иссык-Куля? Он не знает общих размеров и глубины озера.

...Пока Семенов путешествовал, обстановка в Верном ухудшилась. Караваны ташкентских купцов, идущие из Верного, были разграблены шайкой разбойников.

Хоментовский предложил:

— Я дам тебе проводников.

Он посмотрел на Петра Петровича ясными васильковыми глазами, усмехнулся.

— Разве ты не хочешь проникнуть в верховья Чу? — спросил он. — Неужели эта река-загадка уже не интересует тебя?

к Небесным горам

— Аксакал! — услышал он пронзительный голос Атамкула. — Смотри, аксакал!

Семенов увидел на левой стороне долины всадника. Подавшись вперед, всадник разглядывал путешественников, потом хлестнул камчой лошадь и скрылся за скалами.

— Надо быть осторожными, — предупредил всех Семенов.

Семенов выступил из Верного в сопровождении казаков.

Неслышным лиловым огнем догорали мохнатые мальвы, желтыми солнцами трепетали последние цветы софор, осыпался синими лепестками солодковый корень. Речные камыши высоко несли коричневые, напоминающие толстые вертела шишкы.

Снова начались переходы с одного берега на другой.

опасное скольжение по обрывам. Не раз река угрожала Семенову смертью, опрокидывая его вместе с лошадью. И каждый раз он был обязан своим спасением Атамкулу и двум охраняющим его казакам. Было неловко благодарить, спасители бы обиделись на него: взаимопомощь была у них законом жизни.

Боамское ущелье стало расширяться, отвесные скалы понижались и сглаживались. Отряд Семенова вышел в просторную долину и сразу же наткнулся на аул сарыбагышей. Мужчины, заметив всадников, ускакали в горы, дряхлый старец на пегом быке заковылял в ущелье. В ауле оставались лишь женщины и дети. Перепуганные, они с плачем бросились на колени.

Семенов успокоил женщин.

— Скажи им, — попросил он Атамкула, — я не собираюсь никого обижать! И еще скажи им — я еду в гости к манапу Умбет-Али. Я хочу быть ему тамыром!

Весть о белом начальнике, который едет в гости к Умбет-Али — младшему султану, — обгоняла Семенова. Когда он вступил в урочище Кутемалды, из юрт выходили почтенные аксакалы.

Семенов спокойно ехал вперед.

Законы гостеприимства здесь священны.

Семенова встретил брат манапа и сказал:

— Ты назвал себя тамыром Умбет-Али, и мы верим твоим словам.

Петр Петрович ответил:

— Я приехал к вам издалека. Я уверен, что у нас должны быть дружеские отношения.

Брат Умбет-Али слушал Семенова, кивая в знак согласия черной, как антрацит, головой. Он сидел прямо и настороженно, словно беркут перед взлетом. Потом быстро вышел из юрты

Он вернулся, ведя в поводу трех лоснившихся скакунов.

— Я дарю этих быстроногих коней. Ты можешь делать все, что делает друг в гостях у друга.

Семенов обрадовался. Представилсл случай посетить западную часть Иссык-Куля и выяснить, вытекает ли

Чу из озера. Он решил выехать рано утром в сопровождении Атамкула и двух новых проводников.

Несколько дней потратил Семенов на исследование истоков Чу и, наконец, выяснил: река берет свое начало не в Иссык-Куле, а в ледниках Тянь-Шаня.

Предположения Александра Гумбольдта оказались ошибочными. Географическая загадка прояснилась.

Скупо записал он в дневник о своем открытии:

«Главная составная ветвь мощной реки Чу берет начало под названием Кочкара в Тянь-Шане, выходит из поперечной его долины на иссык-кульское плоскогорье, но, не следя естественному склону к озеру, поворачивает прямо на запад в Боамское ущелье...»

Он писал эти строки, сидя верхом на лошади, пологив дневник на луку седла. Вокруг была болотистая местность, заросшая камышами. Жалкая речушка Кутемалды текла по болоту в сторону Иссык-Куля.

«Я доехал до устья речки и, повернув по берегу озера, вернулся в аул Умбет-Али, вполне убедившись, что озеро Иссык-Куль стока не имеет, и что оно в настоящее время не питает реки Чу, и что мощная река эта образуется из двух главных ветвей Кочкара, берущего начало в вечных снегах Тянь-Шаня, и Кебина, текущего из вечных снегов Заилийского Алатау. Само собой разумеется, что если бы представить себе уровень озера повысившимся всего от 15 до 20 метров, то река Чу сделалась бы стоком Иссык-Куля, но было ли это когда-нибудь, я отложил всякие размышления до своей поездки в бассейн озера в следующем, 1857 году...»

Он возвращался в Верное, преодолевая снежные перевалы Небесных гор. Стоял октябрь, когда он спустился в Каскеленскую долину. Послеочных морозов и снежных метелей было особенно хорошо ехать по осенней долине. Над желтыми тополями и березами, над синим покаем тянь-шаньских елей белел Талгарский пик.

В Небесных горах мелькали сполохи, там торжествовала невидимая гроза. Оттого ли, что гроза была далеко, оттого ли, что гром был особенно праздничным и бодрящим, Семенова охватило возбуждение.

Он придержал свою лошадь, повернулся лицом к безграничным ледяным высотам. Произнес твердо, убежденно и радостно:

— Я еще вернусь к вам, Небесные горы!

ЛУЧИСТЫЕ КОЛЬЦА ЗЕМЛИ

(Окончание. Начало на стр. 24)

Затем неожиданно происходил резкий спад, и на графике появлялся провал. Потом там, где ракета удалилась на 15—18 тысяч километров, кривая опять лезла в гору. А после двадцати пяти тысячного километра пути количество частиц плавно, но неуклонно шло на убыль. На обратном пути ракеты то же самое.

Конечно, самое удивительное в этой картине то, что «верблуд» двугорб. Почему возник этот провал между двумя «горбами»? Почему зона радиации в одном месте перенаполнена, потом почти совсем пуста, а потом опять густо населена частицами?.. И снова пошли в поиски космические разведчики, вооруженные счетчиками заряженных частиц. Данные разведки навели ученых на мысль: Земля находится в «окружении» двух колец радиации, разделенных «ничейной полосой».

Многократное зондирование окрестностей нашей планеты подтвердило, что вокруг Земли есть два радиационных кольца.

Первое из них имеет форму баранки, расположенной в экваториальной зоне. На какой высоте находится его нижний край? В восточном полушарии — всего на 600 километрах, а в западном — близко к 1,5 тысячам. Радиационная «баранка» надета на Землю как бы «на бекрень», потому что магнитная ось Земли не совпадает с осью ее вращения. Она сдвинута на несколько сот километров в сторону восточного полушария, и хоровод заряженных частиц, покорных ей, проходит в нашем полушарии ближе к Земле, чем в западном.

От экватора на север и юг это кольцо простирается до 35-го градуса, и, значит, по ширине оно охватывает полосу над Центральной и Южной Америкой, почти всей Африкой, южной частью Азии, Австралией и Океанией. Толщина внутреннего пояса радиации в плоскости экватора — несколько тысяч километров. А потом, выше, начинается тот самый зазор, «ничейная земля», что отделяет одну зону радиации от другой.

Но это только та «рубашка», что «ближе к телу» нашей планеты. А сверху надета другая — второе радиационное кольцо. В попечном сечении кольцо представляет собой два обращенных друг к другу вогнутой стороной полумесяца, загнутые «рога» которых достигают примерно 65-го градуса северной и южной широты, то есть района Полярного круга.

В Арктике и Антарктике нижняя граница внешнего пояса радиации находится всего в 250—500 километрах над поверхностью Земли, а от экватора ее отделяют больше 12 тысяч километров.

Чем объясняется тот факт, что пояса не сливаются в один, что между ними есть просвет, ученые еще не установили. Но в гипотезах недостатка нет. Согласно одной из них, например, в этом виновата огромная магнитная аномалия, расположенная в южной части Атлантического океана, между Кейптауном и побережьем Бразилии. Она-то, по мнению некоторых специалистов, и оттягивает в сторону, «выедает» часть заряженных частиц, пытающихся выскочить на «ничью землю» между поясами радиации.

А по другой гипотезе пояса существуют порознь потому, что причины их образования разные. Внутренний пояс возникает так: космические лучи врываются в верхнюю часть атмосферы — ту, что граничит уже с межпланетным пространством, начинают здесь взаимодействовать с атомами воздуха. Образующиеся нейтроны разлетаются, как брызги, во все стороны. На расстоянии около тысячи километров от поверхности Земли происходит их спад на электроны и протоны. Эти частицы и попадают в ловушку магнитного поля. Они и есть те странники, что путешествуют все время из полушария в полушарие.

Внешний же пояс согласно этой гипотезе возникает иначе. Ведь известно, что Солнце постоянно бурлит. Оно выплескивает временами языки материи — солнечную плазму, устремляющуюся в нашу сторону от светила со скоростью 1 000 километров в секунду.

От взаимодействия плазмы с магнитным полем Земли рождается согласно этой гипотезе внешний радиационный пояс. Разное происхождение — разное и «местожительство», говорят сторонники этой гипотезы.

Впрочем, проведенные недавно исследования показали, что четкое разделение на отдельные пояса не всегда удается обнаружить. Временами пояса как бы нарушают свои границы и незаметно переходят один в другой. Тогда, очевидно, двугорбый «верблуд» на время превращается в одногорбого.

Мы еще не дали характеристику частицам, которые «населяют» пояса. Самые разнообразные приборы и счетчики, которые ученые погружали в эти радиационные «резервуары», рассказали, что в различных поясах живут различные частицы.

Внутренний пояс содержит главным образом протоны. А во внешнем поясе протонов очень мало. Главные его «живтели» — электроны.

Нрав у поясов различный. Внутренний отличается большей уравновешенностью. За целый год количество населяющих его частиц может постепенно измениться не больше чем в два-три раза в ту или иную сторону. А у внешнего характер куда более переменчивый: за какие-нибудь сутки число электронов здесь может подскочить или упасть в десяток раз.

Дело, видимо, в том, что внешнему поясу приходится постоянно «выяснять взаимоотношения» с Солнцем. Светило нередко по причинам нам пока неизвестным «возбуждается». И тогда неожиданно во все стороны устремляются порывы «солнечного ветра» и ливни заряженных частиц.

Настоящий вихрь «солнечного ветра» врывается в нашу магнитосферу, прорывает передний край обороны внешнего пояса, «вминает» магнитные силовые линии в сторону Земли, и тут-то прилетевшие заряженные частицы попадают в ловушку радиационных поясов.

Аэрономия — наука молодая, ей нет и десятка лет. А явления, изучаемые ею, развиваются в продолжение многих тысячелетий. То, что удалось открыть во время Международного геофизического года и сразу после него, происходило в пору очень высокой солнечной активности. Но в такое время часто одна магнитная буря «накладывается» на другую, и разобраться, что к чему, где причина и где ее следствие, нередко бывает невозможно. Зато в год, когда Солнце спокойно, проследить за бурей гораздо легче.

Вот почему с таким нетерпением ждут геомагнитологи и ионосферисты, гелиофизики и метеорологи, специалисты по космическим лучам и полярным сияниям, что принесут им наблюдения в период Международного года спокойного Солнца (МГСС).

ГЛУБОКАЯ РАЗВЕДКА

Если центральным событием МГГ был запуск по его программе первого в истории советского спутника, то не успел истечь и первый месяц МГСС, как в окрестности Земли вышли «Электрон-1» и «Электрон-2».

Главная цель запуска этих советских спутников-близнецовых как раз и есть исследование лучистой оболочки Земли. Не случайно они выведены одновременно и на такие различные орбиты. «Электрон-1» удался от Земли на 7 тысяч, а «Электрон-2» — почти на 70 тысяч километров.

«Электрон-1» зондирует внутренний пояс радиации, а его «собрат» в то же время пронизывает внешний. Приборы на них установлены аналогичные. Орбиты спутников рассчитаны таким образом, что, когда один из них идет к Земле, другой удаляется от нее. Таким образом и создается возможность ответить на те вопросы, которые волнуют ученых: что же происходит с радиационными зонами, особенно с внешней, во время магнитных бурь, каким образом поток частиц, посланных Солнцем, влияет на магнитосферу, наконец, почему радиационные кольца нашей планеты так отличаются друг от друга.

Новая наука накапливает факты, разрешает возникшие проблемы, рождает новые. Познание мира продолжается.

ЗАГАДКИ ПУСТЫННЫХ

Г. МЕТЕЛЬСКИЙ

Светлый и редкий лес окружает лагерь. Он растет прямо из камней и мха, из кочек и гулких пустот между каменными плитами. Это лес, где деревья умирают не от руки дровосека, а от старости или пожара. Упавшие стволы с растопыренными голыми ветвями преграждают путь. Карликовая березка цепко хватает за ноги. Плотной стеной встает пахучий багульник.

К озеру Балбан-Ты уже протоптана тропка, которая зарастет сразу же, как только мы снимемся с лагеря. Я иду по ней к берегу и смотрю на зеленстватую бугристую воду, на сгустки пены, сбитой ветром.

Дно озера все в чешуйках слюды, в блестках, которые мерцают, искрятся, как море в лунную ночь. Всюду камень... Мы идем по нему, он под нами, с боков и наверху, там, где начинаются горы и где серые скалы зябко кутаются в поношенную шубу

хилого леса, и еще выше, где уже нет ни леса, ни карликовой березки, ни травы.

Мощные сахарно-белые кварцевые жилы перерезают скалы, блестят на свету, резко выделяясь среди темных гнейсов и зеленых лишайников. Кварц изъеден, выщерблен, облизан ветрами. В одном месте громадная глыба его вывалилась из жилы, образовав дыру, через которую видно небо: огромное голубое око смотрит на нас с высоты.

Серые химеры застыли на склонах. Вот свесило птичью голову «существо» с туловищем человека. Осклабилась в дикой улыбке рычащая морда фантастического зверя. Гигантский указательный палец молчаливо поднят вверх.

Это останцы, каменные фигуры, изваянны природой. Ветер и вода выдули и вымыли все, что поддавалось их совместным грозным усилиям, и осталось лишь самое крепкое и прочное. Местные жители издавна

ВЕРШИН

Фото автора

окрестили останцы неблагозвучным именем «болваны» или же «балбаны». Их много вокруг. Они полукружьем охватывают местность, поднимаются террасами, ступенями, все выше и выше, все с большей высоты взирают они на озеро, названное их именем — Балбанс-Ты.

А за «балбаниями», за пиками — уже совсем незнакомая местность.

К действительности меня возвращает громкий голос Николая Григорьевича Чочиа:

— Товарищи, оглянитесь!.. Какая красота!

Мы уже в чаще гор, внизу лежат те вершины и лысины, по которым мы недавно шагали, стали видны новые озера, целая цепь их на востоке — там бедная северная тайга, Сибирь. А вот и Балбанс-Ты.

Где-то там на берегу оставленный нами лагерь, палатка, в которой, наверное, отдыхает наш повар Костик, костер.

К озеру Балбанс-Ты мы добрались самолетом, а сегодня вышли в многодневный маршрут к главному

хребту Приполярного Урала. Мы здесь не одни. Где-то в этих краях сейчас работают семь партий ямало-ненецкой экспедиции; в этом году они изучают площадь, равную Дании. Возможно, где-то рядом, за соседним хребтом, белеют палатки других изыскателей. Но что значит семь партий, семь людских островков среди неоглядного каменного моря!

Впереди идет Чочия, за ним Наливкин, сзади Лазуров, потом Валерий и, наконец, я, замыкает кавалькаду Ваня Кузин.

1963 год юбилейный для Николая Григорьевича. Двадцать пятый сезон подряд шагает он по тундре и тайге в поисках нефти и газа. Двадцатый год носит он вот этот геологический молоток, что сейчас заткнут за пояс.

Первым учителем Чочия в геологии был Василий Дмитрич Наливкин. Позавидуешь, как легко идет по тайге этот высокий, худощавый, любящий шутку человек.

— Это человек, о котором я мог бы рассказывать часами, — говорит о Наливкине Чочия.

Жаль только, что в маршруте так мало не только свободных часов, но и минут. Я с трудом выуживаю у Николая Григорьевича самую малость... Внук известного русского геолога Василия Алексеевича Наливкина и сын знаменитого советского геолога академика Дмитрия Васильевича Наливкина... Крупнейший тектонист... Бывший чемпион Ленинграда по лыжам... Главный разведчик нефти на западных склонах Урала — в Башкирии, Пермской и Свердловской областях... Отличный стрелок и автор прекрасных любительских фильмов о нашей Родине.

Николай Григорьевич медленно роняет эти сведения, пока я, раскрыв блокнот, иду рядом.

Уже позже я узнал, что Наливкин и группа его товарищей стали лауреатами Ленинской премии. Они полу-

чили ее за научное обоснование перспектив нефтегазоносности Западно-Сибирской низменности и открытие Березовского газоносного района.

— Товарищи, ищите гальку! — напоминает Ваня.

Все наше путешествие предпринято ради одного — найти гальку. Ведь она где-то тут, рядом, на пустынных и грустных вершинах Приполярного Урала...

Кто бы мог подумать, что эти округлые серые камешки способны рассказать о далеком прошлом Урала, ответить, поднимался он или нет!

По всей Сибири до Дальнего Востока, по всей Европейской части СССР до Печорской впадины встречаются обнажения морских четвертичных пород. Еще миллион лет назад вся эта огромная территория была залита водой. Постепенно земная кора поднялась, и море ушло. Но как? Ученые до сих пор не могут ответить на вопрос, еще неясно, поднималось ли все дно или отдельные его части. Иными словами, дышала ли эта машина всей грудью или же у нее надувались только отдельные желваки.

Кузин в своей кандидатской диссертации доказывает второе.

Он считает, что Урал был в ту эпоху невысоким архипелагом, затерянным в гигантском море. Последний миллион лет эта страна поднимается, растет, причем довольно своеобразно — быстрее в своей осевой части и медленнее по сторонам.

Вместе с Николаем Григорьевичем они с карандашом в руках рассчитали высоту этого поднятия и нашли, что она равна примерно 850 метрам. Впрочем, еще в сороковых годах нашего столетия геолог Н. А. Сирин назвал примерно ту же цифру. Появилась необходимость подтвердить это практически. Последние годы Кузин побывал в верховьях Шучьей, Усы, Соби, Войкара...

— И что вы там делали?

— Искали гальку...

Всюду, где поднималась земля, море оставляло свои отметки, свои визитные карточки — гальку. Она осталась лежать и на высохшем ровном дне, потом ее завалили другие, более поздние породы. Они тоже «дышали» — поднимались, кренились, опускались, и галька, наподобие начинки в испеченном на противне пироге, послушно следовала за ними. Она повторяла, копировала движения своего бывшего ложа — морского дна, и каждая находка галек равнозначна обнаружению дна шумевшего тут моря.

И снова гремят под ногами плиты. Снова печет солнце. Снова, едва спустившись в лощинку, мы увязаем в пружинящем месиве полярной берески.

Уже давно позади верхняя граница леса. Мы шагаем по горной тундре, по глинистой каменистой пустыне, поросшей лишайником. Еще час, еще, еще... Только поздно вечером Николай Григорьевич показывает место ночевки. Оно глубоко внизу, в зеленой полосе леса.

Спускаемся. Кругом веселые березы, елки — их так приятно встретить после голых плоских вершин.

Григорий Иванович с удовольствием сбрасывает с плеч пудовый рюкзак и прихорашивается.

— Добравшись до границы леса, можно бриться и надевать галстуки. Начинается жизнь иного порядка, — говорит он.

Впрочем, порядок жизни не очень отличается от обычного. Ваня с Василием Дмитричем ставят палатку, я помогаю Лазикову рубить еловые лапы. Чочия собирает сушки, Валерий варит манную кашу.

Утром начинается дождь. От влаги отяжелел и провис брезент палатки, до него теперь нельзя дотронуться изнутри — сразу же протечет. Мокра земля, мокры и скользки камни.

— Товарищи, — предупреждает Чочия, — будьте предельно осторожны на осыпях. — Он разворачивает карту. — К сожалению, они нам будут встречаться довольно часто.

Мне кажется, я никогда не забуду уральских осипей в серый дождливый день. Они начинаются сразу же, едва мы, погасив тлеющие ветки костра, покидали лагерь. Наш путь идет вверх: надо наверстывать те

Двадцать пятый сезон шагает по тундре и тайге Николай Григорьевич Чочия.

200 метров, с которых мы вчера скатились к верхней границе леса. 200 метров! Какой пустяк, если ровны и пологи склоны. Но гору, на которую нам надо подняться, не оговаривают тропы, она не дала приюта ни деревцу, ни кустику, ни травинке. Камни, одни камни...

Путь по-прежнему выбирает Чочия. То и дело слышится его предупреждающий голос:

— Сюда не ходите, здесь ненадежно.

Внимание напряжено до предела. Я стараюсь идти в ногу с Валерием, ступаю на ту же грохочущую, неверную плиту, спотыкаюсь о тот же камень, взмахиваю руками на том же месте, что и он. Только бы не поскользнуться, не попасть ногой в щель!

Плиты противно, со скрипом шевелятся под тяжестью шести человек. Некогда любоваться природой, открываящейся панорамой.

Но проходит время, и глаз привыкает постепенно оценивать надежность того камня, куда предстоит поставить ногу. Идти становится легче.

Впереди в голубоватой и фиолетовой дымке — главный хребет Приполярного Урала. Он еще за полукружием холмов, увенчанных куполообразными голыми шишками, но уже давно чувствуется его резкое дыхание. Все яснее, различимее детали. Рисунок утрачивает бытую окружность, спокойствие; глаз начинает примечать не только пятна снега, длинными языками заходящего в похожие на бархатные складки долины, но и отдельные, должно быть, огромные выступы скал, террасы, ступенями поднимающиеся к тому высшему острому гребню, откуда одновременно видны обе части света.

В редкие минуты отдыха мы стоим, оборотясь к хребту лицом, без слов и возгласов. Щелкают затворы аппаратов, жужжит кинокамера...

В этот же день перед концом затянувшегося маршрута мы находим гальку. Я до сих пор вижу перед глазами похожую на другие голую вершину, вымыщенную плитами, и слышу торжествующий, неестественно громкий голос Вани:

— Галька!

— И еще сколько! — сразу же подхватывает Николай Григорьевич.

Геологи пришли на «рабочую точку».

Василий Дмитриевич Наливкин — один из первооткрывателей сибирской нефти.

Это первая находка за три дня поисков.

Кажется, природа хочет возместить наши прошлые неудачи. То тут, то там лежат окатанные камни величиной с крупный булыжник, с кулак, совсем маленькие.

Валерий откалывает от галек небольшие куски. В Ленинграде, в лаборатории образцы исследуют и точно определят их минералогический состав.

— А если их нес ледник? — Григорий Иванович поднимает на Наливкина внимательные глаза.

— При чем тут ледник! — горячится Ваня.

Лазуков демонстративно спокоен.

— Я понимаю, Ваня, ваше желание найти именно морскую гальку. Но, — он разводит руками, — не стоит делать скоропостижных выводов.

Мне кажется, что Григорий Иванович нарочно берет на себя роль оппонента, он хочет добиться правды в споре, в острой словесной перепалке.

— Как известно, Ваня мне друг, но истина дороже.

Суть в том, чтобы выяснить, откуда попала сюда галька.

Спор этот давний, затяжной, и ведут его, по существу, не Григорий Иванович Лазуков с одной стороны и Ваня Кузин — с другой, а два крупных «лагерь» геологов. И спорят они не о маленьких гальках, рассыпанных под нашими ногами, а о большой и сложной проблеме — было ли оледенение на Урале и Западно-Сибирской низменности. Или иначе: какая галька является у нас под ногами — «морская» или «ледниковая».

Вопрос трудный, и, спасая меня от возможных ошибок, Николай Григорьевич не просто рассказывает, а диктует. Я срочно устраиваюсь на плоской плите и раскрываю блокнот.

— Итак, мы подошли ко второй задаче, стоящей пе-

ред нами в этом маршруте: выяснить, есть ли здесь следы недавнего оледенения. Некоторые геологи считают — записали? — что весь север Западно-Сибирской низменности был занят покровным ледником, трижды спускавшимся с возвышенностей Урала, Новой Земли, Таймыра. А. И. Попов, а затем Григорий Иванович (взгляд в сторону Лазукова) доказали, что практически вся центральная часть Западной Сибири ледником не покрывалась, если не считать языка между Уралом и Обью, доходившего до Оби лишь в одном месте.

Чочия говорит сосредоточенно и без запинки. Он медленно ходит вокруг меня, меряет крупными шагами площадку.

— Записали? Дальше... Многолетними работами нашей ленинградской экспедиции номер пять Всесоюзного нефтяного научно-исследовательского геологоразведочного института уточнены предположения Григория Ивановича, который, по нашему мнению, несколько завысил площадь распространения ледника. Через Обь ледник не проходил, больше того, он не выходил за пределы собственного горного Урала... Надеюсь, я не искажаю ваши мысли, Григорий Иванович?

Лазуков машинально кивает головой. Он снимает дымчатые очки и подносит к глазам очередную гальку. Как она попала сюда?

Если ледника на Урале не было, в чем же тогда со мнения Григория Ивановича?

Чочия улыбается.

— Мы считаем, что на Урале не было покровного оледенения. Но когда климат на земле становился холоднее, местные горные ледники, конечно, хозяйничали и тут.

Что ж, остается выяснить происхождение гальки — принесли ее сюда уральские ледники или оставил море. Но это уже не здесь, а в Ленинграде.

...Казалось бы, кому нужда спорить о том, что было в этих неприветливых местах миллионы лет назад! Об оледенении, гальках и валунах.

Но в науке нет второстепенных вопросов, и то, что не привлекает внимания сейчас, может со временем стать проблемой первостепенной важности. Та самая галька, которая бесполезно валяется на плоских вершинах, скажет ученым о возрасте горных террас. На карте появятся террасы-близнецы, родившиеся в одно и то же время. Прослеживание таких террас от Западно-Сибирской низменности к Печорской через Уральский хребет, измерение их абсолютных высот в возможно большем числе точек позволит определить, насколько и как поднялись террасы. Остались ровными или выгнулись наподобие верблюжьего горба? Отсюда один шаг до выводов огромной практической важности. Если есть «горб» снаружи, то очень возможно, что он есть и внутри, на глубине нескольких километров. Именно такие «горбы», такие опрокинутые вверх дном корыта ищут геологи. Это и есть структуры, которые могут служить вместилищем нефти и газа.

Находка гальки изменяет наши сегодняшние планы.

За утренним чаем вырисовывается идея — разделиться. Чочия, Наливкин и Лазуков пойдут одним маршрутом, Ваня и Валерий — другим, я при желании могу совершить увеселительную прогулку вдоль Малой Тыкотловы и даже подняться на соседний вал, последний перед хребтом.

Быстро проходит ночь, и лагерь пустеет. Я тоже отправляюсь в свой маршрут, в сторону хребта. Заблу-

ЮРИЙ ТРИФОНОВ

Дети доктора Гриши

Рассказ

Он единственный доктор на площади примерно в пятьдесят тысяч квадратных километров. Правда, эта площадь — пустыня.

Его знают все чабаны, верблюдчики, изыскатели, шофера и буровики, блуждающие на пространстве от Донаты до Казанджика и на север, до самых дальних колодцев. И все они называют его «доктор Гриша».

В тот день, когда привезли чабана со сломанной ногой, доктора Гриши не было в лагере. Он уехал в Ашхабад. Его вызвали для того, чтобы перевести на другую работу, в город. Все в лагере были опечалены.

Ходжа-Кули Насруллаев — так звали чабана — сломал ногу, упав с ишака. Это случилось далеко в песках. Ходжа-Кули пополз к тропе, но вскоре выился из сил и лег. Он снял свою косматую, из черного бараньего меха шапку — «тельпек», надел ее на чабансскую герлыгу и стал ждать, когда кто-нибудь его заметит. Ишак куда-то ушел. В полдень чабана заметил шофер грузовика Липатов, который вез в лагерь рабочих.

Медсестра Лариса определила перелом и вызвала по радио самолет санитарной авиации. К вечеру прилетел «ПО-2». В столовой появился молодой загорелый летчик с глазами светлыми и треугольными, как у рыси.

Он пил пиво и рассказывал о катастрофах, которые случались с ним в песках. Начинал он так:

— Погода была следующая: низкая облачность, метров триста-четыреста, ветер северо-западный...

Сложность заключалась в том, чтобы заставить Ходжа-Кули сесть в самолет. Он не хотел никуда ни лететь, ни ехать до возвращения доктора Гриши. И вообще он не хотел знать никакого врача, кроме доктора Гриши. Утром в воскресенье мы пришли его уговаривать: медсестра Лариса, местный учитель Чарыев, летчик и я.

В юрте было дымно. Ходжа-Кули лежал в углу

диться трудно: с одного боку гремит Тыкотлова, с другого — высится поросший лесом горный вал.

Бурелом и древесная неразбериха сразу же окружают меня. Стоят высохшие на корню ели с голыми, поникшими, как у плакучей ивы, ветвями. Жмется к каменистой земле плотный можжевельник. Высоченные кочки. Глушь. Настороженная тишина.

Одиночество, как известно, наводит на размышления. Я думаю, что и здесь до нас, наверное, никто не бродил, что мы первые, и некоторое тщеславие закрадывается в душу.

И вдруг на влажной глине замечаю отчетливый отпечаток лошадиной подковы. Я ошарашенно смотрю вокруг. Да ведь это же лесная дорога! Нет, не асфальт, не бульжник, даже не пыльный проселок, а всего лишь глухая, едва приметная тропа. А это что? Рядом с отпечатком подковы узор подошвы резинового сапога. Значит, не так давно здесь прошли люди. Они разговаривали между собой, может быть пели песни... Вот тебе и «первые»!

По тропке идти легко и весело. Звенят кузнецы в траве. Муравьиные кучи величиной с крупные кочки разбросаны по лесу.

Мои часы взял Ваня, и, чтобы иметь хоть какое-либо представление о времени, я мажусь диметилом («комариной жидкостью») и наблюдаю, когда меня снова начнут донимать комары. Жидкость действует примерно час. Потом все повторяется сначала, второй раз, третий... Пожалуй, можно и вернуться в лагерь.

Солнце печет, как в первый день маршрута. Парит. Душно пахнет нагретым березовым листом.

Я лезу в накаленную палатку и с удовольствием вытягиваюсь, все-таки приятно после ночной тесноты

принять позу, какую тебе заблагорассудится. Назойливо звенят комары, некоторое время они выются дымкой возле лица, а потом куда-то исчезают. С чего бы это?.. В палатке душно, и жара быстро смаривает меня.

...Просыпаюсь я от нестерпимого холода. Гулко барабанит по брезенту дождь. Перекрывая гул реки, шумит и свистит в ветвях ветер. Он налетает порывами, и тогда раздается глухой треск — это ломаются и падают деревья... Вот почему исчезли из палатки комары: они почувствовали приближение ненастя и помчались укрываться под свои травинки; брезент им показался не слишком надежной крышей.

Надо оглянуться. Наскоро вылезаю из палатки, и сразу же порыв ветра бьет меня по лицу. С дождем косо несутся на землю расплюзшиеся крупные хлопья. Этого еще не хватало — снег в июле!

В той стороне, куда ушли товарищи, почти темно. Тучи бегут со скоростью самолета. Гор почти не видно, они в тумане, в дожде, в серой пелене снега. Там, в этой воющей мгле, пять человек. А что, если они на осыпях? Или лезут над пропастью, прижимаясь к скалам? А кругом туман. Свистит ледяной вихрь.

— Э-эй! Э-эй! — кричу я.

Но что значит человеческий голос, когда рядом гремит вздувшаяся река и воет ветер!

Тревожные мысли невольно лезут в голову. Как долго ждать товарищей? До вечера? До утра? А если не вернутся и утром, что тогда? Где искать, кого звать на помощь?

Проходит какое-то время. В тревожном ожидании оно никогда не поддается правильному учету. По-прежнему шумит ветер, но дождь как будто стих, и к ровному гулу реки примешиваются какие-то чуже-

юрты, выставив из горы кошм и тряпья свою черную бороду, и глядел на нас подозрительно. Его жена, совсем старуха с виду, сидела на корточках перед очагом, разложенным посреди юрты, и пекла хлеб.

Учитель Чарыев говорил по-туркменски. На все его уговоры Ходжа-Кули мотал головой и цокал.

— Говорит, доктор Гриша придет — сделает как надо, — объяснил Чарыев и в раздражении закричал на чабана: — Доктор Гриша тебе святой аллах, что ли? Тебе в больницу надо!

— Ай, доктор Гриша знает...

— Доктор Гриша не может наложить вам гипс! — закричала медсестра Лариса. — Понимаете? У вас серьезная травма! Вы можете остаться хромым на всю жизнь!

Все было бесполезно. Летчик, стоявший сзади, зашептал мне в ухо:

— Берем его нахалом: вы за ноги, а я под мицки...

— Да нет, — сказал я. — Нельзя же за ноги.

— Ну его к черту! — сказал Чарыев, бледный от злости. — Пускай остается, если такой человек!

Когда мы вышли из юрты, Лариса разрыдалась. Она сказала, что доктор Гриша будет ее сильно ругать. Летчик поглядывал на небо: надо было скорее лететь, начинялся сильный ветер.

Через день приехал доктор Гриша. Я был знаком с ним раньше. Он высокого роста, седой и такой сутулый, что кажется горбатым. У него водянистые голубые глаза в красноватых веках.

Доктор Гриша и Лариса прошли в юрту Ходжа-Кули, и вскоре оттуда раздались громкие голоса и крики.

Первым появился доктор Гриша. Размахивая длинными руками, он гневно кричал:

— Какого дьявола! Не разглядеть простейшей симуляции! И вам не стыдно? Позор! К тому же вы не знаете людей: этот Ходжа-Кули сам лучший костоправ!

Лариса, спотыкаясь, бежала сзади.

— Какой срам! Будущий врач!

Гриша орал так громко, что из соседних юрт по-вылезали люди и где-то залаяла собака.

Перед сном я зашел к доктору сыграть партию в шахматы. Он лежал в очках на койке и читал книгу. Я спросил, как его дела и остается ли он в лагере. Он сказал, что остается.

— Куда ои них уедешь, от этих разбойников?

Мы расставили шахматы. Доктор Гриша играл в шахматы азартно, но плохо. Он подолгу, мучаясь, думал над каждым ходом. Я спросил, зачем Ходжа-Кули понадобилось симулировать перелом ноги.

— Зачем понадобилось? — спросил доктор Гриша.

— Ну да, — сказал я. — Зачем ему это?

Доктор Гриша поморгал, глядя на доску.

Он взял фигуру и стал тереть ею лоб. Руки у доктора Гриши были такие же коричневые, как у чабана, и на одном пальце — кольцо. Доктор сделал ход и посмотрел на меня с тайным торжеством: ему казалось, он сделал очень глубокий ход.

— Интересно, — сказал я. — Подумаем... Так зачем?

— Зачем? Зачем? Такая дурацкая история. Когда я сказал, что остаюсь на медпункте, он вскочил на ноги и стал трясти мою руку. Разве, говорит, отец бросит своих детей? Нет уж, избавьте меня от таких детишек, — сказал доктор Гриша. — Ваш ход или мой?

— Теперь ваш.

— Ага. — Он склонил над доской седую голову. — От таких детишек вы уж меня избавьте.

ВСЕМИРНО „НЕИЗВЕСТНЫЙ“

РОМАН БЕЛОУСОВ

Немало загадок таит в себе мир литературы, они как «белые пятна» на карте. Есть в этом мире и свои Колумбы, неутомимые «книгопроходцы», капитаны книжных морей, открыватели литературных «земель».

Его книгами зачитывались во многих странах — они были переведены почти на тридцать языков и изданы тиражом в 25 миллионов экземпляров, но подлинное имя автора оставалось загадкой. На вопрос, кто такой Б. Травен, отвечали: всемирно известный «неизвестный» писатель.

С произведениями Б. Травена знакомы и советские читатели. На русском языке были изданы его романы «Сборщики хлопка», «Восстание повешенных», «Клад Сиерры Мадре», «Проклятое золото», «Поход в страну Каоба».

В книгах Б. Травена привлекает правдивое изображение жизни Мексики. Писатель рассказывал о тяжелых усилиях, в которых трудятся мексиканцы: рабочие-лесорубы, пеоны. Б. Травен служил тираннию, расизму. Прогрессивный мексиканский журнал писал, что «ни один мексиканец, ни один иностранец еще не изобразил мексиканскую действительность с такой правдивостью».

Рет Марут.
Фото 1915 года.

«Генеральный уполномоченный»
Б. Торсан. Снимок, сделанный Лусом Спотой в 1948 году.

И тем не менее личность автора этих книг, его подлинная биография почти четыре десятилетия оставались неизвестными.

Кто же он? Кто скрывается под именем Б. Травена?

Усердные литераторы штудировали книги Б. Травена, стараясь найти в них разрешение загадки. Частные детективы обследовали целые области Мексики, где, как было известно, жил писатель. Дотошные reporters охотились за каждым «подозрительным», в ком им виделся таинственный автор романов. Но все было напрасно.

Травен бежал от славы. Это казалось неправдоподобным в мире бизнеса, было похоже на парадокс.

Нередко через печать с ним пытались вступить в разговор, задавали вопросы: кто он, где скрывается, почему? Травен требовал на страницах газет, чтобы его оставили в покое, прекратили охотиться за ним.

«Я чувствую себя рабочим среди людей, — говорит Травен, — безвестным и неназванным, как каждый рабочий, который вкладывает свою долю в движение человечества к прогрессу».

Стремясь раскрыть загадку Травена, расшифровать буквы «Б. Т.» — так иногда подписывался этот человек, — литературный мир создал не одну легенду. У него были двадцать две «достоверные» биографии. Одни утверждали, что под этим псевдонимом скрывается американский моряк, другие заявляли, что Травен — это бывший русский князь, по мнению

родные звуки. Нет, это не ветер, это явно кто-то прощается через чащу!

Первым показывается Чочиа, за ним Наливкин, за ним Лазуков.

— Ваня и Валерий не вернулись? — встречает меня вопросом Николай Григорьевич. Он озабочен и вымотан до крайности. — Там, — он машет в сторону хребта, — что-то невообразимое. У вас снег был?

— Братцы! Прежде всего давайте-ка костер, — говорит Василий Дмитрич.

Груда заготовленного сушняка лежит под елкой, и через минуту огромный столб пламени поднимается в небо.

Я помогаю Василию Дмитричу стянуть насквозь промокший непромокаемый плащ. С кепки, с рубахи, со штанами — отовсюду капает, льется вода. Сухой осталась только кинокамера, Василий Дмитрич осторожно достает ее из-за пазухи.

— Кадры — во! — Он по-мальчишески показывает посиневший большой палец. — Четыре кассеты снял!

Около костра на шестах развесиваются штаны, трусы, носки, все мокрое, ни на ком не осталось живой нитки. Рубахи, оказывается, удобнее всего сушить не снимая — подставить к огню спину, потом бок,

потом грудь. Пар клубами окружает полуголые фигуры.

О пережитом все трое рассказывают короткими отрывистыми фразами:

— Отошли мы недалеко. Смотрим, туман вползает. А с ним шутки плохи. Мы бегом домой...

— Ветер там такой силы, что подхватывает и несет черт знает куда.

— Дождь был, как град, крупный...

Николай Григорьевич беспокойно поглядывает на запад — не развиднелось ли? Но там все так же темно и мрачно.

— Если не придут через полтора часа, пойдем искать!

Время в таких случаях, как правило, не тянется, а бежит стремглав. Еще не успели как следует высокнуть ботинки и сапоги, не весь опорожнен чайник, а намеченный срок уже вышел. Николай Григорьевич смотрит на часы:

— Ну что ж, давайте собираться. — Он очень серьезен и сосредоточен. — Берем сухие вещи, немного еды...

Ветер дует с прежней силой. Из набежавшего черного облака хлещет косой яркий дождь.

Хол Кровс, он же Б. Торсван, на премьере кинофильма, снятого по роману Б. Травена. Гамбург, 1959 год.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ МИСТИФИКАЦИИ МНОГОЛИКИЙ ТРАВЕН ТАЙНА, РАЗГАДАННАЯ РЕКНАГЕЛЕМ

нию третьих, он потомок Гогенцоллернов, осевший в Мексике. Ходили слухи, что популярные романы написаны одним из президентов этой страны или целым писательским концерном — дело даже дошло до оглашения имен и публикации фотографий. Наконец, находились фантасты, которые доказывали, что Травен — это не кто иной, как сам Джек Лондон, который только якобы симулировал самоубийство и, спасаясь от кредиторов, скрылся в мексиканских джунглях.

Несколько лет назад в ГДР проблемой Травена занялся лейпцигский литературовед Рольф Рекнагель.

Изучая литературу периода ноябрьской революции 1918 года в Германии, Р. Рекнагель наткнулся на статьи незнакомого журналиста, ли-

тературный стиль которых показался ему похожим на стиль Б. Травена. С этого и начался поиск в архивах, опрос многих лиц, сопоставление множества фактов...

* * *

У писателя Травена было несколько «генеральных уполномоченных». Они вели все его дела, переписку с издателями. Берник Торсван, он же Хол Кровс, был одним из них.

Человек этот жил в Мехико, появлялся в темных очках и всячески избегал фотографов. Лишь дважды удалось его сфотографировать.

Было известно, что Б. Травен имеет свой сейф в «Банко де Мехико». Ка- залось нетрудным проследить за владельцем сейфа. Выполнить этот план взялся мексиканский журналист Луис Спота. След привел его на модный курорт Акапулько. Здесь, у дороги, ведущей в Мехико, была расположена гостиница с парком. В глубине его журналист увидел скромный домик с черепичной крышей. В нем под охраной свирепых

псов жил странный отшельник. Не сразу удалось журналисту поговорить с обитателем дома, проявившим чрезмерную подозрительность и осторожность. Но именно этот человек и оказался тем, кому принадлежал личный сейф в банке. Более того, сюда поступала вся корреспонденция на имя Травена, проходившая предварительно через несколько промежуточных адресов и доставлявшаяся специально подобранными посыльными.

В доме стояли простой стол, стулья, громоздились горы книг. Обитатель его, оказавшийся не кем иным, как Берником Торсваном, заявил журналисту, что Б. Травен его двоюродный брат, что он болен и живет в Швейцарии.

Во время этой «операции» Л. Спота удалось тайком сделать несколько снимков Торсвана. Они появились на страницах мексиканского журнала «Маньян» в 1948 году вместе с сенсационной статьей.

После этого случая Торсван вернул банку ключ от сейфа и скрылся. В то же время в одной из газет мексиканской столицы появилась его статья — ответ на разоблачение Л. Споты. «Автор книг, о которых пишет Спота, — говорилось в статье, — покинул Мехико в 1930 году из-за серьезных недоразумений с властями и некоторыми частными лицами». Далее следовало объяснение того, почему большая часть корреспонденции писателя Б. Травена пересыпается через Мехико. Делалось это будто бы для того, «чтобы зарубежные издатели думали, что Травен живет в Мексике. Таким образом, его произведения покажутся им более достоверными». С некоторых пор, писал Торсван, писатель живет чрезвычайно замкнуто, в полном бездействии. «Я не имею права раскрыть, что побуждает его вести такой образ жизни, ибо это могло бы нанести ущерб его интересам». А в

— Тех, кто поступает в геологические вузы, я сперва посыпал бы вот в такой маршрут. Глядишь, и отсеется кое-кто. Конкурс сократится, — говорит Василий Дмитрич.

— Это ты прав, Вася. Но по-моему... — Николай Григорьевич смолкает и прислушивается. — Товарищи, по-моему, спасательные работы откладываются на неопределенноное время!

Слышится громкий треск, кто-то неумело ревет медведем. Из кустов выходят виновато улыбающиеся Валерий и Ваня.

Никто не задает ни одного вопроса. Все ясно без слов.

— Немедленно раздевайтесь, — распоряжается Чо- ча. — Есть горячий чай. — Он наливает две кружки.

— Сейчас бы глотнуть чего-нибудь другого, — стучат зубами от холода, улыбается Ваня.

— Чего-нибудь другого, к сожалению, нету. Очевидно, придется все же брать с собой некоторый запас... Для экстренных случаев.

Я подбрасываю веток в костер. Чо-ча достает из рюкзака приготовленные сухие рубашки, Василий Дмитрич приносит из палатки тоже сухие домашние туфли, одни на двоих.

— Быстро! Раз-два!

— Ну и холодина ж была!.. Бrrr! — поеживается от воспоминаний Валерий.

Ваня уже плачет вокруг костра.

— Мы под скалой с ним укрылись, думали, переждем, — говорит он. — Больше часа просидели. Продуло насквозь, под завязку. — Ваня проводит ребром ладони по горлу. — Потом тучи прямо к нам приползли. Ни черта не видно... Снег у вас был?

...Ночью ураган достигает наибольшей силы. Меня несколько раз будят налетающие шквалы. Мелкой дрожью трясется палатка — чего доброго, ветер вырвет колья. Шквалы следуют один за другим, без передышки. Они рождаются за хребтом, в тумане и мгле холодной высоты, и, накопившись, с силой взрываются в долину.

К утру ветер заметно утихает. Дождь уже не сеет, а тихо и монотонно падает на землю, перенасыщенную влагой. Вода хлюпает под ногами, все чашечки цветов, все листочки, обращенные к небу, наполнены дождем.

После завтрака мы прощаемся с переменчивым настроением главным хребтом Урала. Пора в обратный путь, на свое Балбан-Ты.

заключение автор статьи неожиданно заявил: «Есть основания думать, что писателя, быть может, уже нет в живых». Тем не менее десять лет спустя после этих событий «умерший писатель» выпустил новую книгу — роман «Аслан Норваль».

Второй случай, когда Торсвана удалось застать врасплох и сфотографировать, представился недавно в Гамбурге, в октябре 1959 года, когда он приехал под именем Хола Кровса, «генерального уполномоченного», на премьеру фильма, снятого по роману Б. Травена.

Одна загадка громоздилась на другую, путала след, сбивала с толку, мешала докопаться до истины. Но именно к этому и стремился тот, кто называл себя Б. Травеном. Ему удавалось сохранять тайну благодаря множеству хитроумных предосторожностей; он ловко надувал любопытных благодаря разработанной им сложной системе общения с внешним миром, в частности с издателями; пользовался несколькими почтовыми ящиками, из которых корреспонденцию доставали другие, прибегал к услугам подставных лиц, на чье имя переводились его гонорары из разных стран В анонсах на книги Б. Травена указывалось, что мексиканская издаательство принимает оплату за его романы только почтовым переводом на адрес Мехико, почтовый ящик 2520. Корреспонденцию из ящика с этим номером вынимала Эсперанца Лопес Матеос, сестра президента Мексики, доверенное лицо Б. Травена. Денежные переводы через банк от уполномоченных, в частности по Европе от недавно умершего издателя И. Видера, поступали на текущий счет хозяйки гостиницы и парка в Акапулько.

Когда же впервые появилось имя Б. Травена? Это произошло весной 1925 года на страницах берлинской газеты «Форвертс». Получив из Мексики рукопись романа «Сборщики хлопка», подписанного неизвестным именем «Травен», редакция решила ее опубликовать. С тех пор Б. Травен, по словам Р. Рекнагеля, стал одним из любимейших писателей немецких рабочих. Его книги издавались неоднократно, пока нацисты не запретили их в Германской Демократической Республике многие произведения Б. Травена переизданы и пользуются успехом читателей. Высоко оценивает, например, книги Б. Травена за их художественное и революционное значение известная писательница Анна Зегерс.

Как-то Б. Травен признался в письме своему немецкому издателю, что у него за время странствий по Мексике накопилось множество неоконченных рукописей. «Это были сочинения, которые я писал в периоды длительной безработицы. Писал для того, чтобы не ощущать непрерывных мук голода и не вспоминать по шестьдесят раз в час, что против безработицы и пустоты

в желудке никакого не помогают ни вера в господа бога, ни славословие в честь капиталистической экономики».

Книги Б. Травена подтверждают, что писатель хорошо знаком с жизнью различных районов Мексики, прекрасно знает ее историю. Не раз приходилось Б. Травену совершать путешествие по стране. Иногда пускаться в путь его заставляла нужда, подчас любопытство. «Тот, кто хочет познать душу дремучих зарослей и джунглей, — говорит Б. Травен, — их жизнь и песни, их любовь и смертельную ненависть, не должен жить в Реджис-отеле в Мехико; он должен углубиться в джунгли, любить их, обручиться с ними».

Так же часто разъезжал по стране и тот, кто называл себя Б. Торсвном. В качестве фотографа он, например, участвовал в экспедиции Альфонса Дампфа в глубь Мексики.

Немецкий литературовед, проанализировав множество разноречивых печатных сообщений и свидетельств и отобрав из них достоверные, проследил путь Б. Торсвана в Мексике.

И тогда оказалось, что маршрут его скитаний по этой стране странным образом совпадал с описанием мест и событий, встречающихся в книгах Б. Травена. Предположение о том, что «уполномоченный» Б. Торсван и писатель Б. Травен одно и то же лицо, явно имело под собой почву. В пользу этого говорили многие факты. Достаточно сказать, что в удостоверении, выданном Б. Торсвану в 1942 году, он значился как Б. Травен Торсван. Однако считать вывод окончательным и поставить на этом точку было преждевременно. Оставалось неразгаданным еще одно обстоятельство: писатель, скрывающийся под именем «Б. Травен», не был уроженцем Мексики. Его след вел через океан в Европу...

* * *

...Немецким журналистом, автором статей, стиль которых напомнил Рекнагелю стиль книг Б. Травена, был Рет Марут. До первой мировой войны он работал актером, потом выступал в прессе, печатал новеллы, эссе, статьи. В Мюнхене в течение нескольких лет с 1917 года он издает журнал «Цигельброннер». На его страницах он яростно обличает милитаризм, буржуазную печать, церковь. В одном лице Рет Марут совмещает автора и редактора, сотрудника и издателя, выступая под различными псевдонимами. Свои рассказы Рет Марут анонимно печатает в своем же издаельстве «Цигельброннер ферлаг», которое не было со ответствующим образом зарегистрировано. По словам людей, знавших Рета Марута в то время, его всегда окружала некоторая таинственность. Без какой-либо рисовки он заявлял, что у него «нет ни малейшего литературного честолюбия... Я хочу быть только словом». И откровенно предупреждал в своем журнале: «Не трудитесь посещать нас — вы никого никогда не застанете».

Со страниц журнала Рет Марут пламенно приветствует Октябрьскую революцию, он полон надежд, что и в Германии пролетариат возьмет власть в свои руки. С энтузиазмом встретил он образование Баварской Советской Республики. Рабочие избирают его в комитет по пропаганде. Когда же банды Носке ворвались в Мюнхен и республика пала, Рета Марута, как и многих, арестовали. Рет Марут был обвинен в государственной измене и приговорен к смертной казни. Ему удалось бежать. Некоторое время он нелегально выпускал свой журнал. Но полиция нападала на его след. Тогда Рет Марут скрывается сначала в Кёльне, затем в Берлине. Здесь он нашел пристанище у товарища, который дал ему свой паспорт и денег на дорогу. На другой день после отъезда Рета Марута из Берлина нагрянула полиция, она шла буквально за ним по пятам. Вскоре товарищ Рета Марута получил известие из Бельгии. Рет Марут сообщал, что паспорт у него украли. С тех пор он исчез из Германии...

Шаг за шагом шел исследователь по пути к разгадке. Р. Рекнагель проследил в деталях жизнь Рета Марута в Германии. Постепенно из пестрой мозаики отрывочных биографических данных возник портрет человека, жизненный путь писателя. Литературовед провел сравнительный анализ произведений Рета Марута и Б. Травена, обнаружил много общего в стиле и еще давнюю любовь к Мексике у первого и косвенные данные о жизни в Германии в книгах второго. Наконец, он сличил и опубликовал фотографии Рета Марута и Б. Торсвана. И мы можем убедиться, что перед нами снимки одного и того же человека, называвшего себя разными именами: Рет Марут, Б. Торсван, Б. Травен. Этот человек считал, что биография творческой личности не имеет никакого значения, если автора нельзя узнать по его книгам «У писателя», — говорил Б. Травен, — не должно быть иной биографии, кроме его произведений». Что же касается его жизненного пути, то, как говорит Б. Травен, он не принес бы никому разочарования.

В Мексике, ставшей его второй родиной, Б. Травен затерялся в девственных лесах Чиапас, жил среди лакандонов — индейского племени, которое, спасаясь от полного истребления, укрылось в джунглях, был сборщиком хлопка и золотоискателем, работал на нефтепромыслах и на лесоразработках в монтериях, был погонщиком скота в горах Сьерра Мадре, совершил походы в глубь страны с научными экспедициями. И всюду он изучал народ, его историю, наблюдал жизнь, о которой потом рассказывал в своих книгах.

Так было установлено тождество немецкого публициста Рета Марута и автора многих книг Б. Травена, которого мексиканский народ считает своим национальным писателем.

РАССКАЖИ, ЗЕМЛЯ, О СЕБЕ

(Окончание. Начало на стр. 38)

Ян Вольдемарович побывал на этом заводе. Он узнал, что при изготовлении нитей накаливания от вольфрама отделяется примешанный к нему молибден. Молибден сбрасывался в отходы. И таких «отходов» за год на заводе накапливалось до 60 тонн. 60 тонн молибдена! Это же достаточно для подкормки 60 тысяч гектаров! Я. В. Пейве обратился к комсомольцам и молодежи завода. Комсомол и добился, чтобы в дальнейшем молибден шел на поля.

Почин комсомольцев Рижского электролампового поддержали молодые передовики Львовского завода. Доброе дело нашло широкий отклик во всей стране.

Микроудобрения должны найти широкое применение — эта мысль заставила Пейве и его молодого помощника Гунара Ринькиса взяться за создание нового прибора для определения микроэлементов в почве. Тот, который Пейве сконструировал в довоенные годы, уже сделал свое дело. Теперь нужен был прибор, которым мог бы пользоваться не только ученый, но и каждый агроном.

Шесть лет ушло на создание нового прибора. И вот он, наконец, готов. Это небольшой ящик с набором реактивов и цветовой шкалой. Возьмет агроном пробу почвы, проведет реакцию — и через некоторое время видит, что пробирка, например, окрасилась в красный цвет. Шкала подсказывает, сколько в почве цинка. Еще ряд реакций — и агроном точно знает, какими микроэлементами

богата почва, каких «микродрузей» ждут растения. За создание прибора Я. Пейве и Г. Ринькис получили золотую медаль ВДНХ.

...Лаборатория, разместившаяся на одной из улиц старой Риги, была первой в нашей стране. Теперь у нее появилось много «сестер» в разных областях Союза.

* * *

Ковровая дорожка скрадывает шаги. Она ведет в глубь сводчатого длинного коридора. На одной из дверей табличка: «Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Я. В. Пейве».

Ян Вольдемарович подымается из-за стола. Быстрым широким шагом идет навстречу.

...Наверное, не в первый раз идет речь о науке микроэлементов в этом кремлевском кабинете. В шкафу целая полка занята книгами о микроэлементах. Есть тут и книга «Биохимия почв». Книга эта написана членом-корреспондентом Академии наук СССР лауреатом Ленинской премии Я. В. Пейве. Бережно обернутую в газетную бумагу, с карандашными пометками на полях, ее можно встретить в целинном совхозе, и в агрохимической лаборатории на Украине, и в научном институте Средней Азии. Книга Пейве — первый в мировой науке труд, обобщающий все известное о биохимических процессах в почве и микроэлементах. И хотя в книге приводятся весьма обширные сведения

о «микродрузьях», Ян Вольдемарович говорит:

— Мы еще у истоков знаний о микроэлементах. Огромные возможности таит в себе союз растений с бором, цинком, медью, марганцем. Скажем, обработка семян микроудобрениями не только увеличивает урожайность, но и одновременно повышает содержание белка в зернах злаков, жира — в семенах подсолнечника, крахмала — в кукурузе. Значит, впоследствии — но это, конечно, связано не только с применением микроэлементов — мы научимся влиять на физиологические процессы, происходящие в растениях.

Для нас, занимающихся микроэлементами, земля наша пока что во многом *terra incognita*.

Отдельными островками выделяются пока что на карте «неведомой земли» земли ведомые: Украина, Латвия, Московская область, Алтайский край, Башкирия.

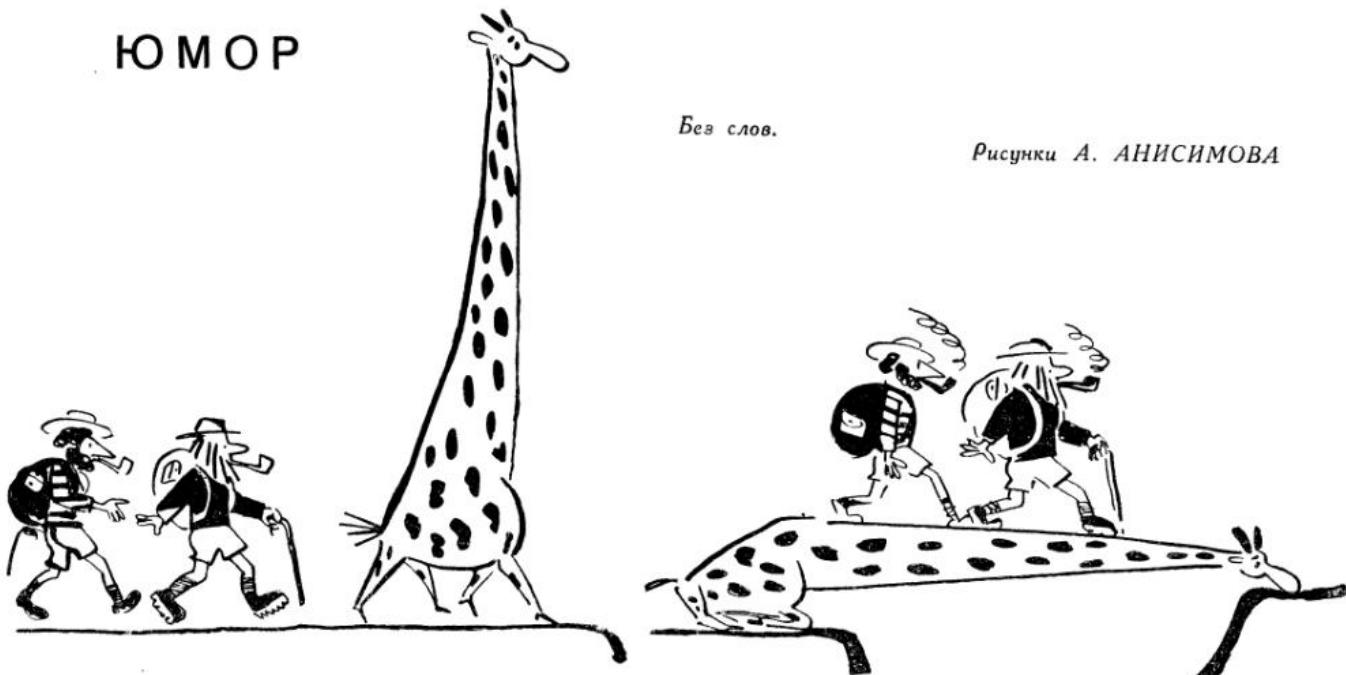
Сейчас предстоит составить точную микроэлементную карту всех наших земель, чтобы в каждом колхозе и совхозе знали, какие микроудобрения необходимы тому или иному полю.

«Микродрузей» ждут растения. И их ожидания не напрасны. Многие тысячи тонн борных удобрений уже сейчас дает в год Воскресенский химический комбинат. Винницкий и Сумский заводы посыпают полям марганцевые. Ростовский завод — цинковые микроудобрения, а Сорский комбинат, который построят в Красноярском крае, обеспечит потребность в молибденовых. Обильную пищу получит земля в ближайшие годы. И нет сомнения, что она отблагодарит хорошим урожаем тех, кто заботится об ее плодородии, кто заставляет ее рассказать о себе.

Ю МОР

Без слов.

Рисунки А. АНИСИМОВА

ВОКРУГ СВЕТА

№ 7 ИЮЛЬ 1964

СОДЕРЖАНИЕ

НИК. КОРОТЕЕВ — Выстрел в тайге	2
МАРК БЕЛЕНЬКИЙ — Двести тонн полуденного солнца	8
А. ВИНОГРАДОВ — Конец модной песенки. Щит у дороги	12
Н. АГАЯНЦ — Фернандо-По	16
АНТОНИО АРЛЕТТИ — Трампейдор	17
Б. СИЛКИН — Лучистые кольца Земли	24
Океанографическая хроника	26
Б. БАЗУНОВ, В. ГАНТМАН — Голубые километры	28
Л. КРИВЕНКО — Горы	32
«Маршрут» № 3	35
Фотоконкурс «Вокруг света»	37
ГАРРИ ТАБАЧНИК — Расскажи, земля, о себе	38
Пестрый мир	40
РАФАЛ МАЧЕЕВСКИЙ — В пещере Гуачаро	42
КУРТ ДАВИД — День тысячелетнего города	48
А. АЛДАН-СЕМЕНОВ — Путешествие к Небесным горам	50
Г. МЕТЕЛЬСКИЙ — Загадки пустынных вершин	54
ЮРИЙ ТРИФОНОВ — Дети доктора Гриши	58
РОМАН БЕЛОУСОВ — Всемирно «неизвестный»	60
Юмор	63

Главный редактор В. С. САПАРИН

Члены редакционной коллегии: В. И. АККУРАТОВ, Е. Н. ВАСИЛЬЕВА, И. М. ЗАБЕЛИН, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, Л. Д. ПЛАТОВ, Ю. А. ПОПКОВ (заместитель главного редактора), П. Н. РЕШЕТОВ, Ю. Б. САВЕНКОВ (ответственный секретарь), А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, В. М. ЧИЧКОВ.

Оформление В. Чернецова и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сущевская, 21. Телефоны: для справок Д 1-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 2-68; иностранный — 2-85; 3-58; литературы — 3-93; науки — 3-38; иллюстрации — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

A01838 Подп. к печ. 9/VI 1964 г. Печ. л. 8,5 (8,5). Уч.-изд. л. 10,2. Тираж 300 000 экз. Заказ 842. Цена 60 коп.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

Это не заклинатель огня из страны грез, а спелеолог в пещере у костра. Сказочная пещера лежит в недрах плато Караби-Яйла, в Крыму.

Фото Г. ЗЕЛЕНИНА

Окрестности Шираза, древнего города на юге Ирана. Выжженные солнцем плоскогорья и цветущие сады. Здесь вырастают знаменитые сорта ширазского винограда, цветут ширазские розы, воспетые еще Гафизом и Саади, родившимися в Ширазе. Ширазскую долину издавна населяют персы, здесь живут искусные виноделы, мастера мозаики, парфюмерии, шелковых тканей, ковров и оружия.

На снимке: персианка из Шираза.

Цена 60 коп.

Индекс 70142

КИНОСЪЕМКИ — УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЗАНЯТИЕ!

КИНОСЪЕМОЧНАЯ ЛЮБИТЕЛЬСКАЯ КАМЕРА
«ЭКРАН» НЕЗАМЕНИМА В ПУТЕШЕСТВИЯХ,
ТУРИСТСКИХ ПОХОДАХ, ЭКСКУРСИЯХ
И ПРИ СЪЕМКАХ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ.

Съемка производится на узкую обратимую 8-миллиметровую кинопленку. Запас пленки в кассете — 10 метров.

Скорости съемки — 8, 16, 24 и 48 кадров в секунду. Камера позволяет производить одиночные снимки и киносъемку с наплывами. Привод камеры пружинный. Полный завод пружины обеспечивает протягивание около 2 метров кинопленки.

Вес камеры — около 600 граммов.

В комплект входят:

киносъемочная камера с ремнем,
футляр камеры с наплечным ремнем,
кассеты (одна кассета в камере) — 3 штуки,
футляр для кассет,
четырехкратный нейтрально-серый светофильтр
(винчивающийся в объектив и допускающий ввинчивание в него другого светофильтра),
светофильтр ЖС-17,
насадочная линза,
описание,
паспорт.

КИНОСЪЕМОЧНУЮ КАМЕРУ «ЭКРАН» МОЖНО КУПИТЬ В МАГАЗИНАХ, ТОРГУЮЩИХ КИНОТОВАРАМИ.

«РОССКУЛЬТПОРГ»